

RESPUBLICA
LITERARIA

2022 №2

Respublica Literaria

2022. Т. 3. № 2

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лазаревич А. А. (Институт философии, Минск,
Республика Беларусь)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Синеокая Ю. В. (ИФ РАН, Москва, Россия)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Campbell C. (Техаский университет в Остине, США)

Редакционная коллегия:

Аблажей А.М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Афонасин Е.В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зазулина М. Р. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Мадюкова С. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск,
Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (Тихоокеанский университет, Хабаровск,
Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China; University
of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура, Зелена Гура,
Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A.V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editor – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lazarevich A. A.
(Institute of philosophy, Minsk, Republic of Belarus)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Sineokaya Yu. V. (IP RAS, Moscow, Russia)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples ' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)
Liberska H. (University of Bydgoszcz.
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Afonasin E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zazulina M. R. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Madyukova S. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Берестов И. В. Анализ «зеноновской причинности» Дж. Хоторна и её критика	5
Борисов Е. В. Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений.....	23
Бровкин В. В. Об упадочном характере эллинистической философии	31
Зайкова А. С. Временные формы и В-теории.....	40
Лурье В. М. «Парадокс Синглтона» в деонтической логике: Максим Исповедник и не только.....	50
Санжениаков А. А. Аристотель о действиях и их причинах	60

СОЦИОЛОГИЯ

Винокурова А. В., Актамов И. Г., Мунхбат О., Мунгунчимэг С. Монгольские мигранты в США: основные социально-демографические характеристики.....	70
Мадюкова С. А. Является ли этническая культура социальным институтом?	80

ОБЗОР

Петров В. В., Лбова Е. М., Персидская О. А. Междисциплинарное взаимодействие в условиях цифровизации научно-образовательного пространства.....	93
---	----

CONTENTS

PHILOSOPHY

Berestov I. V. Analysis and Critique of “Zeno causality” in J. Hawthorne	5
Borisov E. V. Semantic and Pragmatic Aspects of Indexicals	23
Brovkin V. V. On the Decadent Nature of Hellenistic Philosophy	31
Zaykova A. S. Tense in the Context of B-theories.....	40
Lourié B. The “Paradox of Singleton” in the Deontic Logic: Maximus the Confessor et alii	50
Sanzhenakov A. A. Aristotle on Actions and its Causes.....	60

SOCIOLOGY

Vinokurova A. V., Aktamov I. G., Orolmaa M., Sanjaa M. Mongolian Migrants in the USA: Basic Socio-demographic Characteristics	70
Madyukova S. A. Is Ethnic Culture a Social Institution?	80

REVIEW

Petrov V. V., Lbova E. M., Persidskaya O. A. Interdisciplinary Interaction in Digitalization Conditions of the Scientific and Educational Space	93
---	----

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.3:122

АНАЛИЗ «ЗЕНОНОВСКОЙ ПРИЧИННОСТИ» ДЖ. ХОТОРНА И ЕЕ КРИТИКА

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье мы намерены указать на слабые места в том способе преодоления парадоксальности мысленных экспериментов, имеющих форму *Дихотомии* Х. Бенардете, который предлагает Дж. Хоторн. Сначала мы укажем на способ так изменить решение Дж. Хоторна, чтобы учесть критику Е. В. Борисова, а затем приведем контрпример, показывающий неприемлемость как оригинального решения Дж. Хоторна, так и исправленного решения. Мы приходим к выводу, что универсальный способ решения парадоксов, родственных *Дихотомии* Х. Бенардете, до сих пор отсутствует.

Ключевые слова: зеноновская причинность, Дж. Хоторн, *Дихотомия* Бенардете, Н. Шекель, парадокс логической причинности.

Для цитирования: Берестов, И. В. (2022). Анализ «зеноновской причинности» Дж. Хоторна и ее критика. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 5-22. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.5-22

ANALYSIS AND CRITIQUE OF “ZENO CAUSALITY” IN J. HAWTHORNE

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
berestoviv@yandex.ru

Abstract. We intend to point out a flaw in J. Hawthorne’s method of overcoming the paradoxicality in gedanken experiments that have the form of J. Benardete’s *Dichotomy*. First, we will point out a way to change J. Hawthorne’s solution in such a way as to take into account E. V. Borisov’s criticism, and then we will give a counterexample showing the unacceptability of both J. Hawthorne’s original solution and the corrected solution. We come to the conclusion that there is still no universal way to solve paradoxes affined to J. Benardete’s *Dichotomy*.

Keywords: Zeno causality, J. Hawthorne, Benardete *Dichotomy*, N. Shackel, paradox of logical causality.

For citation: Berestov, I. V. (2022). Analysis and Critique of “Zeno causality” in J. Hawthorne. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 5-22. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.5-22

Исходное решение Дж. Хоторном *Дихотомии* Х. Бенардете

Шар и актуальные стены

Настоящая статья продолжает наше, начатое в статьях [Берестов, 2021a; Берестов, 2021b], исследование мысленных экспериментов, анализируемых Дж. Хоторном в статье

[Hawthorne, 2000]. Рассмотрим первый мысленный эксперимент, восходящий к знаменитой монографии Х. Бенардете [Benardete, 1964]; вариант этого мысленного эксперимента рассматривается Дж. Хоторном.

Пусть имеется Z -последовательность¹ непроницаемых стен, пронумерованных натуральными числами 1, 2, 3, ... Для простоты допустим, что стены существуют всегда, т. е. существуют в любой момент времени. Первая и самая левая стена начинается в точке A и имеет толщину один метр, ближайшая к первой стене левая поверхность второй стены отстоит от левой поверхности первой стены на расстояние в 1 км, и толщина второй стены составляет 1/2 метра, ближайшая ко второй стене левая поверхность третьей стены отстоит от левой поверхности второй стены на расстояние в 1/4 км, и толщина второй стены составляет 1/4 метра, и т. д. до бесконечности. Из этого описания следует, что стены расположены на интервале длиной в 2 км. Если точка B находится на расстоянии в 2 км от точки A , то все стены расположены на интервале $[AB)$, т. е. на расстоянии в 2 км и далее от левой поверхности первой стены нет ни одной стены.

Пусть шар катится к Z -последовательности стен справа налево непосредственно к той плоскости (находящейся на расстоянии в 2 км и далее от левой поверхности первой стены), за которой стены сгущаются в пространстве, достигая сразу же за этой плоскостью неограниченно большого числа стен на сколь угодно малую длину отрезка, лежащего на прямой, проходящей через все стены и вертикально к ним.

Допустим, что шар отскакивает от произвольной стены, которая имеет номер n в Z -последовательности стен. Запишем это допущение как $A(n)$. В этом случае параметр n есть произвольный номер стены, n , область D допустимых значений параметра n есть множество номеров стен 1, 2, 3, ... в Z -последовательности стен, т. е. множество натуральных чисел N , свойство A есть «шар отскакивает от стены под номером n », т. е. « $A(n)$ » читается как «шар отскакивает от стены под номером n ».

Допустим теперь, что шар может отскочить только от стены, пронумерованной некоторым натуральным числом. Теперь заметим, что в рассматриваемом мысленном эксперименте подразумевается, что, если выполнено $A(n)$ (т. е. шар отскочил от стены под произвольным номером n), то он не отскочил ни от одной из стен, находящихся ближе к нему, чем стена под номером n (ведь в противном случае шар не смог бы добраться до стены под номером n , а значит, не смог бы от неё отразиться).

Пусть D есть область объектов, которые в рассматриваемой истории могут обладать свойством, выражаемым предикатом A , т. е. $D = \{n: \text{формула } A(n) \text{ не содержит категориальной ошибки}\}$. На языке описания истории объекты истории обозначаются

---

¹ Z -последовательность есть имеющая предел, но никогда не достигающая его бесконечная последовательность рациональных чисел, или вещественных чисел, или областей, или объектов, занимающих эти области во времени и/или пространстве. Парадигмальными случаями Z -последовательностей, называемых так в честь Зенона Элейского, является последовательность уменьшающихся интервалов (каждый последующий короче предыдущего в два раза), которые должно пройти в обратном порядке тело, чтобы переместиться из точки A в точку B в *Дихотомии* Зенона, где утверждается, что для того, чтобы переместиться из точки A в точку B , нужно сначала пройти первую половину этого расстояния, для чего надо пройти первую половину этой половины, и т. д. Также Z -последовательность образуют перемещения догоняющего черепаху Ахиллеса в *Ахиллесе и черепахе* Зенона.

с помощью индивидуальных переменных или индивидуальных констант; предикат A не является объектом истории в этом смысле. Нам известно, что в истории D содержит *некоторые* порядковые числительные (ординалы) и только их. Нам также известно, что в истории $N \subseteq D$, но неизвестно имеются ли, в соответствии с историей, в D какие-либо другие ординалы, помимо натуральных чисел, сколько их и каковы они (об этом в истории ничего *явно* не говорится, но, может быть, о наличии таких объектов можно заключить из признаваемых истинными в истории положений). Тогда мы можем записать:

$$(BD_1) (\forall n)[A(n) \rightarrow (\forall m)(m > n \rightarrow \neg A(m))],$$

где $n, m \in D^2, N \subseteq D$.

Кажется, что в (BD_1) $D=N$. Ведь в рассматриваемой истории, по-видимому, нет ничего, что могло бы отразить шар, помимо отдельных стен, пронумерованных всеми натуральными числами и только ими.

Из (BD_1) выводится, что A не предикцируется более, чем одному порядковому числительному (т. е. в рассматриваемой истории, если шар отражён чем-либо, то он не отражён ничем другим):

$$(Uniq) (\forall n)[A(n) \rightarrow (\forall m)(m \neq n \rightarrow \neg A(m))],$$

где $n, m \in D, N \subseteq D$.

Например, в рассматриваемой истории, если шар отражён объектом, пронумерованным каким-либо ординалом, не являющимся натуральным числом, то шар не отражён никакой стеной, пронумерованной каким-либо натуральным числом.

Теперь заметим, что в рассматриваемом мысленном эксперименте подразумевается и ещё одно положение: если шар каким-то образом смог пройти сквозь все стены, стоящие между ним и стеной с номером n (т. е. для каждой стены m с номером бóльшим, чем n , он не отскочил от стены с номером m), то он отскочит от стены с номером n . В принятых нами обозначениях это записывается так:

$$(BD_2) (\forall n)[(\forall m)(m > n \rightarrow \neg A(m)) \rightarrow A(n)],$$

где $n, m \in D, N \subseteq D$.

---

² Формальный анализ настоящей истории и сходных историй именуется Н. Шекелем в [Shackel, 2005] «Дихотомией Бенардете (Benardete Dichotomy)», чем и вызвано обозначение (BD_1) и некоторых последующих формул. Мы будем основываться на формализации Н. Шекеля.

Как и в случае (BD_1) , кажется, что в (BD_2) $D=N$. Обозначим допущение о том, что в истории – а значит, в (BD_1) и в (BD_2) – $D=N$ через (BD_3) :

(BD_3) $D=N$.

Из (BD_1) & (BD_2) & (BD_3) выводится следующее положение (GF), которое мы назовём *Общей Формой* (General Form) для парадоксальных положений, имеющих форму *Дихотомии* Х. Бенардете:

(GF) $(\forall n)[A(n) \leftrightarrow (\forall m)(m > n \rightarrow \neg A(m))]$,
где $n, m \in N$ ³.

Положение (GF) для рассматриваемой истории можно неформально переписать в виде (здесь и далее ттк – тогда и только тогда, когда):

Шар отскочил от стены с произвольным номером n ттк он не отскочил ни от одной стены с номером m , бóльшим n (т. е. не отскочил ни от одной впередистоящей стены).

Заметим, что положение (GF) – вне зависимости от трактовки предиката A – парадоксально в том смысле, что из (GF) выводится следующее положение:

(Par) $(\forall n)(A(n) \leftrightarrow \neg A(n))$,
где $n \in N$.

Положение (Par) для рассматриваемой истории можно неформально переписать в виде:

Шар отскочил от стены, пронумерованной каким-либо натуральным числом ттк он не отскочил от стены, пронумерованной этим натуральным числом.

Итак, из (BD_1) & (BD_2) & (BD_3) выводится неприемлемое (Par) – вне зависимости от интерпретации предиката A .

Мы предлагаем следующую трактовку предлагаемого Дж. Хоторном способа избавления от парадоксальности *Дихотомии* Бенардете. В нашей трактовке Дж. Хоторн отказывается от включения (BD_3) в описание истории, подобных истории «Шар и актуальные стены». А именно Дж. Хоторн признаёт, что переменные n и m в консеквенте (BD_1) и в консеквенте (BD_2) пробегают не только по натуральным числам, но также и по ординалу ω – наименьшему ординалу, большему, чем любое натуральное число; иначе говоря, пробегают по множеству $N\omega$, $N\omega = \{1, 2, \dots, \omega\}$. Таким образом, Дж. Хоторн предлагает принять в описании истории вместо дискредитировавшей себя триады положений (BD_1) , (BD_2) и (BD_3) два положения (BD_1') и (BD_2') :

(BD_1') $(\forall n)[A(n) \rightarrow (\forall m)(m > n \rightarrow \neg A(m))]$,
где $n, m \in N\omega$.

³ Положение (GF) соответствует условию ANB из статьи [Shackel, 2005, pp. 398-401].

(BD_2') $(\forall n)[(\forall m)(m > n \rightarrow \neg A(m)) \rightarrow A(n)]$,
где $n, m \in N\omega$.

В рассматриваемой истории « $A(\omega)$ » читается как «Шар отражён стеной ω ». Это означает, что Дж. Хоторн признаёт, что в рассматриваемой истории ещё одна стена (под номером ω) способна отразить шар. Ниже мы опишем характеристики, которые, по мнению Дж. Хоторна, имеет стена под номером ω .

Из (BD_1') выводится положение:

$(Uniq')$ $(\forall n)[A(n) \rightarrow (\forall m)(m \neq n \rightarrow \neg A(m))]$,
где $n, m \in N\omega$.

В рассматриваемой истории $(Uniq')$ означает: для стен, пронумерованных порядковыми числительными из множества $N\omega$, если какая-либо стена отразила шар, то ни одна другая стена не отразила шар. В частности, если стена под номером ω отразила шар, то ни одна другая стена не отразила шар. В рассматриваемой истории, если $m > n$, то стена под номером m , если она отражает шар, то она отражает его в пространственной области, расположенной перед пространственной областью, в которой отражала бы шар стена с номером n , если бы она отражала его. Следовательно, стена под номером ω , если она отражает шар, отражает его перед любой стеной, пронумерованной натуральным числом. Последнее положение позволяет легко убедиться в истинности (BD_1') и (BD_2') в рассматриваемой истории.

Из (BD_1') и (BD_2') невозможно вывести ни (Par) , ни (Par') :

(Par') $(\forall n)(A(n) \leftrightarrow \neg A(n))$,
где $n \in N\omega$.

Кроме того, из (BD_1') и (BD_2') невозможно вывести ни $A(\omega) \rightarrow \neg A(\omega)$, ни $\neg A(\omega) \rightarrow A(\omega)$. Но из (BD_1') и (BD_2') выводятся следующие три положения:

(GF') $(\forall n)[A(n) \leftrightarrow (\forall m)(m > n \rightarrow \neg A(m))]$,
где $n, m \in N\omega$.

$(\neg n)$ $(\forall n)(\neg A(n))$,
где $n \in N$.

(ω) $A(\omega)$.

В общих чертах решение Дж. Хоторна состоит в признании следующего тезиса: *если имеется удовлетворяющая определённым условиям (которые будут описаны ниже) интерпретация предиката A , такая, что истинны (BD_1) и (BD_2) , то истинны (BD_1') и (BD_2') , и, следовательно, $A(\omega)$.*

Кроме того, Дж. Хоторн утверждает, что в рассматриваемой истории причиной остановки шара является действие **мереологической суммы** (fusion) всех стен, пронумерованных натуральными числами, а не действие какой-то отдельной стены (сама же мереологическая сумма не пронумерована никаким натуральным числом, но имеет номер ω). Если это решение обобщить на другие истории, однотипные с рассматриваемой, и добавить некоторые дополнительные условия, касающиеся, помимо прочего, условий, которым должна удовлетворять интерпретация предиката A , то получится следующий *Тезис Хоторна* в его оригинальной первой редакции, т. е. в том виде, в котором в нашей трактовке его использовал сам Дж. Хоторн⁴:

(НТ₁)

Если имеется история (возможный мир), относительно которой можно сказать следующее:

- (a) для любого $n, n \in N$
  - (i) в истории имеется агент a^n , существующий в пространственной и/или временной области $r a^n$ и только в ней (для любых натуральных чисел n и m , если $n \neq m$, то $a^n \neq a^m$);
  - (ii) в истории имеется непустая пространственная и/или временная область $r e^n$ такая, что если e производится агентом a^n , то e осуществляется в области $r e^n$, причём счётное бесконечное множество областей $\{r e^n: n \in N\}$ упорядочено некоторым бинарным отношением $\prec$ строгого полного порядка (транзитивным, антирефлексивным, антисимметричным) таким, что для любых натуральных чисел n и m , если $n < m$, то $r e^n \prec r e^m$;
- (b) в языке, на котором описывается история, для сокращения описания вводится предикат A , определяемый следующим образом: для любого ординала n $A(n)$ ттк агент a^n , существующий в пространственной и/или временной области $r a^n$, является **причиной** эффекта e , производимого агентом a^n в пространственной и/или временной области $r e^n$;
- (c) пространственные и/или временные области из множества $\{r e^n: n \in N\}$, упорядоченного отношением $\prec$, образуют такую Z -последовательность областей, что существует непустая область $S = \sup \{r e^n: n \in N\}$, причём $\sup \{r e^n: n \in N\} \notin \{r e^n: n \in N\}$;
- (d) если агенты $a^1, a^2, a^3, \dots$ полагаются существующими во времени, то существует непустой интервал времени, на котором существуют все агенты $a^1, a^2, a^3, \dots$;
- (e) в истории истинно $N \subseteq D$;
- (f) в истории нет исходных данных об истинности и ложности $D = N$ и $N \subset D$;
- (g) в истории нет исходных данных о референтах $a^n, r a^n, r e^n$ для любого n такого, что $n \in D$ & $n \notin N$, и о том, имеются ли у них референты вообще;

⁴ Дж. Хоторн не пытался записать ведущие к парадоксу положения в общем виде – через (BD₁), (BD₂) и проч., – и также не пытался выписать общее положение, позволяющее разрешить все парадоксы рассматриваемого типа. Он сосредоточился на анализе интуиций (вроде the Change Principle, [Hawthorne, 2000, p. 630]), мешающих согласиться с допустимостью предлагаемого им решения.

(h) какими бы ни были приняты выводимые в истории референты a^n , $r a^n$, $r e^n$ для любого n такого, что $n \in D$ & $n \notin N$ (если эти референты вообще имеются), в истории истинны (BD_1) и (BD_2) [а значит, истинно также и $(Uniq)$],

то в этой истории

- (1) имеется агент a^ω , такой, что:
  - (i) a^ω является *мереологической суммой* всех пронумерованных натуральными числами агентов a^n , $n \in N$;
  - (ii) $a^\omega \notin \{a^n: n \in N\}$;
  - (iii) $r a^\omega$ определяется следующим образом: агент a^ω существует в тех и только в тех моментах времени, в которых существуют все составляющие a^ω агенты $a^1, a^2, a^3, \dots$; агент a^ω существует в тех и только тех точках пространства, в которых существует хотя бы один из составляющих a^ω агентов $a^1, a^2, a^3, \dots$;
- (2) предикат A доопределяется следующим образом: $A(\omega)$ ттк агент a^ω , существующий в пространственной и/или временной области $r a^\omega$, является *причиной* эффекта e , производимого агентом a^ω в пространственной и/или временной области $r e^\omega$, где $r e^\omega = S$;
- (3) истинны (BD_1') и (BD_2') [и выводимые из них положения, включая $A(\omega)$ и $(\forall n)(\neg A(n))$, где $n \in N$].
- (4) агент a^ω не подвергается тому изменению (при наличии такого изменения), которому подвергся бы каждый агент a^n , если бы агент a^n являлся причиной эффекта e , производимого в области $r e^n$, $n \in N$.

Заметим, что приемлемость неочевидного положения $(HT_1).(h)$ легко показать на примере рассматриваемой сейчас истории «Шар и актуальные стены». Если мы для разрешения парадокса вводим новые, пронумерованные не натуральными числами, стены (или препятствия для движения шара), то их имеет смысл размещать так, чтобы они могли воздействовать на шар, не допуская шар к старым стенам. Это означает, что новые стены имеет смысл помещать перед *всеми* старыми стенами, между ними и движущимся к ним шаром. При другом местоположении новые препятствия никак не повлияют на движение шара и парадокс сохранится. Но это и утверждается в $(HT_1).(h)$, ведь в соответствии с $(HT_1).(h)$ и $(HT_1).(a).(ii)$ область воздействий новых препятствий находится перед областью действия стен, пронумерованных натуральными числами.

Приемлемость другого неочевидного положения – $(HT_1).(4)$ – мы обсудим ниже.

В соответствии с (HT_1) , в рассматриваемой истории истинно $(HT_1).(3)$, т. е. истинно $A(\omega)$. А именно, по $(HT_1).(1)$, стена a^ω , являющаяся мереологической суммой стен, пронумерованных натуральными числами, останавливает шар. И, по $(HT_1).(2)$, a^ω является причиной эффекта e , производимого агентом a^ω в области $r e^\omega$, где a^ω – мереологическая сумма стен, e – остановка шара, область $r e^\omega$ – точка B .

Ниже мы рассмотрим ещё одну, более сложную, версию *Дихотомии* Х. Бенардете «Шар, демоны и интенциональные стены», на решение которой также претендует Дж. Хоторн, и решение которой является основной целью его статьи. Но прежде чем перейти к истории

«Шар, демоны и интенциональные стены», рассмотрим также приводимую Дж. Хоторном «промежуточную» историю «Шар и краснеющие актуальные стены». Анализ этой последней истории призван объяснить, почему Дж. Хоторн принимает условие $(HT_1).(4)$, необходимость введения которого непонятна из анализа истории «Шар и актуальные стены»: в истории «Шар и актуальные стены» ни агенты (т. е. стены), ни их мереологическая сумма не рассматриваются как подвергающиеся какому-либо изменению. Однако отметим, что для избавления от парадоксальности в настоящей истории «Шар и актуальные стены» $(HT_1).(4)$ не нужно.

Заметим, что $(HT_1).(4)$ может выглядеть как приемлемое положение в некоторых случаях, если его воспринимать как утверждение вне (HT_1) . Например, в знаменитой истории, разбираемой в [Laraudogoitia, 1996], имеет место самопроизвольное и непредсказуемое порождение нового шара бесконечной мереологической суммой шаров, расположенных на конечном отрезке и способных к упругому столкновению друг с другом. Допустим, что каждый отдельный шар, чтобы породить новый шар, должен претерпеть изменение, состоящее в отпочковании нового шара из себя. При этом мереологическая сумма шаров – как утверждается в рассматриваемой истории – не претерпевает такого изменения.

Видно, что история из [Laraudogoitia, 1996] является контрпримером к следующему принципу, именуемому Дж. Хоторном «Принципом Изменения (the Change Principle)»:

«Если x есть мереологическая сумма y -ков, и y -ки по отдельности способны производить эффект e только лишь подвергаясь некоторому изменению, то x не может (без добавления какой-либо несупервентной каузальной силы) производить эффект e , не подвергаясь этому изменению» [Hawthorne, 2000, p. 630].

Дж. Хоторн требует отбросить *Принцип Изменения* как ошибочный, поскольку он противоречит $(HT_1).(4)$; основания, предъявляемые Дж. Хоторном, в пользу включения $(HT_1).(4)$ в (HT_1) мы рассмотрим ниже, при анализе истории «Шар и краснеющие интенциональные стены». Однако то, что $(HT_1).(4)$, как кажется, истинно в истории из [Laraudogoitia, 1996] не может быть доводом ни в пользу включения $(HT_1).(4)$ в (HT_1) , ни против этого. Действительно, в (HT_1) утверждается, что $(HT_1).(4)$ истинно, если истинен антецедент (HT_1) , а для истории из [Laraudogoitia, 1996] он ложен, ибо в этой истории нет угрозы парадоксальности – т. е. она не может быть записана с помощью (BD_1) и (BD_2) , входящих в $(HT_1).(h)$. К вопросу о том, нужно ли вообще включать $(HT_1).(4)$ в (HT_1) ради преодоления парадоксальности рассматриваемого типа, мы ещё вернёмся ниже.

Шар и краснеющие актуальные стены

Пусть имеется бесконечная последовательность стен, описанная в истории «Шар и актуальные стены». В дополнение к описанию стен из истории «Шар и актуальные стены», пусть каждая стена расположена на замкнутом пространственном интервале,

т. е. поверхность каждой стены является замкнутой. Пусть также каждая стена имеет синий цвет. Пусть шар имеет открытую поверхность. Пусть каждая стена сохраняет синий цвет тттк не состоялся её контакт с объектом с открытой поверхностью (в этом случае контакт стены с замкнутой поверхностью и шара с открытой поверхностью можно понимать как отсутствие точек между шаром и стеной и отсутствие точек, общих шару и стене на нормали к стенам, проходящей через центр шара); в противном случае стена меняет синий цвет на красный. Пусть мереологическая сумма стен имеет некоторый цвет тттк каждая из составляющих её стен имеет этот цвет.

Поскольку каждая из стен изначально имеет синий цвет, мереологическая сумма стен изначально также имеет синий цвет. При столкновении шара с мереологической суммой стен, имеющей открытую поверхность, не происходит контакта шара ни с одной из стен (хотя происходит контакт шара с мереологической суммой стен, представляющий собой контакт двух тел с открытыми поверхностями в зоне контакта; в этом случае контакт можно понимать как наличие одной и только одной точки между шаром и стеной на нормали к стенам, проходящей через центр шара). В результате получается, что мереологическая сумма стен, как и в истории «Шар и актуальные стены», отражает шар в точке B на расстоянии 2 км от левой поверхности первой стены, но при этом ни одна стена не краснеет. Действительно, если бы мереологическая сумма стен покраснела, то покраснела бы каждая составляющая её стена. Но каждая стена краснеет только при контакте с шаром, и этого контакта у шара не происходит ни с одной стеной [Hawthorne, 2000, note 13, p. 633]. Следовательно, мереологическая сумма стен (и ни одна из составляющих её стен) не подвергается изменению своего цвета с синего на красный.

Дж. Хоторн использует историю «Шар и краснеющие актуальные стены» как довод в пользу того, что приведённый выше общий тезис $(HT_1).(4)$ следует включить в (HT_1) . Как выражается сам Дж. Хоторн [Hawthorne, 2000, p. 630], обосновывая свой подход – т. е., в нашей интерпретации, обосновывая необходимость включения $(HT_1).(4)$ в (HT_1) , – следует отбросить как ошибочный уже процитированный нами выше *Принцип Изменения*.

По (HT_1) , для рассматриваемой истории получаем следующее.

Мереологическая сумма стен a^w отражает шар, и a^w не подвергается покраснению, которому подверглась бы каждая из отдельных стен, если бы она отразила шар.

Шар, демоны и интенциональные стены

Как и история «Шар и актуальные стены», эта история также восходит к монографии Х. Бенардете [Benardete, 1964] и подробно анализируется в статье Дж. Хоторна [Hawthorne, 2000]. Пусть стены, полагаемые воздвигнутыми в исходной истории с шаром и актуальными стенами, будут не воздвигнуты *актуально*, но каждая стена лишь *может быть* воздвигнута некоторым могущественным демоном. Если какая-либо пронумерованная натуральным числом n стена актуально воздвигнута, то она имеет ту же толщину, что и в примере с «Шаром и актуальными стенами», и то же положение. Первый демон намерен воздвигнуть самую левую стену номер 1 в точке 0 только если шар, двигаясь справа налево, не будет отражён до того, как он докатится до места предполагаемого воздвижения стены номер 1. Второй демон намерен воздвигнуть стену номер 2 на расстоянии в 1 км от точки 0 только

если шар не будет отражён до того, как он докатится до места предполагаемого воздвижения стены номер 2. Третий демон намерен воздвигнуть стену номер 3 на расстоянии в $1\frac{1}{2}$ км от точки 0 только если шар не будет отражён до того, как он докатится до места предполагаемого воздвижения стены номер 3. И т. д. до бесконечности. Ни одна стена не планируется к воздвижению каким-либо демоном в точке B , находящейся в 2 км справа от точки 0, и также правее точки B . Для простоты допустим, что демоны существуют всегда и везде, т. е. существуют в любой момент времени, а их пространственная локализация не важна. Также пусть всегда существуют намерения демонов воздвигнуть стену при выполнении соответствующего условия.

В отличие от истории «Шар и актуальные стены», в истории «Шар, демоны и интенциональные стены» « $A(n)$ » интерпретируется как «Шар отражён стеной, которую намерен воздвигнуть демон с произвольным номером n ». При этой интерпретации предиката A , положение (GF) может быть неформально записано следующим образом:

Шар отражён стеной, которую намерен воздвигнуть демон с произвольным номером n тогда и только тогда, когда шар не был отражён ни одной из стен, которые намерены воздвигнуть демоны, номера которых превышают номер n (т. е. не отражён ни одной из стен, которые демоны намерены воздвигнуть впереди той стены, которую намерен воздвигнуть демон с номером n), $n \in \mathbb{N}$ ⁵.

Способ избавления этой истории от парадоксальности, предлагаемый Дж. Хоторном, совпадает с предлагаемым им способом избавления от парадоксальности предыдущей истории «Шар и актуальные стены». Дж. Хоторн предлагает отказаться от признания истинным в рассматриваемой истории «Шар, демоны и интенциональные стены» положения, что шар может отскочить только от (актуально воздвигнутой) стены, пронумерованной натуральным числом. Причиной отражения шара в этом случае является действие мереологической суммы демонов a^ω , такой, что каждый из демонов, входящих в a^ω , имеет намерение воздвигнуть (если выполнено некоторое независимое от него условие) останавливающую шар стену.

В соответствии с (HT₁). (4), a^ω не подвергается тому изменению (при наличии такого изменения), которому подвергся бы каждый отдельный демон, если бы он воздвиг стену. Однако непонятно, сопровождается или нет воздвижение стены изменением демона. Допустим, что не сопровождается. В этом случае a^ω отражает шар так, как делала бы это каждая отдельная стена: посредством возведения стены, но эта стена имеет толщину точно в одну точку и воздвигается точно в точке B , поскольку в этом случае эффект e , например, можно трактовать как «воздвижение стены и отражение ею шара», и этот эффект осуществляется в области пространства ${}^r e^\omega$, ${}^r e^\omega = \sup \{ {}^r e^n : n \in \mathbb{N} \}$, ${}^r e^\omega \notin \{ {}^r e^n : n \in \mathbb{N} \}$.

⁵ Н. Шекель в [Shackel, 2005] признаёт, что наиболее близким к его подходу является способ объяснения возникновения противоречия в мысленном эксперименте с демонами, намеревающимися воздвигнуть стены на пути шара из [Yablo, 2000], где С. Ябло аргументирует в пользу недостаточной обоснованности подхода Г. Приста из [Priest, 1999], который отстаивает тезис о принципиальной противоречивости движения на основании этого мысленного эксперимента.

Сам же Дж. Хоторн полагает, что воздвижение стены сопровождается изменением возводящего её отдельного демона. В этом случае, по (HT_1) , шар будет отражён метеорологической суммой стен без изменения, сопровождающего воздвижение каким-либо отдельным демоном стены, а значит метеорологическая сумма демонов не воздвигнет никакой стены (хотя и отразит шар).

В следующей, излагаемой ниже истории «Убить Боба», мы, следуя Дж. Хоторну, попытаемся представить историю, в которой агенты явно претерпевают изменения.

Убить Боба

Существует бесконечная последовательность демонов, каждый из которых намеревается убить Боба при выполнении некоторого условия. Все демоны пронумерованы натуральными числами, нет пары демонов с одинаковыми номерами, нет натурального числа, которое не было бы сопоставлено какому-нибудь демону. Демон № 1 намерен атаковать Боба с мачете, если Боб все ещё будет жив к двум часам пополудни. Если демон № 1 атакует, то ему потребуется полчаса, чтобы убить Боба. Для демона № 1 каузально невозможно атаковать Боба и не убить его в течение получаса. Демон № 2 намерен напасть на Боба с мачете, если Боб все ещё жив к 1:30 пополудни, и ему потребуется четверть часа, чтобы убить Боба. Для демона № 2 каузально невозможно атаковать Боба и не убить его в течение четверти часа. И так далее. Для Боба невозможно пережить атаку какого-либо демона. (Дж. Хоторн замечает, что невозможность для Боба пережить каждую отдельную атаку какого-либо демона соответствует непроницаемости каждой отдельной стены, а фиксированное время, когда демон убьёт Боба, если начнёт атаку на него, соответствует жёсткости стены в истории «Шар, демоны и интенциональные стены»). Для любого момента времени, такого, что демон намерен начать атаку на Боба в этот момент времени, имеется бесконечно много демонов, намеренных атаковать Боба раньше. [Hawthorne, 2000, p. 627].

Как и в истории «Шар, демоны и интенциональные стены» допустим, что демоны и их намерения существуют всегда; пространственная локализация демонов не важна.

В соответствии с нашей трактовкой подхода Дж. Хоторна в (HT_1) , Боб будет убит метеорологической суммой демонов в час пополудни, причём метеорологическая сумма демонов не будет атаковать Боба с помощью некоего «супермачете» [Hawthorne, 2000, p. 630], поскольку размахивание мачете вызвало бы изменение метеорологической суммы демонов (скажем, переход её из состояния покоя в состояние движения), тогда как Дж. Хоторн полагает на основании $(HT_1).(4)$, что метеорологическая сумма демонов может совершить действие e (т. е. убийство Боба), не подвергаясь тому изменению, которому при совершении действия e подвергаются демоны, составляющие метеорологическую сумму демонов.

Здесь следует заметить, что неиспользование метеорологической суммой демонов супермачете (т. е. мачете, которое не принадлежит ни одному демону из бесконечной банды демонов, пронумерованных всеми натуральными числами) при убийстве Боба не очевидно даже в случае признания $(HT_1).(4)$. Действительно, $(HT_1).(4)$ не запрещает использование метеорологической суммой демонов супермачете при убийстве Боба, если каждый демон

не подвергся бы изменению, если бы он убил Боба с использованием мачете. И демон, как существо, могущее быть, предположительно, внепространственным и/или бестелесным, вполне может не подвергаться изменению при размахивании мачете. Во всяком случае, не подвергаться изменению в том же смысле, в котором мереологическая сумма демонов не подвергается изменению при убийстве Боба без помощи мачете.

Дж. Хоторн предлагает вариацию истории «Убить Боба», в которой пронумерованные натуральными числами агенты, если бы они производили эффект e , явно подвергались бы изменению. В этой обновлённой истории место демонов занимают вполне физические частицы, которые, если выполнены соответствующие условия, воздействуют на другую частицу (занимающую место Боба) посредством рентгеновского излучения, в результате чего производится эффект e (занимающий место убийства Боба), состоящий в превращении облучаемой частицы в другую частицу [Hawthorne, 2000, pp. 627–628]. Мы можем принять, что готовые к испусканию рентгеновского излучения частицы существуют всегда, а расстояние между каждой из этих частиц и потенциально облучаемой частицей достаточно мало для того, чтобы последняя в соответствующее время превратилась в другую частицу. Частицу, испустившую квант рентгеновского излучения, было бы разумным назвать претерпевшей изменения в своём состоянии, энергии или вообще ставшей другой частицей. Поэтому в этой истории кажется бесспорным, что, в соответствии с подходом Дж. Хоторна, мереологическая сумма способных к рентгеновскому излучению частиц превратит потенциально облучаемую частицу в другую частицу, не испуская рентгеновского излучения.

На этом мы заканчиваем изложение нашей трактовки подхода самого Дж. Хоторна в виде (НТ₁), и приступаем к критическому анализу этого подхода.

Критика подхода Дж. Хоторна

Допустим, что демон в истории «Убить Боба» всё-таки претерпевает изменение при размахивании мачете. В этом случае из (НТ₁).⁽⁴⁾ следует запрет на размахивание супермачете для мереологической суммы демонов. Но этот запрет для этой истории выглядит довольно неестественно и произвольно, поскольку в этой истории он ни на чём не основывается: ведь убийство Боба мереологической суммой демонов в этой истории не приводит к противоречию, так что, кажется, нет оснований для введения различия между способами действия отдельных демонов и мереологической суммы демонов. Кроме того, этот запрет, как и запрет в истории «Шар, демоны и интенциональные стены» для мереологической суммы демонов воздвигать стену, чтобы отразить шар, приводят к «поразительным (surprising)» (по признанию самого Дж. Хоторна) следствиям [Hawthorne, 2000, pp. 630–631], а именно, к тому, что возникает причинность без изменения в причине и её действии (Changeless Causality).

«Соответствующим образом комбинируя вещи, которые необходимо изменить, чтобы произвести некоторый результат, мы можем составить мереологическую сумму, которая может произвести этот результат, не претерпевая изменений. Вещи, которые ведут себя довольно обычно, могут быть объединены таким способом, что порождаются вещи, ведущие себя почти волшебным способом. Если бы в мире существовали специальные законы магии, действующие на большие вещи, в этом не было бы ничего поразительного. Что поразительно, так это то, что одного лишь

собрания вместе достаточного количества обычных вещей и их соответствующего упорядочения уже логически достаточно, чтобы породить причинность без изменения [в причине] (changeless causation)» [Hawthorne, 2000, p. 630].

Допустим, что коллектив демонов выполняет такое действие (отражение шара, убийство Боба), что, если бы это действие выполнялось каким-либо отдельным демоном, то этот отдельный демон претерпевал бы некоторое изменение. Например, изменением, сопровождающим отражение шара отдельным демоном, может быть перемещение демона в процессе воздвижения стены; изменением, сопровождающим убийство Боба отдельным демоном, может быть размахивание мачете. Также допустим, что коллектив демонов не претерпевает того изменения, которым сопровождается построение стены отдельным демоном или размахивание мачете отдельным демоном. Тогда непонятно, что именно является *непосредственной* причиной отражения шара или убийства Боба: шар отражается или Боб умирает без непосредственной причины (каковой в случае отражения шара или убийства Боба отдельным демоном было бы воздвижение стены или размахивание мачете).

Сам Дж. Хоторн, признавая неестественность Changeless Causality, всё-таки полагает, что мы можем её принять. Это означает принятие принципа, обозначенного нами как $(HT_1).(4)$. Другие авторы не столь терпимы к $(HT_1).(4)$. Например, Е. В. Борисов предлагает такую трактовку подхода Дж. Хоторна, в которой причина смерти Боба в истории «Убить Боба» не определена в описании истории, но она существует, правда, в различных возможных мирах она своя. В различных возможных мирах, совместимых с историей «Убить Боба», Боб умирает от различных причин: от смеха, инфаркта, резаных ран и т. д. Получается, что Боб в различных мирах перебирает все возможные причины для смерти, и в некоторых мирах он умирает от резаных ран [Борисов, 2022, с. 570]. Но такая трактовка подхода Дж. Хоторна не делает этот подход приемлемым: Е. В. Борисов полагает, что подход Дж. Хоторна «подрывает саму идею каузальной связи» [Борисов, 2022, с. 570], поскольку мерееологическая сумма демонов воздействует на Боба, тогда как Боб не воздействует на неё, что превращает каузальную связь из взаимодействия в одностороннее воздействие, а такое понимание каузальной связи совершенно неприемлемо [Борисов, 2022, с. 570].

Подход Е. В. Борисова весьма интересен, поэтому желательна его более подробная разработка. Как кажется, Е. В. Борисов отбрасывает $(HT_1).(4)$, заменяя его следующим положением, в соответствии с которым смерть Боба в каждом возможном мире всё-таки имеет конкретную причину:

Если мерееологическая сумма a^ω агентов $a^1, a^2, \dots$ является причиной эффекта e , производимого в области $r e^\omega$, то a^ω в различных возможных мирах подвергается любому изменению, не вносящему в данный мир противоречие, в том числе – тому изменению (при наличии такого изменения), которому подвергся бы каждый агент a^n , если бы агент a^n являлся причиной эффекта e , производимого в области $r e^n, n \in N$.

Но приведённое положение, утверждающее наличие у смерти Боба в каждом возможном мире своей конкретной причины (которая может отличаться от причины смерти Боба в других возможных мирах) не устраняет, по Е. В. Борисову, все странности. Хотя мерееологическая сумма демонов и является в каждом возможном мире причиной этой

конкретной причины, мереологическая сумма демонов не претерпевает изменения, когда производит свой эффект (т. е. производит конкретную причину смерти Боба, например, отравление, инфаркт, ранение и проч.), что довольно странно для *физической* причины в отличие от *метафизической* причины, например, Бога, который, вероятно, может творить мир, не претерпевая изменения, и даже пребывать при этом вне времени.

Мы полагаем, что как (НТ₁).⁽⁴⁾, так и модификация этого положения у Е. В. Борисова порождают для рассматриваемой истории «Убить Боба» ещё одну странность: в обоих случаях причина не является *объяснением* для производимого ею эффекта, причём «произведённый эффект» в этих случаях различен.

Если исходить из (НТ₁).⁽⁴⁾, то мереологическая сумма демонов является *причиной* смерти Боба, но не является *объяснением* для неё, поскольку нет естественнонаучных законов, которые позволяли бы вывести из существования мереологической суммы демонов смерть Боба.

Если же исходить из модификации (НТ₁).⁽⁴⁾ у Е. В. Борисова, то мереологическая сумма демонов является *причиной* наличия в каждом возможном мире, совместимом с историей «Убить Боба», *непосредственной причины* смерти Боба (в различных возможных мирах *непосредственная причина* смерти Боба может быть различна). Следует признать, что в каждом из указанных возможных миров *непосредственная причина* смерти Боба является *объяснением* смерти Боба, поскольку из ранения, инфаркта, отравления и проч. Боба и законов физиологии действительно можно вывести смерть Боба. Однако мереологическая сумма демонов не является *объяснением* для наличия в каждом из указанных возможных миров *непосредственной причины* смерти Боба, поскольку нет естественнонаучных законов, которые позволяли бы вывести для каждого указанного возможного мира из наличия мереологической суммы демонов наличие *непосредственной причины* смерти Боба.

Исправление (НТ₁) как ответ на критику положения (НТ₁).⁽⁴⁾

Но спорного заключения о присутствии в рассматриваемой истории спорной Changeless Causality можно избежать, если вместо (НТ₁) принять (НТ₂), который получается из (НТ₁), если в (НТ₁) отбросить (НТ₁).⁽⁴⁾.

Как мы указывали выше, Дж. Хоторн вводит (НТ₁).⁽⁴⁾, чтобы его решение не привело к возникновению противоречия в истории «Шар и краснеющие актуальные стены»: каждая стена краснеет ттк она отражает шар, и при отражении мереологической суммы стен шара ни одна отдельная стена не отражает шар, но краснеют все отдельные стены. Ниже мы покажем, что этого противоречия не возникнет, и получится тот же самый результат, что и при использовании (НТ₁) «без купюр» – а именно, шар будет отражён мереологической суммой стен, но ни одна отдельная стена, ни мереологическая сумма стен не покраснеют, – даже если в (НТ₁) отбросить (НТ₁).⁽⁴⁾.

В приведённом выше анализе истории «Шар и краснеющие актуальные стены» имеется единственный эффект *e*, который состоит в отражении шара, и предикат *A* в (BD₁) и (BD₂) задаётся следующим образом: «*A*(*n*)» трактуется как «стена под номером *n* отразила шар». Изменение стеной своего цвета не является эффектом. Однако у нас нет ограничений на эффекты, позволяющих отражение шара признавать эффектом, а покраснение стены –

нет. Поэтому можно признать, что, если агент, производящий какой-либо эффект e_1 , подвергается какому-либо изменению, то это изменение является ещё одним эффектом e_2 . В этом случае предикат A в (BD_1) и (BD_2) получает две трактовки. Это означает, что во второй версии истории «Шар и краснеющие актуальные стены», чтобы воспользоваться (HT_2) , необходимо убедиться в истинности в истории четырёх положений, e_1 получаемых из (BD_1) и (BD_2) подстановкой вместо предиката A предиката A_1 (что даёт первую пару положений) и предиката A_2 (что даёт первую пару положений). Здесь « $A_1(n)$ » трактуется как «стена под номером n отразила шар», и эффект e_1 есть отражение шара, а « $A_2(n)$ » трактуется как «стена под номером n покраснела», и эффект e_2 есть покраснение.

Положения (BD_1) и (BD_2) , как и другие положения, входящие в антецедент (HT_2) , истинны при трактовке A как A_1 . Значит, (HT_2) можно использовать, в результате чего мы получаем $A_1(\omega)$, т. е. шар отражён метеорологической суммой стен.

Теперь рассмотрим (BD_1) и (BD_2) при трактовке A как A_2 . В антецеденте (HT_2) присутствует (BD_1) . Кроме того, как мы указали выше, из (BD_1) следует $(Uniq)$. Если $(Uniq)$ записать с A_2 вместо A , то в $(Uniq)$ утверждается, что какая бы стена (включая метеорологическую сумму отдельных стен) ни покраснела, ни одна другая стена не покраснеет. Но в истории «Шар и краснеющие актуальные стены» истинно положение: если метеорологическая сумма стен покраснела, то все составляющие её отдельные стены тоже покраснели. Следовательно, $(Uniq)$ с A_2 вместо A ложно. Поскольку из (BD_1) , как мы заметили выше, выводится $(Uniq)$, и $(Uniq)$ ложно, по *modus tollens* получаем: в истории «Шар и краснеющие актуальные стены» (BD_1) ложно. Поскольку (BD_1) находится в антецеденте (HT_2) – а именно, находится в $(HT_1).(h)$ – выведение $A_2(\omega)$ невозможно осуществить на основании (HT_2) , т. е. невозможно вывести, что метеорологическая сумма стен покраснеет.

Мы получили тот же вывод, с помощью которого Дж. Хоторн спасает своё описание истории «Шар и краснеющие актуальные стены» от противоречия и ради которого он вводит $(HT_1).(4)$ в (HT_1) : метеорологическая сумма стен отражает шар, и не краснеет при этом. Это означает, что $(HT_1).(4)$ в (HT_1) можно отбросить, поскольку история «Шар и краснеющие актуальные стены» была единственной из рассмотренных историй, в которой, как полагал Дж. Хоторн, его способ решения парадокса без принятия $(HT_1).(4)$ привёл бы к противоречию. Для разрешения парадокса в других историях положение $(HT_1).(4)$ не нужно, и, как показала критика применения $(HT_1).(4)$ в истории «Убить Боба» выше, нежелательно.

Укажем, что произойдёт в изложенных выше других историях в случае принятия (HT_2) .

В истории «Шар и актуальные стены» агент a^ω (т. е. метеорологическая сумма стен) отражает шар в точке B . Этот результат полностью соответствует результату, полученному с помощью (HT_1) .

В истории «Шар, демоны и интенциональные стены» агент a^ω (т. е. метеорологическая сумма демонов) отражает шар в точке B , посредством возведения в этой точке стены, имеющей толщину ровно в 1 точку. В истории присутствуют два эффекта: воздвижение стены и остановка шара. Как мы видели выше, (BD_1) и (BD_2) в таких случаях записываются отдельно и для первого эффекта, и для второго.

В истории «Убить Боба» агент a^w (т. е. мереологическая сумма демонов) убьёт Боба ровно в 1 час пополудни в течение вырожденного интервала времени, состоящего из одного момента, посредством некоторого мачете. Так что смерть Боба не будет беспричинной, а произойдёт в результате нанесения Бобу резанных ран.

Заметим, что во всех рассмотренных историях мереологическая сумма стен не обязана быть ни стеной, ни демоном, достаточно, чтобы они выполняли свойственные стенам и демонам функции в рассматриваемых историях – т. е. отражали шар или убивали Боба. В истории «Убить Боба» истинно предложение $A(w)$ по меньшей мере с двумя интерпретациями предиката A и, соответственно, с двумя трактовками эффекта e : в первой интерпретации эффектом является нанесение Бобу резанных ран с помощью мачете, во второй – смерть Боба.

История «Убить Боба» может быть представлена в виде нескольких версий.

Если в **первой версии** истории «Убить Боба» каждый демон, если бы он убил Боба, то он убил бы его *тем же самым* актуально существующим мачете, которым убил бы его каждый другой демон, если он убил Боба. По (НТ₂), из этого следует, что мереологическая сумма демонов убьёт Боба тем же самым актуально существующим мачете.

Если во **второй версии** истории в распоряжении каждого демона имеется его собственное актуально существующее мачете, не совпадающее с мачете ни одного другого демона, и мереологическая сумма демонов также имеет в своём распоряжении своё собственное актуально существующее мачете, не совпадающим с мачете ни одного демона, и каждый демон, если убивает Боба, то убивает его своим собственным актуально существующим мачете, то мереологическая сумма демонов также убивает Боба своим собственным актуально существующим мачете.

Если в **третьей версии** истории ни одно мачете актуально не существует, но каждый демон намерен мгновенно создать своё собственное мачете при наступлении условия, при котором этот демон намерен убить Боба с помощью мачете, то мереологическая сумма демонов убивает Боба с помощью специально созданного ею своего собственного мачете.

Если в **четвёртой версии** истории актуально существуют собственные мачете для всех пронумерованных натуральными числами демонов, но нет ни одного мачете, которое не принадлежало бы кому-либо из этих демонов, то мереологическая сумма демонов убивает Боба с помощью специально созданного ею своего собственного мачете (в отличие от отдельных демонов, которые не создают мачете, а пользуются уже существующими).

В тех версиях, в которых мачете создаются мереологической суммой демонов, истинно предложение $A(w)$ с тремя интерпретациями предиката A и, соответственно, с тремя трактовками эффекта e : в первой интерпретации эффектом является создание мачете, во второй – нанесение Бобу резанных ран с помощью мачете, в третьей – смерть Боба.

Контрпример к (НТ₁) и (НТ₂):

Краснеющие, но не отражающие шар актуальные стены

Рассмотрим ещё одну историю. Пусть в рассмотренной выше истории «Шар и краснеющие актуальные стены» стены не имеют свойства отражать шар, если шар столкнётся с ними. Пронумерованные натуральными числами стены свободно пропускают шар сквозь себя – скажем, в них имеется соответствующее отверстие. Однако каждая такая

стена имеет красный цвет ттк её коснулся шар и (чего не было в истории «Шар и краснеющие актуальные стены») перед ней нет ни одной красной стены. В этом случае эффектом, который произвела бы каждая пронумерованная натуральным числом стена, если бы шар докатился до неё, будет уже не отражение шара – каковой эффект сопровождался бы покраснением стены в истории «Шар и краснеющие актуальные стены», – а само покраснение стены. Таким образом, в рассматриваемом случае эффект e совпадает с тем изменением, который претерпевает агент при производстве эффекта. В истории «Шар и краснеющие актуальные стены» было два эффекта, в рассматриваемой же сейчас истории имеется только один эффект.

В рассматриваемой истории « $A(n)$ » трактуется как «При приближении шара стена под номером n краснеет». Получается, что при приближении шара к стене под номером n эта стена краснеет ттк ни одна стена под номером, бóльшим, чем n , не краснеет, $n \in \mathbb{N}$. Кроме того, в силу особенностей мереологической суммы стен, если мереологическая сумма стен краснеет, то каждая входящая в неё отдельная стена краснеет: $A(\omega) \rightarrow (\forall m)(m \neq n \rightarrow \neg A(m))$, где $m \in D$. Из последнего положения следует, что (Uniq) ложно. Из этого – как и при нашем анализе второй версии истории «Шар и краснеющие актуальные стены» с использованием (HT_2) в разделе «Исправление (HT_1) и ответ на критику» выше – следует, что (BD_1) , $(\text{HT}_1).(h)$ и $(\text{HT}_2).(h)$ ложны, а значит, выведение $A(\omega)$ невозможно осуществить ни на основании (HT_1) , ни на основании (HT_2) . Таким образом, невозможно вывести, что мереологическая сумма стен покраснеет ни с использованием (HT_1) , ни с использованием (HT_2) . Это означает, что мереологическая сумма стен в обоих случаях не произведёт эффект, требующийся для преодоления парадокса. Следовательно, в обоих случаях парадокс останется в силе: каждая стена покраснеет ттк она не покраснеет.

Мы видим, что наша попытка защитить подход Дж. Хоторна от критики не удалась. Это означает, что проблема, поставленная в *Дихотомии* Бенардете, до сих пор актуальна, поскольку универсальный способ решения парадоксов, родственных *Дихотомии* Х. Бенардете, до сих пор отсутствует.

Список литературы / References

Берестов, И. В. (2021a). Содержит ли современный анализ затруднений с зеноновскими последовательностями решение *Дихотомии*? *Respublica Literaria*. Т. 2. № 1. С. 28-36. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.28-36

Berestov, I. V. (2021a). Does Contemporary Analysis of Difficulties with Zeno Sequences Contain a Solution to the *Dichotomy*? *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 1. pp. 28-36. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2021b). Анализ действенности *Дихотомии* Зенона Элейского. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 4. С. 27-42. DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.27-42

Berestov, I. V. (2021b). A Soundness Analysis of Zeno's of Elea *Dichotomy*. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 27-42. (In Russ.)

Борисов, Е. В. (2022). Дихотомия Зенона и парадокс логической причинности. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. Т. 16. Вып. 2. С. 563-574. DOI: 10.2505/1995-4328-2022-16-2

Borisov, E. V. (2022). Zeno's Dichotomy and the Paradox of Logical Causality. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Vol. 16. no. 2. pp. 563-574. (In Russ.)

Benardete, J. A. (1964). *Infinity: An Essay in Metaphysics*. Oxford. Clarendon Press. x.

Hawthorne, J. (2000). Before-Effect and Zeno Causality. *Noûs*. Vol. 34. no. 4. pp. 622-633.

Laraudogoitia, P. J. (1996). A Beautiful Supertask. *Mind*. Vol. 105. pp. 81-83.

Priest, G. (1999). On a Version of One of Zeno's Paradoxes. *Analysis*. Vol. 59. no. 1. pp. 1-2.

Shackel, N. (2005). The Form of the Benardete Dichotomy. *British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 56. no. 2. pp. 397-417.

Yablo, S. (2000). A Reply to New Zeno. *Analysis*. Vol. 60. pp. 148-52.

Сведения об авторе / Information about the author

Берестов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2022

После доработки: 10.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Berestov Igor – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>

The paper was submitted: 15.05.2022

Received after reworking: 10.06.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

УДК 164.3

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИНДЕКСИКАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. В одной из статей Ромден-Ромлук следующие два тезиса атрибутированы семантике индексикалов Каплана: 1) каждый токен слова «я» указывает на говорящего; 2) контекст, определяющий референцию, – это контекст высказывания. Ромден-Ромлук считает эти тезисы ложными, приводит примеры употребления индексикалов, которые, по ее мнению, являются контрпримерами к этим тезисам, и предлагает концепцию, свободную от этих тезисов. В данной статье представлена критика ее концепции. Я показываю, что эти тезисы некорректно сформулированы, что они не могут быть атрибутированы капланианской семантике, и что Ромден-Ромлук допускает смешение семантики и прагматики. Это смешение проявляется в том, что она рассматривает коммуникативно-релевантные контексты (контексты, обеспечивающие успех коммуникации в данной ситуации) как семантический феномен, тогда как они представляют собой прагматический феномен.

Ключевые слова: индексикальное выражение, значение, референция, контекст, семантика, прагматика.

Для цитирования: Борисов, Е. В. (2022). Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 23-30. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.23-30.

SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECTS OF INDEXICALS

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. In a paper of Romdenh-Romluc the following two claims are attributed to the Kaplanian semantics of indexicals: 1) Each token of 'I' refers to the utterer. 2) The reference-determining context is the context of utterance. Romdenh-Romluc finds these claims wrong, adduces examples of using indexicals that she takes to be counter-examples to these claims, and suggests a theory that does not endorse them. The present paper levels a criticism on her view. I show that the claims above are misformulated, that they cannot be attributed to Kaplan's semantics, and that Romdenh-Romluc confuses semantics and pragmatics. The confusion is visible in the fact that she considers communicatively relevant contexts (i.e. the context that enables the success of communication) to be a semantic phenomenon whereas it is a pragmatic one.

Keywords: indexicals, meaning, reference, context, semantics, pragmatics.

For citation: Borisov, E. V. (2022). Semantic and Pragmatic Aspects of Indexicals. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 23-30. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.23-30

Введение

Употребление индексикальных выражений в естественном языке ставит перед лингвистами и философами языка ряд проблем, одна из которых связана с разграничением семантики и прагматики. Эта проблема обсуждалась, в частности, в недавно состоявшейся дискуссии по статье О. А. Козыревой [Козырева, 2022]. В этой дискуссии я попытался показать [Борисов, 2022], что Козырева допускает определенное смешение семантики и прагматики, которое восходит, в частности, к концепции Ромден-Ромлук [Romdenh-Romluc, 2006]. Целью же данной работы является выявление аналогичной ошибки у Ромден-Ромлук [Romdenh-Romluc, 2006].

Одной из целей Ромден-Ромлук является опровержение тезиса, который, по ее мнению, «традиционно» считается истинным:

(1) «Каждый токен ‘я’ указывает (refers) на говорящего» [Romdenh-Romluc, 2006, p. 257].

Ромден-Ромлук не уточняет, какую именно традицию она имеет в виду, но по контексту статьи ясно, что речь идет о семантике индексикалов, предложенной Д. Капланом [Kaplan, 1979; Kaplan, 1989]. В частности, она отмечает, что в современной литературе каплановская модель индексикалов является общепринятым стандартом [Romdenh-Romluc, 2006, p. 258]. Таким образом, она считает (1) одним из тезисов каплановской семантики. (1) следует из посылок (2) и (3), которые, по ее мнению, равным образом принимаются в каплановской семантике:

(2) «Характеры ‘я’, ‘здесь’ и ‘сейчас’ дают, соответственно, агента, время и место контекста в качестве референтов этих выражений» [Romdenh-Romluc, 2006, p. 258].

(3) «Контекст, определяющий референцию, – это контекст высказывания (utterance)» [Romdenh-Romluc, 2006, p. 258].

В цитируемой статье Ромден-Ромлук рассматривает ряд случаев употребления индексикалов, которые, по ее мнению, являются контрпримерами к (1), а значит, к (2) или (3). Из наличия таких случаев она делает вывод, что (1) должен быть отвергнут, что требует определенной модификации семантики Каплана. Наконец, она предлагает новую семантическую трактовку индексикалов, которая должна адекватно отображать указанные случаи их употребления.

Как отмечено выше, данная статья имеет полемический характер. Я попытаюсь показать, что 1) что интерпретация семантики Каплана у Ромден-Ромлук содержит ряд ошибок; 2) что вопрос, на который она дает ответ, имеет прагматический характер, но не затрагивает семантику.

Характер, контекст и референция в семантике Каплана

Для дальнейшего нам необходимы дефиниции базовых понятий семантики Каплана – понятий характера (значения¹), контекста и референции. Семантика Каплана – это инструмент оценки языковых выражений в той или иной модельной структуре. Поэтому указанные понятия определяются через модельные структуры. Формальную дефиницию модельной структуры [Kaplan, 1979, p. 88] здесь можно не воспроизводить; для дальнейшего будет достаточно отметить, что модельная структура включает в себя множество объектов, множество мест, множество возможных миров, множество моментов времени, множество контекстов и интерпретацию предикатов, констант и функторов интерпретируемого языка. Ниже будем считать, что некоторая модельная структура дана; в частности, характер, контекст и референт будут определены для данной модельной структуры. *Характер* языкового выражения – это функция от контекстов к содержаниям, где содержание – это функция от условий эволюции (возможных миров и моментов времени) к экстенционалам. *Контекст* – это множество $\{a, t, l, w\}$, где a – агент, t – время, l – место, w – возможный мир, причем a находится в l в t в w^2 (в данной модельной структуре) [Kaplan, 1979, pp. 88-89; Kaplan, 1989, pp. 543-544]. *Референт* индексикала определяется контекстом следующим образом: референт «я» в контексте $\{a, t, l, w\}$ – это a ; референт «здесь» в контексте $\{a, t, l, w\}$ – это l ; референт «сейчас» в контексте $\{a, t, l, w\}$ – это t^3 . Рассмотрим в качестве примера индексикал «я» и предложение «Я сейчас голоден». В контексте $c = \{\text{Пушкин, полдень 1 января 1830, Санкт-Петербург, } w\}$ слово «я» указывает на Пушкина. В контексте $c' = \{\text{Л. Толстой, полдень 1 июня 1900, Ясная Поляна, } w\}$ слово «я» указывает на Л. Толстого. Соответственно, предложение «Я голоден» в контексте c выражает пропозицию, что Пушкин был голоден 1 января 1830 г. в полдень, а в контексте c' – пропозицию, что Л. Толстой был голоден 1 июня 1900 г. в полдень.

Эти дефиниции и приведенный пример делают очевидным следующее:

- (4) В семантике Каплана референт индексикала определяется контекстом. Один и тот же индексикал может иметь разные референты в разных контекстах.

Аналогичное положение справедливо относительно выражений всех видов. В частности, приведенный выше пример с предложением «Я голоден» иллюстрирует

---

¹ У Каплана «значение» и «характер» – синонимы. Этого словоупотребление стало стандартным в семантике индексикалов; его придерживается, в частности, Ромдер-Ромлук.

² Требование, что a должно находиться в l в t в w является спорным. По мнению Пределли [Predelli, 2010, p. 291], ряд случаев употребления индексикалов показывает, что в повседневной коммуникации мы часто используем контексты, не отвечающие этому требованию. Поэтому Пределли предлагает отказаться от этого требования и рассматривать в качестве контекстов все множества вида $\{a, t, l, w\}$. На мой взгляд, это предложение продуктивно, поскольку расширяет эмпирический базис семантики Каплана.

³ Это несколько упрощенное определение референции индексикалов. Строго говоря, референт «я» в контексте $\{a, t, l, w\}$ – это константная функция от пар «мир, время» к объектам, такая, что для любого мира и любого момента времени значением этой функции является a . В рамках данной статьи предложенное упрощение картины не влияет на существо дела.

аналогичный тезис относительно предложений: пропозиция, выражаемая предложением, определяется контекстом; одно и то же предложение может выражать разные пропозиции в разных контекстах.

Критика концепции Ромден-Ромлук

Теперь мы можем перейти к возражениям концепции Ромден-Ромлук. Мой тезис состоит в том, что эта концепция основана на ошибочной интерпретации семантики Каплана.

Прежде всего, в свете семантики Каплана тезис (1) содержит одну неточность и один существенный дефект. Неточность состоит в том, что в формулировке (1) референция приписывается токену, а не типу слова «я». Как было показано выше, в семантике Каплана референт «я» в контексте c – это результат применения характера «я» к c , но характер – это характеристика не токена, а типа. Таким образом, в (1) речь должна идти не о токенах, а о типе «я». Существенный дефект (1) состоит в том, что в свете тезиса (4) ясно, что не имеет смысла говорить о референте слова, не определив контекст. В (1) содержится именно эта ошибка: этот тезис приписывает слову «я» определенный референт, не указывая, какой контекст имеется в виду. Но это значит, что формулировка (1) не завершена: для ее завершения необходимо указать контекст.

Устранив неточность и исправив дефект в (1), мы получаем уточненную формулировку:

(1') В контексте c слово 'я' указывает на говорящего.

В свете (4) очевидно, что истинность (1') зависит от значения переменной c , т. е. от того, о каком контексте идет речь: если агентом c является говорящий, (1') истинно; если агентом c является индивид, отличный от говорящего, (1') ложно. И поскольку (1') ложно для многих контекстов, (1') не является тезисом семантики Каплана. Таким образом, если (1) прочитывать в смысле (1') (а другого прочтения я не вижу), приписывание тезиса (1) семантике Каплана является ошибочным.

Отмечу, что тезис (2) тоже должен быть дополнен фразой, которая ниже выделена курсивом:

(2') Характеры 'я', 'здесь' и 'сейчас' дают, соответственно, агента, время и место контекста в качестве референтов этих выражений *в данном контексте*.

Это дополнение необходимо, потому что, например, агент контекста $\{a, t, l, w\}$ не является референтом «я» во многих других контекстах, например, в контексте $\{a', t, l, w\}$, если a и a' суть разные индивиды.

Существенная ошибка содержится также в тезисе (3). В формулировке этого тезиса Ромден-Ромлук использует понятие «контекст высказывания». Определение этого понятия она не дает, но по тому, как она его использует, ясно, что контекст высказывания – это множество, содержащее того, кто произвел данный речевой акт (говорящего), время этого речевого акта, его место и возможный мир, в котором он осуществлен. (3) предполагает,

что контексты, отличные от контекста высказывания, не определяют референцию. Но дефиниции контекста и референции у Каплана показывают, что это не так: *каждый* контекст определяет референцию каждого индексикала. Каждый контекст содержит агента, а значит, определяет референт слова «я»; тоже относится к словам «здесь» и «сейчас».

Таким образом, атрибуция тезисов (1) – (3) семантике Каплана является ошибочной. Это приводит к ошибочной трактовке следующего примера употребления индексикала «я». Каори попросила Пенелопу записать голосовое сообщение для автоответчика, установленного в офисе Каори. Пенелопа записывает реплику «Я сейчас не здесь»; потом тот, кто звонит в офис Каори, когда она отсутствует, слышит эту реплику. Как слушающий (тот, кто звонит) понимает эту реплику в такой ситуации? Очевидно, он понимает ее в том смысле, что Каори сейчас (в момент звонка) не находится в своем офисе, т. е. в данном случае слушающий интерпретирует слово «я» в предложении «я сейчас не здесь» как указывающее на Каори. Однако это слово произнесла Пенелопа. Таким образом, в интерпретации данной реплики слушающим слово «я» указывает не на говорящего [Romdenh-Romluc, 2006, p. 259]. Этот пример интуитивно убедителен: мы легко можем вообразить такой случай.

Ошибка Ромден-Ромлук, по моему мнению, состоит в том, что она рассматривает этот пример как контрпример к тезису (1). Я не согласен с этой трактовкой данного примера по следующим причинам. Как было показано выше, если мы принимаем формулировку (1) «за чистую монету», эта формулировка не выражает пропозиции, поэтому не может быть истинной или ложной, а значит, для нее невозможны ни подтверждающие примеры, ни контрпримеры. Если же мы прочитываем (1) как (1'), то для того, чтобы решить, является ли приведенный пример контрпримером, нам следует придать значение переменной *c* в (1'). Если мы в качестве *c* возьмем контекст, агентом которого является Каори, то данный пример не совместим с (1'), т. е. является контрпримером. Но если мы в качестве *c* возьмем контекст, агентом которого является Пенелопа, то пример окажется вполне совместимым с (1'), т. е. окажется подтверждающим примером. Таким образом, в обоих случаях приведенный пример не является контрпримером к (1). Но даже если бы он таковым оказался, это не означало бы некорректность семантики Каплана, поскольку, как было показано выше, ни (1), ни (1') не является тезисом этой теории.

Выбор контекста как прагматический феномен

Примеры употребления индексикалов, которые часто обсуждаются в литературе, в том числе примеры Ромден-Ромлук, высвечивают одну интересную проблему. Чтобы ее сформулировать, необходимо определить понятие *коммуникативно-релевантного в некоторой ситуации контекста*.

Вспомним случай с Каори и Пенелопой. Допустим, Джон звонит в офис Каори в ее отсутствие и слышит записанную Пенелопой реплику «Я сейчас не здесь». Понять реплику, содержащую повествовательное предложение, – значит понять пропозицию, выражаемую этим предложением. Но предложение, содержащее индексикалы, выражает разные пропозиции в разных контекстах. Поэтому Джону, чтобы понять то, что он слышит, нужно выбрать контекст. Существует бесконечно много контекстов, и Джон может выбрать любой из них. Например, он может проинтерпретировать данное предложение в контексте

{Каори, время звонка, офис Каори, действительный мир} и в контексте {Пушкин, полдень 1 января 1830 г., Марс, действительный мир}. В первом случае он поймет реплику в том смысле, что Каори сейчас (в момент звонка) не находится в своем офисе; во втором случае он поймет ее в том смысле, что Пушкин не находился на Марсе в полдень 1 января 1830 г. Между этими интерпретациями есть очевидное различие: выбор первого контекста приводит к тому, что Джон получает информацию, которую Каори хотела сообщить; во втором случае Джон получает информацию, которая не имеет ничего общего с тем, что Каори хотела сообщить. В первом случае коммуникация успешна, во втором неудачна. Теперь мы можем определить понятие коммуникативно-релевантного контекста. Пусть в коммуникативной ситуации *S* слушатель слышит реплику *U*. Тогда *коммуникативно-релевантный в S контекст* – это контекст *c*, такой, что интерпретация слушателем реплики *U* в контексте *c* обеспечивает успех коммуникации в *S*. В приведенном примере коммуникативно-релевантный контекст в ситуации звонка Джона – это {Каори, время звонка, офис Каори, действительный мир}⁴.

Какой контекст является коммуникативно-релевантным в той или иной ситуации? Всегда ли коммуникативно-релевантный контекст – это контекст высказывания? Это интересный вопрос, и он интенсивно обсуждается в лингвистике и философии языка. Этому вопросу посвящена и обсуждаемая статья Ромден-Ромлук: автор дает ответ на этот вопрос, отличный от ряда альтернативных ответов [Sidelle, 1991; Smith, 1989; Predelli, 1998; Corazza et al., 2002]. Достоинства и недостатки этих ответов не являются предметом данной статьи, и моя критика относится не к самому ответу Ромден-Ромлук, а к ее пониманию природы вопроса. Дело в том, что она трактует данный вопрос как семантический, и мое главное возражение относится к этому пункту.

Дистинкция удачных и неудачных интерпретаций того или иного предложения в той или иной коммуникативной ситуации – это предмет исследования прагматики⁵, но это значит, что к прагматике относится и дистинкция коммуникативно-релевантных и коммуникативно-нерелевантных (в некоторой ситуации) контекстов. Я думаю, что ошибки в тезисах (1) и (3) обусловлены смешением семантики и прагматики в рассуждениях Ромден-Ромлук, и они легко устраняются, если переформулировать эти тезисы в прагматических терминах. Например, мне кажется очевидным, что под «контекстом, определяющим референцию» в (3) автор понимает коммуникативно-релевантный контекст. В самом деле, все контексты определяют референцию, но только один из них является коммуникативно-релевантным в каждой ситуации. Равным образом в (1) следует добавить «в коммуникативно-релевантном для данной ситуации контексте»; это сделает уместным употребление термина «токен» в (1): ведь любой токен предполагает определенную ситуацию.

⁴ Определение понятий успеха и неудачи коммуникации – отдельная проблема, выходящая за рамки статьи. Здесь достаточно интуитивной очевидности того факта, что в описанной ситуации для успеха коммуникации необходимо, чтобы Джон понял, что Каори не находится в своем офисе в момент звонка.

⁵ Я исхожу из традиционного разграничения семантики и прагматики, согласно которому семантика имеет дело с предложениями, прагматика – с речевыми актами, которые «погружены» в коммуникативные ситуации [Griffiths, p. 6-7].

Итак, зависимость референта индексикала от контекста – это семантический феномен (значение), но зависимость коммуникативно-релевантного контекста от коммуникативной ситуации – это феномен прагматический. Игнорирование этого аспекта разграничения семантики и прагматики порождает ошибки в формулировках рассмотренных тезисов Ромден-Ромлук и их ошибочную атрибуцию семантике Каплана⁶.

Завершая критику, стоит отметить, что она не ставит под сомнение ценность концепции Ромден-Ромлук как прагматической.

Заключение

Тезисы (1) – (3) отчасти неполны, отчасти неверны; ошибкой является также их атрибуция семантике Каплана. Этим обусловлена некорректность ее трактовки рассмотренного примера с автоответчиком как контрпримера к семантике Каплана. Эти ошибки обусловлены смешением семантики и прагматики; последнее проявилось в том, что Ромден-Ромлук трактует вопрос о коммуникативно-релевантном в той или иной ситуации контексте как семантический.

Список литературы / References

Борисов, Е. В. (2022). Индексикалы, семантика и прагматика. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. (В печати)

Borisov, E. V. (2022). Indexicals, Semantics, and Pragmatics. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. (In print.) (In Russ.)

Козырева, О. А. (2022). Проблема референции индексикалов: возможные подходы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. (В печати)

Kozyreva, O. A. (2022). The Problem of the Reference of Indexicals: Possible Approaches. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. (In print.) (In Russ.)

Corazza, E., Fish, W., Gorvett, J. (2002). Who is I? *Philosophical Studies*. Vol. 107. pp. 1-21

Kaplan, D. (1979). On the Logic of Demonstratives. *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 8. pp. 81-98.

---

⁶ Тезис, что концепция Ромден-Ромлук имеет прагматический характер, был высказан одним из анонимных рецензентов рассматриваемой статьи, и Ромден-Ромлук кратко ответила рецензенту [Romdenh-Romluc, p. 279-280]. Поскольку в этом ответе воспроизводятся показанные выше ошибки, его рассмотрение здесь будет лишним.

Kaplan, D. (1989). Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals. In Almog, J., Perry, J., Wettstein, H. (eds.) *Themes from Kaplan*. Oxford (New York). Oxford University Press. pp. 481-563.

Griffiths, P. (2006). *An Introduction to English Semantics and Pragmatics*. Edinburgh. Edinburgh University Press.

Predelli, S. (1998). I am not here now. *Analysis*. Vol. 58. pp. 107-115.

Predelli, S. (2010). I am still not here now. *Erkenntnis*. Vol. 74. pp. 289-303.

Romdenh-Romluc, K. (2006). «I». *Philosophical Studies*. Vol. 128. pp. 257-283.

Sidelle, A. (1991). The Answering Machine Paradox. *Canadian Journal of Philosophy*. Vol. 21. pp. 525-539.

Smith, Q. (1989). The Multiple Uses of Indexicals. *Synthese*. Vol. 78. pp. 167-191.

Сведения об авторе / Information about the author

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2022

После доработки: 08.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Borisov Evgeny – Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

The paper was submitted: 15.05.2022

Received after reworking: 08.06.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

УДК 1 (091)

ОБ УПАДОЧНОМ ХАРАКТЕРЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**В. В. Бровкин**

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

vbrovkin1980@gmail.com

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении факторов, оказавших влияние на формирование представления об упадочном характере эллинистической философии. Установлено, что в формировании данного представления важнейшую роль сыграли Гегель и Э.Целлер. Выявлены факторы, обусловившие появление и устойчивость представления о неполноценности эллинистической философии. Серьезные пробелы в источниках привели к искаженному представлению о философии эллинизма. Репутация философских учений эллинизма пострадала от представления о ее морально-практической направленности и низком уровне спекулятивности и научности. Невысокой оценке философии стоиков, эпикурейцев и скептиков способствовало представление о господстве в этих учениях индивидуализма. Последним фактором является тезис об упадочном характере эпохи эллинизма, вызванным потерей греками политической свободы.

Ключевые слова: эллинизм, Гегель, Э.Целлер, стоики, Эпикур, скептики, морально-практическая философия, индивидуализм, упадок полиса.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2022). Об упадочном характере эллинистической философии. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 31-39. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.31-39

ON THE DECADENT NATURE OF HELLENISTIC PHILOSOPHY**V. V. Brovkin**

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

vbrovkin1980@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to identify the factors that influenced the formation of the idea of the decadent nature of Hellenistic philosophy. It is established that Hegel and E. Zeller played an important role in the formation of this idea. The formation of the idea of the inferiority of Hellenistic philosophy was influenced by the problem of sources. Serious gaps in the sources led to a distorted view of the philosophy of Hellenism. Underestimation of the philosophical teachings of Hellenism is the result of the idea of their moral and practical orientation and a low level of speculative and scientific. The negative attitude towards the philosophy of the Stoics, Epicureans and skeptics was promoted by the idea of the dominance of individualism in these teachings. The last factor is the thesis about the decadent nature of the Hellenistic era, which was caused by the loss of political freedom by the Greeks.

Keywords: Hellenism, Hegel, E. Zeller, Stoics, Epicurus, skeptics, moral and practical philosophy, individualism, the decline of the polis.

For citation: (2022). Brovkin, V. V. (2022). On the Decadent Nature of Hellenistic Philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 31-39. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.31-39

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, каким образом в научных кругах сформировалось представление об упадочном характере философии эллинизма. В последние годы в западной литературе от этого представления постепенно отходят, но на протяжении XIX и в значительной степени XX вв. оно было господствующим. В отечественной литературе это представление продолжает сохранять прочные позиции и по сей день. Подчеркнем, что целью данной статьи не является опровержение представления об упадочном характере эллинистической философии. Нас интересуют только те факторы, которые оказали влияние на его формирование. Но прежде всего обратимся к предыстории вопроса.

Первым исследователем, кто заложил основы представления об упадочном характере эллинистической философии, можно считать Гегеля. По его мнению, в александрийский период античной истории «политическое существование и нравственная действительность Греции погибли» [Гегель, 1932, с. 335]. Прямым следствием этого стало погружение человека в свой внутренний мир в поисках убежища от превратностей судьбы. В результате, как отмечает Гегель, появились низменные и безотрадные учения стоиков, эпикурейцев, скептиков, в которых уже не существовало ничего благородного и прекрасного [Там же, с. 304-305]. В дальнейшем данная точка зрения получила развитие в трудах Э. Целлера. Согласно исследователю, греческая философия является следствием политической свободы греков. В этих условиях им удалось проявить в полной мере свои духовные и интеллектуальные способности. Однако в условиях упадка политической независимости, умственным способностям греков был нанесен смертельный удар. Новая эпоха не требовала теоретических знаний, она требовала моральной поддержки. Э. Целлер заключает: «Стоическая апатия, эпикурейское самодовольство и скептическая невозмутимость были доктринами, которые соответствовали политической беспомощности эпохи» [Zeller, 1880, р. 17]. В XX в., несмотря на рост интереса к философии эллинизма, представление о ее упадочном характере продолжало сохранять актуальность. Так, по мнению Б. Рассела, «когда мы сравниваем философские построения эллинистического периода с великой Афинской школой и ее предшественниками, то невольно поражаемся упадку и убожеству эпохи декадентства» [Рассел, 1998, с. 169]. Последовательная дискредитация эллинистической философии привела к тому, что даже сегодня еще не изжит стереотип о ее глубокой неполноценности.

Первое, что бросается в глаза, когда мы говорим о философии эллинизма, это проблема источников. В нашем распоряжении имеется крайне мало сочинений эллинистических философов, основная их масса безвозвратно утрачена. Те многочисленные фрагменты, которыми мы располагаем по эллинистической философии, безусловно помогают в исследованиях, но, к сожалению, не способны заменить полноценные тексты и сочинения. Выскажем предположение, что именно в эпоху эллинизма было создано самое большое количество философских сочинений в Античности. За три столетия, с конца IV в. до н. э. до конца I в. до н. э., были написаны сотни философских трактатов, посвященных широчайшему кругу вопросов и тем. Самыми плодовитыми авторами ранней греческой и классической философии считаются Демокрит, Платон и Аристотель. В этом плане даже при поверхностном взгляде на эллинистическую философию обнаруживается ее полное

превосходство. К числу эллинистических философов, сопоставимых по литературному богатству с Платоном и Аристотелем, можно отнести Эпикура, Зенона Китийского, Клеанфа, Хрисиппа, Посидония, Теофраста, Деметрия Фалерского, Стратона из Лампсака, Ксенократа. Даже простой перечень их сочинений производит большое впечатление.

Мало кто задумывается о том, как бы мы оценивали античную философию, если бы сохранились произведения эллинистических философов, а труды Платона и Аристотеля до нас бы не дошли. Вероятно, наш взгляд на историю античной философии был бы совершенно иным. И еще более вероятно, что никто бы не считал эллинистическую философию упадочной. Именно об этом говорит и П. Адо, согласно которому, о философии эллинизма «у нас было бы совсем другое представление, если бы сохранились все философские произведения, написанные в этот период» [Адо, 1999, с. 108].

Говоря о проблеме источников, следует понимать, что речь идет не только об отсутствии текстов. Сохранившиеся фрагменты, на которые опираются исследователи, принадлежат различным античным авторам более позднего времени, которые были далеко не всегда точны и корректны в изложении эллинистической философии. Более того, сегодня хорошо известно, что многие античные авторы, такие, например, как Цицерон, Плутарх и отцы церкви, были настроены весьма критически по отношению к Эпикуру и стоикам. В эллинистических философах эти авторы видели оппонентов, которых необходимо опровергнуть. В этих обстоятельствах полемические соображения выходили на первый план. В результате, изложение этими авторами отдельных аспектов учений эллинистических философов носит откровенно искаженный характер.

Искаженный взгляд на эллинистическую философию породил устойчивое представление о ее неоригинальности и вторичности. Например, Эпикура рассматривали в качестве философа, который объединил атомистическое учение Демокрита и гедонистическую этику киренаиков. В стоической философии усматривали причудливое сочетание учения Гераклита о логосе с аристотелевской логикой и этикой киников. В академиках видели скептиков, отвернувшихся от учения Платона. В перипатетиках и вовсе не видели полноценных философов, полагая, что они с головой ушли в естественные науки. В случае с киниками и киренаиками отмечалась их дальнейшая маргинализация и обмельчание. Неоднократно высказывалось мнение о бесплодности эллинистической философии. Крайне скудные источники по философии эллинизма долгое время поддерживали представление о том, что философы в этот период не создали новых идей и великих учений. И даже звучало мнение о том, что вся эллинистическая философия является сплошной эклектикой. Удивительным и весьма показательным является то, что некоторые исследователи даже не сожалели по поводу известных пробелов в источниках по философии эллинизма. Так, Гегель, упоминая об огромном количестве утраченных сочинений Эпикура, заявляет, что «вряд ли мы должны очень жалеть о том, что они до нас не дошли; скорее мы должны благодарить бога за то, что их нет; филологам во всяком случае они причинили бы много хлопот» [Гегель, 1932, с. 340].

Одним из факторов, оказавших влияние на формирование представления об упадочном характере эллинистической философии, является тезис о ее практической направленности. Представление о том, что философские учения эллинизма подчинены морально-этическим задачам, стало настолько распространенным в научных кругах, что о нем вспоминают всегда, когда речь заходит о данном периоде философии.

При упоминании о стоиках, эпикурейцах и скептиках подчеркивается, что их философские учения преследовали целью обретение бесстрастия, безмятежности и невозмутимости. Как пишет Э. Целлер, «склонность и способность к свободному, чисто научному миропониманию иссякла, на первый план выступили практические задачи, и главная ценность философии все более искалась в том, чтобы она давала человеку убежище от жизненных горестей» [Целлер, 1996, р. 175]. Часто добавляют, что для философских школ эллинизма учения о природе и познании самостоятельной ценности не имели. Метафизика, теология, логика и прочие разделы философии у стоиков, эпикурейцев и скептиков отошли на второй план, уступив место морально-этической проблематике. Чистое теоретизирование, характерное для ранних греческих философов, Платона и Аристотеля, было вытеснено практической философией.

Предвзятое отношение исследователей к эллинистической философии было связано с представлением о более высокой ценности научного знания по сравнению с морально-практической философией. Чтобы лучше понимать, о чем идет речь, следует обратиться к Гегелю. Ценность философии, согласно Гегелю, определяется ее научной направленностью. Соответственно, главная заслуга Платона и Аристотеля заключается в том, что они вывели философию на максимально высокий научный уровень. Гегель прямо заявляет: «Таким образом, если кто заслуживает названия учителей человечества, то это – Платон и Аристотель» [Гегель, 1932, с. 116]. Те же философские учения, которые отделились от спекулятивного мышления и научности, получили от Гегеля весьма нелестные отзывы. Так, у киренаиков и перипатетиков в александрийскую эпоху возобладало простое «морализирующее философствование» [Там же, с. 109]. Поздних киников Гегель называет «свинскими попрошайками» [Там же, с. 115]. По мнению Гегеля, все «они не представляют собою никакого интереса для философии» [Там же, с. 109, 115]. Эпикура и стоиков Гегель оценивает положительнее, отмечая их более высокий спекулятивный и научный уровень. Но, при этом, добавляет, что их учения все равно остаются слишком односторонними и непоследовательными [Там же, с. 364]. И даже более того, в силу своего риторического и назидательного характера, стоическая философия в эпоху Рима «так же мало должна получить место в истории философии, как наши проповеди» [Там же, с. 310]. Подход Гегеля предельно ясный: оценка философского учения полностью зависит от степени его спекулятивности и научности.

Еще одним фактором, оказавшим влияние на формирование представления об упадочном характере эллинистической философии, является тезис о господстве в ней такой черты как индивидуализм. Как и в случае с морально-практической ориентацией, об индивидуализме вспоминают всегда, когда речь заходит о философских учениях эллинизма. Многочисленные исследователи отмечают, что в философии стоиков, эпикурейцев и скептиков мораль была отделена от политики. В полном соответствии с известным выражением «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», эллинистические философы разработали доктрины, целью которых было достижение счастья силами самого индивида. Произошло отчуждение индивида от общества и государства. Принято считать, что с индивидуализмом в эллинистической философии тесно связаны космополитизм, аполитичность, гедонизм, стремление к независимости

от внешних обстоятельств. Отмечается, что именно в философских учениях эллинизма максимально актуализировалось учение о мудреце. При этом, исследователи обращают внимание на то, что в этом учении, несмотря на все различия между школами, в полной мере проявилась тенденция к индивидуализму. Мудрец стоиков, эпикурейцев и скептиков невозмутим и находит удовлетворение в своей внутренней жизни.

Негативное отношение к индивидуализму в той или иной степени прослеживается уже в Античности. Платон, Аристотель, Цицерон, Плутарх и многие другие философы выступали защитниками коллективистских и патриотических ценностей. Стремление к охранению индивидуального покоя вызывало у них решительное несогласие. Безусловно, подобная позиция была обусловлена социально-историческим развитием. Для традиционного сознания греков интересы полиса всегда находились на первом месте. И вот здесь мы сталкиваемся с очень важным обстоятельством, которое во многом объясняет то негативное отношение к индивидуализму в эллинистической философии, которое сложилось в научной среде. Речь идет о социально-историческом контексте, в рамках которого сформировалось данное отношение. Дело в том, что немецкая школа антиковедения была ведущей в Европе в XIX–начале XX вв. Именно немецкие исследователи в это время внесли выдающийся вклад в изучение античной философии, истории и культуры. Но следует понимать, что немецкая философия XIX в. стояла на страже идеи создания единого немецкого государства. В трудах известных немецких специалистов можно встретить призывы к созданию сильной и единой Германии. Индивидуалистическое мировоззрение не могло встретить одобрения у немецких ученых и профессоров, трудившихся на благо Германской империи или мечтавших о ее создании. К примеру, рассуждая о необходимости создания единого германского государства, Гегель обрушивается с критикой на индивидуализм. В «Конституции Германии» Гегель пишет: «В тех случаях, когда общественная природа людей не находит своего выражения и вынуждена искать выход в особенностях, она настолько искажается, что направляет всю свою силу на отделение от других и в утверждении своего обособления доходит до безумия; ибо безумие и есть не что иное, как полное обособление индивидуума от своего рода» [Гегель, 1978, с. 176].

В вопросе о том, какие факторы оказали влияние на формирование представления об упадочном характере эллинистической философии, имеется один существенный аспект, который связан не столько с греческой философией, сколько с эпохой эллинизма в целом. Дело в том, что слабый интерес к эллинистической философии был обусловлен пренебрежительным отношением к эпохе эллинизма. Э. Эрскин пишет, что уже в древности это время воспринималось как период политического и культурного упадка [Erskine, 2003, p. 1]. Э. Эрскин продолжает: «Великие фигуры греческого прошлого были найдены в более ранние времена, а не в последующие за Александром годы» [Ibid, p. 2]. Даже греки римской империи часто обходили стороной своих эллинистических предков и искали вдохновение в классической эпохе. Проблема усугублялась тем, что эллинистическая литература в отличие от классической очень плохо сохранилась. Э. Эрскин отмечает, что несмотря на достижения в изучении данной исторической эпохи, начиная с Дройзена, «эллинистический мир никогда не получал такого же внимания, как его классический предшественник» [Ibid, p. 2]. Согласно Э. Эрскину, наиболее изученными являются периоды, порождающие литературный канон:

«Классическая Греция (Геродот, Фукидид, трагедия), Республиканский Рим (Цицерон, Саллюстий), Римская империя (Гораций, Вергилий, Тацит)» [Ibid, p. 2]. Эпоха же эллинизма и сегодня зачастую воспринимается в качестве своего рода эпилога к достижениям классической Греции.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что и эллинистическая философия в течение длительного времени не вызывала сколько-нибудь значительного интереса. Как отмечает Р. Шарплз, в XIX–XX вв. в некоторых академических кругах эллинистическая философия рассматривалась как период упадка [Sharples, 1996, p. 2]. По мнению Р. Шарплза, это было связано с возросшим в XIX в. интересом к классической греческой культуре и ослаблением интереса к Риму, распространением представления об упадочном характере всей эллинистической культуры, идеей превосходства Платона и Аристотеля над всей последующей философией, а также ослаблением интереса к морально-этической проблематике [Ibid]. Р. Шарплз пишет: «Многие университетские курсы философии перескочили от Аристотеля к Декарту без какого-либо взгляда на прошедшие восемнадцать столетий. И в некоторых кругах считалось, что древняя философия после Аристотеля, начиная с эллинистического периода, была низшей или декадентской» [Sharples, 2007, p. 223]. В историко-философских кругах широко распространилось мнение о том, что вершиной античной философии является греческая философия классического периода V–IV вв. до н. э., главные представители которой – Сократ, Платон и Аристотель. Считается, что философия этих мыслителей была порождена расцветом полисной системы в Греции в данный период. Соответственно эллинистическая философия – результат гибели полисной системы в Греции в конце IV–III вв. до н. э.

Что касается причин политического упадка Греции в эпоху эллинизма, то долгое время в научной литературе преобладало мнение об утрате греческими городами-государствами политической свободы в результате македонского завоевания. Также считалось, что свободный дух греков был умерщвлен в результате вытеснения полисной системы эллинистическими монархиями. Приведем несколько весьма показательных высказываний известных историков философии. В. Виндельбанд полагает, что в политической области в эпоху эллинизма «Греция колебалась туда и сюда в зависимости от судеб эллинских государств, преимущественно Македонии, проявляя лишь разъединенные бесплодные стремления к самостоятельности» [Виндельбанд, 1995, с. 247]. Согласно М. Поленцу, в период раннего эллинизма «полис, в котором раньше грек мог видеть свою опору, сам стал игрушкой в руках великих держав» [Поленц, 2015, с. 26]. Относительно политического развития Греции в эпоху эллинизма однозначно высказывается Вл. Татаркевич: «После серии триумфов во времена Перикла наступила череда поражений, после свободы – рабство» [Татаркевич, 2000, с. 194]. По мнению Дж. Реале, походы Александра произвели революцию, одним из результатов которой стал крах полиса и последовавшее за этим «разрушение фундаментальных духовных ценностей классической Греции» [Reale, 1985, p. 5].

На фоне классического периода эллинизм в глазах многих исследователей выглядел временем политического, социально-экономического и культурного упадка греческой цивилизации. Классический период в научной литературе нередко идеализировался.

Героические времена свободной полисной Греции противопоставлялись декадентской эпохе диадохов и эллинистических монархий. Многие исследователи прямо указывали на связь между достижениями греков в области культуры и расцветом полисной системы в Греции в V–IV вв. до н. э. Некоторые специалисты пошли еще дальше и заявили, что достижения греков в области философии, науки и искусства стали возможными благодаря расцвету афинской демократии. Соответственно, в новых политических реалиях III–I вв. до н. э. творческая энергия греков постепенно угасла. Данные изменения не обошли стороной и философию, главный акцент в которой был смещен в сторону морально-этической проблематики. На смену грандиозным философским системам Платона и Аристотеля пришли приземленные философские учения стоиков, эпикурейцев и скептиков. Вместо свободного исследования природы, общества и государства пришло философствование, главной целью которого было достижение счастья отдельного индивида. Представление о неразрывной связи между благом государства и счастьем гражданина уступило место представлению о счастье как индивидуальном покое и невозмутимости. Наиболее емко мысль о влиянии упадка полиса на греческую философию выразил С. И. Ковалев: «Великая греческая философия классического периода была исключительно продуктом полиса. Поэтому упадок полиса являлся и упадком философии» [Ковалев, 1936, с. 48]. Таким образом, хорошо видно, что представление об упадочном характере эллинистической философии является частью более общего представления об упадочном характере эллинистической эпохи.

Подведем итоги. Как мы выяснили, представление об упадочном характере эллинистической философии сложилось в XIX в. Ключевую роль в его формировании сыграли Гегель и Э. Целлер. Данное представление оказалось настолько устойчивым, что оно продолжает встречаться и в современных исследованиях. Были установлены факторы, обусловившие появление и устойчивость данного стереотипа. Во-первых, это серьезные пробелы в источниках по эллинистической философии, которые привели к искаженному представлению о ней. Во-вторых, это морально-практическая направленность философских учений эллинизма и связанная с этим их недооценка. В-третьих, это представление о господстве ослабляющего общественные устои индивидуализма в философии стоиков, эпикурейцев и скептиков. И, в-четвертых, это представление об упадочном характере эпохи эллинизма, вызванным политическим упадком полисной Греции.

Список литературы / References

- Адо, П. (1999). *Что такое античная философия?* М.
Ado, P. (1999). *What is Ancient Philosophy?* Moscow. (In Russ.)
- Виндельбанд, В. (1995). *История древней философии.* Киев.
Windelband, W. (1995). *History of Ancient Philosophy.* Kiev. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1932). Лекции по истории философии. *Гегель, Г. В. Ф. Сочинения*. Кн. 2. Т. X. М.

Hegel, G. W. F. (1932). Lectures on the History of Philosophy. In *Hegel, G. V. F. Essays*. Book 2. Vol. X. Moscow. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1978). *Политические сочинения*. М.

Hegel, G. W. F. (1978). *Political Writings*. Moscow. (In Russ.)

Ковалев, С. И. (1936). *Эллинизм. Рим*. Л.

Kovalev, S. I. (1936). *Hellenism. Rome*. Leningrad. (In Russ.)

Поленц, М. (2015). *Стоя. История духовного движения*. СПб.

Polenz, M. (2015). *Stoa. History of the Spiritual Movement*. St. Petersburg. (In Russ.)

Рассел, Б. (1998). *Мудрость Запада: Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами*. М.

Russel, B. (1998). *Wisdom of the West: A Historical Survey of Western Philosophy in Its Social and Political Setting*. Moscow. (In Russ.)

Татаркевич, Вл. (2000). *История философии. Античная и средневековая философия*. Пермь.

Tatarkevich, W. (2000). *History of Philosophy. Ancient and Medieval Philosophy*. Perm. (In Russ.)

Целлер, Э. (1996). *Очерк истории греческой философии*. СПб.

Zeller, E. (1996). *Outlines of the History of Greek Philosophy*. St. Petersburg. (In Russ.)

Erskine, A. (2003). Approaching the Hellenistic World. In Erskine, A. (ed.). *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford. pp. 1-15.

Reale, G. (1985). *A History of Ancient Philosophy. III. The Systems of Hellenistic Age*. Catan, J. R. (ed.). State University of New York.

Sharples, R. W. (1996). *Stoics, Epicureans and Sceptics: An Introduction to Hellenistic Philosophy*. London, New York.

Sharples, R. W. (2007). Philosophy for Life. In Bugh, G. R. (ed.). *The Cambridge Companion to the Hellenistic World*. Cambridge. pp. 223-240.

Zeller, E. (1880). *Stoics, Epicureans and Sceptics*. London.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

Статья поступила в редакцию: 10.03.2022

После доработки: 15.05.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

The paper was submitted: 10.03.2022

Received after reworking: 15.05.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

УДК 1(091)

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ И В-ТЕОРИИ

А. С. Зайкова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
Zaykova.a.s@gmail.com

Аннотация. Существенность языковых временных форм для выбора теории времени сейчас находится в центре дискурса о времени и его восприятии. В первую очередь, дискуссия ведется между сторонниками А-теории и сторонниками В-теории. Приверженцы «старой В-теории» отстаивали точку зрения, согласно которой от темпоральной нагруженности высказываний можно отказаться. Однако попытки построения идеального языка без временных форм не увенчались успехом. В результате сторонники «новой В-теории» предположили, что существенность временных форм не влечет за собой существенность временных модусов, поскольку грамматические категории существенны только для человека и его своевременных действий. В некоторой степени такое утверждение ослабляет сильную версию В-теории, отрицающую существенность А-свойств, но и усиливает ту ее версию, которая принимает во внимание человеческий опыт.

Ключевые слова: время, старая В-теория, новая В-теория, течение времени, темпоральные свойства, темпорально нагруженные высказывания.

Для цитирования: Зайкова, А. С. (2022). Временные формы и В-теории. *Respublica Literaria*. Т. 3. №. 2. С. 40-49. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.40-49

TENSE IN THE CONTEXT OF B-THEORIES

A. S. Zaykova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
Zaykova.a.s@gmail.com

Abstract. The importance of tense for choosing a theory of time is now at the center of the discourse on time and the perception of time. First of all, the discussion is between supporters of the A-theory and supporters of the B-theories. Supporters of the “old B-theory” defended the point of view that we can refuse tense without big problems. However, attempts to construct an ideal tenseless language have not been successful. As a result, supporters of the “new B-theory” suggested that the essentiality of tenses does not entail the essentiality of temporal modes, since tense is essential only for a person and his timely actions. To some extent, such a statement weakens the strong version of B-theory, which denies the essentiality of A-properties, but strengthens the version of it that takes in consideration of experience.

Keywords: time, old B-theory, new B-theory, the passage of time, temporal properties, tensed propositions.

For citation: Zaykova, A. S. (2022). Tense in the Context of B-theories. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 40-49. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.40-49

Можем ли мы воспринимать изменения? Наш опыт свидетельствует, что да. Мы воспринимаем смену дня и ночи, полет стрелы, движение часовой стрелки и даже изменение положения нашего собственного тела в пространстве. Ответ на этот вопрос может показаться очевидным.

Однако не все исследователи придерживаются такой позиции. Аналитический философ Дж. МакТаггарт был убежден, что мы не воспринимаем время непосредственно, потому что и самого времени, в общем-то, нет. В своей работе «Нереальность времени» (1908) он отстаивал такое мнение с помощью идеи о возможности представить события двумя способами: как часть определенного временного модуса – прошлого, настоящего или будущего (А-серия) или как часть временной линии, где события располагаются ранее или позднее относительно друг друга (В-серия) [McTaggart, 1908].

Сама аргументация МакТаггарта вызвала многочисленную критику, но его предложение о представлении событий в виде двух разных серий было поддержано и поддерживается до сих пор многочисленными теоретиками, придерживающимися того или иного взгляда на события. Одним из методов ведения дискуссии между этими теоретиками является обращение к языковым временным формам¹. Сторонники «старой В-теории» отстаивали точку зрения, согласно которой от темпоральной нагруженности высказываний можно отказаться. Однако попытки построения идеального языка без использования временных форм не увенчались успехом. Тогда сторонники «новой В-теории» предположили, что существенность грамматических времен не влечет за собой существенность временных модусов. Они сосредоточили свои аргументы, во-первых, на идеях, и, во-вторых, на опыте времени.

Возникает вопрос: действительно ли временные формы связаны с темпоральной структурой самой реальности или они являются ничего не значащим языковым конструктом?

Теория МакТаггарта и временные формы

Для начала немного подробнее ознакомимся с позицией Дж. МакТаггарта. Он утверждал, что, когда мы говорим о событиях, мы говорим о них двумя способами. Первый способ – это говорить о событии как о прошлом, настоящем или будущем. Второй – сравнивать его с чем-то, что было ранее и позднее. И хотя события, по убеждению МакТаггарта, должны формировать А-серии в той же мере, что и В-серии, сам МакТаггарт убежден, что именно различие будущего, настоящего и прошлого является наиболее

---

¹ В английском языке используется слово «tense», которое можно перевести как «время» (в частности, при обсуждении глагольных временных форм). Однако это приводит к определенной путанице при использовании в одном предложении «tense» и «time», или словосочетаниях, использующих оба этих термина, таких как «tenseless time theory». Поэтому в этой статье мы используем в качестве перевода «tense» «временные формы», а характеристики «tensed» и «tenseless» переводим как «темпорально нагруженный» и «темпорально ненагруженный» соответственно. В отличие от приведенных слов, «atensionalism» является конкретным термином, обозначающим определенное направление в философии времени, поэтому мы используем транслитерацию и переводим его как «атенсионализм».

существенным во времени. Если же предположить, что расположение событий в А-серии – лишь постоянная иллюзия нашего ума, то, согласно позиции МакТаггарта, тогда мы не можем «воспринимать» время – вместо этого мы его «мыслим».

МакТаггарт приводит в пример смерть королевы Анны: со временем само событие остается прежним, как остаются прежними его причины и следствия, меняются только его временные характеристики: если сначала событие было будущим, потом оно стало настоящим и только затем прошлым. После этого оно перестает качественно меняться. При этом сам МакТаггарт пишет, что не видит противоречия в убеждении, что как прошлое оно теперь изменяется только в одном отношении: насколько оно удалено от настоящего; но это изменение он отказывается признать реальным.

МакТаггарт также предлагает признать существование С-серии, которая, по сути, представляет собой В-серию – без времени и изменений, т. е. лишенную какого-то ни было направления. И если в реальности А-серий и В-серий МакТаггарт сомневается, то существование С-серии предлагает оставить для дальнейшего обсуждения. Однако, несмотря на подобную резкую оценку как А-серий, так и В-серий, его работа вызвала значительную поддержку со стороны сторонников А- и В-теорий. Во многом благодаря первоначальному анализу самого МакТаггарта и аналитической направленности философии XX в. большая часть дискуссий развернулась вокруг языковых форм.

Так, один из наиболее влиятельных исследователей в области философии времени Н. Оклендер полагает, что в целом мы можем выделить всего два взгляда на время и события во времени: темпорально нагруженный, утверждающий, что события характеризуются свойствами принадлежности к модусу прошлого, настоящего или будущего времени, соответствующий А-теории, и темпорально ненагруженный, рассматривающий события только относительно друг друга (раньше – позже) и соответствующий В-теории [Oaklander, 1991, p. 26]. Оклендер также обращает внимание, что, несмотря на свою метафизическую суть, основной спор между сторонниками этих взглядов идет вокруг языка – или даже вокруг темпоральных выражений и их логического анализа [Oaklander, 2005].

Действительно, когда мы говорим о каком-то событии, мы используем временные формы для передачи значительной части информации. Предложение «Сегодня был дождь» отличается от предложения «Сегодня будет дождь». Даже если убрать временную характеристику описываемого события «сегодня», предложения сохранят свою темпоральную нагруженность, т. е. зависимость от грамматических категорий времени.

Но все ли предложения такие? Мы можем вспомнить известное утверждение «дважды два – четыре». Это предложение не использует временные формы, однако его можно изменить так, чтобы использовало: «дважды два было равно четырем», «дважды два равняется четырем» и «дважды два будет равно четырем», или даже «дважды два было, есть и будет равно четырем». Таким образом, темпорально ненагруженные предложения можно заменить темпорально нагруженными, однако обратное под вопросом. Мы можем заменить конкретное предложение «Дождь был вчера» предложением с указанием конкретной даты, когда был дождь: «Дождь был 14-го мая 2022-го года». Но это приводит к тому, что если дата высказывания «дождь был вчера» изменится, то для того же высказывания необходимо будет заменить соответствующее предложение.

Дополнительные трудности появляются, когда в одном предложении появляются указания и на координаты в А-серии, и на координаты В-серии: допустим, предложение «Сейчас 1980-ый год» было истинным только в 1980 г., в 2022 г. это предложение оказывается ложным.

В целом мы можем говорить о темпоральной ненагруженности предложений, указывающих на регулярный неизменный порядок событий («За весной – лето»), также может избежать темпоральной нагруженности предложение, указывающее на точные координаты события во времени («День рождения Пушкина – 26 мая 1799 г.») или на отношения событий между собой («День рождения Ломоносова раньше, чем день рождения Менделеева»). Чаще всего говорят, что предложение является темпорально нагруженным тогда, когда использование временных форм необходимо, и, более того, от них может зависеть истинность исследуемого предложения. Так, во все времена за весной следует лето, дважды два равно четырем, а день рождения Пушкина не меняется. Но дождь может быть или не быть, и само утверждение о том, что Пушкин родился, является правдой только после его рождения (в отличие от утверждения о дате рождения Пушкина, согласно некоторым взглядам, оно верно всегда, в том числе и до его рождения, но мы не всегда знаем об этом). Таким образом, использование временных форм заставляет нас имплицитно признавать существование прошлого, настоящего и будущего, а также различия между ними – как минимум для истинности тех или иных предложений. Но ограничивается ли это признание языком или опытом времени, или же мы должны признавать онтологическую реальность временных модусов?

Старая и новая В-теории

Значительную часть дискуссии между сторонниками разделения МакТаггарта можно свести к попытке ответа на один вопрос: всегда ли нам нужны временные формы, когда мы говорим о событиях? Сторонники А-теории настаивали, что это так, в то время как сторонники В-теории это отрицали. Последние утверждали, что логический анализ обыденного языка позволяет исключить темпоральные категории с помощью темпоральных терминов, указывая на конкретную точку или интервал во времени, для которого выполняется данное суждение. Из логической возможности обойтись без категорий будущего, настоящего и прошлого некоторые исследователи делали выводы об онтологической сути времени: если категории временных модусов не являются существенными для языка, они не могут быть существенны и для самого времени в целом. Такую точку зрения называют «старой В-теорией» и к ней относят таких исследователей, как Б. Рассел, Г. Фреге, Х. Рейхенбах и У. Куайн [Orilia, Oakender, 2015]. Ей противостояли сторонники А-теории, убежденные в том, что этого недостаточно, поскольку темпорально нагруженный дискурс неустраим. В ряде случаев нарушение смысла при исключении временных форм было очевидно, в частности, при взаимодействии с событиями, которые меняли свой модус (к примеру, сначала принадлежали будущему, а потом – настоящему или прошлому) и это, с точки зрения сторонников А-теории, явно свидетельствовало о реальности временных модусов.

Невозможность исключения временных форм привела сторонников В-теории к убеждению, что существенность грамматических времен не влечет за собой существенность временных модусов. Такую позицию, в частности, отстаивали Д. Меллор [Mellor, 1981], Дж. Сمارт [Smart, 1980], Х. Дайк [Dyke, 2002] и (частично) Н. Оклендер [Oaklander, 1991], предлагая разные аргументы в защиту темпорально ненагруженной теории времени.

Так, Д. Каплан, Дж. Сمارт и Д. Меллор обращали внимание на то, что, несмотря на важность грамматического дискурса, мы можем указать темпорально ненагруженные условия истинности темпорально нагруженных предложений. К примеру, можно соотносить истинность предложения не с настоящим временем, а со временем токена, как предлагает Меллор в своем токен-рефлексивном подходе. Он согласился с критикой в адрес старой теории, связанной с невозможностью отказаться от темпорально нагруженных предложений. Действительно, «Событие Е случилось» (с указанием на прошедшее время) нельзя представить как «Событие Е случается раньше момента t » (где «случается» является темпорально ненагруженной формой слова «случиться»), а момент t определяется как момент высказывания, поскольку выражение «Событие Е случилось» будет верно только в том случае, если оно на самом деле случилось до момента высказывания t . Тем не менее, условия истинности можно представить как темпорально ненагруженные [Mellor, 1981].

Еще один подход, типоориентированный, предложил Д. Каплан. Согласно этому подходу, прагматическое значение выражения соответствует паре из лингвистической единицы и контекста, где контекст понимался как множество из времени, места, субъекта высказывания, соответствующего окружения и т. п. [Kaplan, 1989]. В этом случае именно контекст позволяет семантически оценивать высказывания, использующие такие выражения, как «сейчас», «вчера» и т. п. Но в этом случае оценка истинности предложения невозможна без знания контекстуальной составляющей.

При этом сторонники новой В-теории зачастую апеллировали не только к временным формам, используемым в языке, но и непосредственно к опыту.

Так, Д. Меллор, отрицая течение времени как некоторый онтологический факт, подчеркивал важность временного порядка для правильного темпорального восприятия. В работе «Реальное время» он описывал, каким образом в нашем опыте отражен тот факт, что одно событие предшествует другому: «Сначала я должен увидеть e , а затем e^* , мое видение e как-то вспоминается при моем видении e^* . То есть мое видение e влияет на мое видение e^* : именно это заставляет меня – правильно или неправильно – видеть, что e предшествует e^* , а не наоборот. Но видеть, что e предшествует e^* , означает видеть e первым» [Mellor, 1981, p. 8]. Это рассуждение приводит его к заключению, что причинный порядок, который соответствует необходимому восприятию, фиксирует временной порядок восприятий, т. е. именно восприятие временного порядка требует темпорально упорядоченных восприятий, а не наоборот. Меллор предполагает, что именно требование, чтобы восприятие времени обладало временным порядком, а восприятие временных отношений обладало некоторой темпоральной структурой, делает временное восприятие особенным среди всех прочих восприятий: восприятие нетемпоральных отношений не требует наличного представления этих отношений. Так, восприятие формы не обязательно должно иметь форму, а восприятие цвета – цвет.

Признавая закономерность последнего утверждения, обратим внимание на следующий момент. Мы видим, что Меллор жестко связывает причинный порядок восприятий и временной порядок. Действительно, трудно спорить с тем фактом, что в восприятии предшествования одного события другому или следования одного события за другим ключевым является время восприятий. Но известны и случаи инверсии восприятия, когда ключевым для определения времени событий является именно их логическая связь. На это, в частности, обращает внимание Д. Деннет, утверждая, что ключевым для определения темпоральных отношений является именно содержание опыта, а не его темпоральные свойства [Dennet, 1991]. Деннет предполагает, что мозг не всегда использует время для временных представлений потому, что он не всегда способен это делать из-за отсутствия некоторой единой точки «сознания» во времени и пространстве.

Таким образом, апелляция Меллора к опыту не является серьезным аргументом. В свою очередь, признание того, что мы действительно должны опираться не только на логическую структуру языка, но и на опыт, играет значительную роль в дальнейших исследованиях. Здесь, в частности, можно обратить внимание на ранние работы Н. Оклендера, где он показывает, что для своевременных действий действительно необходим дискурс с временными формами. Но он замечает, что при этом не обязательно представлять факты с помощью грамматических времен. Он полагает, что это можно объяснить возможностью метаязыка, который описывает неизменные темпоральные отношения между событиями, т. е. их отношения раньше и позже [Oaklander, 1991, p. 27]. С этим трудно поспорить: если временные отношения различных событий являются действительно неизменными, то темпоральная нагруженность высказываний об этих событиях не дает ни новой информации, ни новых фактов. Позднее именно обращение к опыту привело Оклендера к рассмотрению R-теории как специфической, отличной от В-теории. В свою очередь, дальнейший языковой анализ привел его к убеждению, что старая В-теория была преждевременно отброшена.

Возврат к старой В-теории

В своих поздних работах Н. Оклендер предлагает альтернативную концепцию, имеющую свойства и А-теории, и В-теории. Он называет ее R-теорией – расселовской теорией времени или «темпоральным реализмом» [Oaklander, 2014, p. 2], который, фактически, расширяет «реализм временных форм» [Ibid, p. 3], поскольку, согласно его убеждению, существования темпорально нагруженных фактов недостаточно для объяснения опыта преемственности и течения времени. Оклендер утверждает, что R-теория отрицает и утверждение о статичности темпоральных отношений, характерное для В-теории, и представление о динамической природе событий. Он начинает защиту своих убеждений с утверждения, что отношения последовательности необходимы не только для В-серии событий, но и для А-серии, поскольку без существования последовательности не было бы и течения времени. При этом такие отношения, согласно R-теории, даны в опыте как феноменологически простые и не поддающиеся анализу, т. е. являются независимыми от разума и нередуцируемыми в онтологии времени, других темпоральных сущностей в этой теории нет [Ibid, p. 5]. Все онтологические факты о времени сводятся к отношениям последовательности или одновременности, в том числе длительность. Это отличается

от обычных взглядов сторонников В-теории, поскольку для последних характерно обращение к идеям причинности и энтропии, которые в R-теории также рассматриваются как сложные и производные от базовых отношений. Но это же приводит Оклендера к убеждению, что для R-теории характерен феноменологический реализм не только для темпоральных отношений, но и для течения времени, которое представляет лишь переход от более ранних событий к более поздним [Ibid, p. 7]. В целом, вся R-теория, как ее описывает Оклендер, основана на убеждении, что мы должны опираться на наш непосредственный феноменологический опыт. Существование простых темпоральных отношений аксиоматически предполагается онтологической основой нашего опыта. Оклендер утверждает, что R-теория не согласуется ни с А-теорией, ни с В-теорией, но, по сути, является ответвлением В-теории в попытке объяснить опыт преемственности.

Однако, несмотря на попытку отделить R-теорию от В-теории, Оклендер не отказывается от В-теории совсем, и даже возвращается к поиску аргументов в защиту старой В-теории. Так, в совместной работе Н. Оклендера и Ф. Орилии показано, что разница между старыми и новыми В-теориями заключается в отношении к семантическому атенционализму – убеждению, что мы можем отказаться от темпорально нагруженных фактов и предложений. С их точки зрения, критика в адрес семантического атенционализма не всегда эффективна, и некоторые старые теории способны ей сопротивляться [Orilia, Oaklander, 2015]. Для этого они предполагают, что мы должны проводить различие между типами предложений и токенами предложений, а также между лексическим значением, которое может быть присвоено языковой единице независимо от контекста высказывания, и прагматическим значением, которое языковая единица выражает в данном контексте. Они приходят к выводу, что мы можем отказаться от темпоральной нагруженности. Их рассуждение строится на убеждении, что значения темпорально нагруженных токенов на самом деле не зависят от контекста, потому что выражаемое значение является функцией токена вместе с ее контекстом, и они оба являются частью пропозиции, выраженной токеном. С этим не согласен Т. Фигг, который, используя аргументацию Х. Дайк [Dyke, 2002], показывает, что Орилии и Оклендеру не удалось показать жизнеспособность старой В-теории, поскольку, даже если мы представим пропозицию в виде функции от темпорально ненагруженного содержания и времени токена, мы не можем гарантировать сохранение значения предложения [Figg, 2017]. Фактически, ни переход к новой В-теории, ни попытка возврата к старой, не разрешают дискуссию в полной мере, но расширяют ее, поскольку по-прежнему остается загадкой, являются ли временные формы языковым конструктом либо следствием темпоральной структуры нашего сознания, или они связаны с темпоральной структурой самой реальности, и вряд ли анализ языка сможет пролить свет на этот вопрос.

Более того, ни отказ сторонников В-теории от семантического атенционализма, ни указание на его непротиворечивость в рамках отдельных теорий не привели сторонников В-теории к доминирующей позиции. Так, защитник динамической теории Н. Маркосиан убежден, что А-свойства, т.е. принадлежность события прошлому, настоящему или будущему, не сводимы к В-отношениям, т.е. отношениям раньше-позже [Markosian, 2020]. Он же отстаивает важность временных форм, будто бы игнорируя достижения новой В-теории и полагая, что тот факт, что даже в идеальном языке мы не можем отказаться

от глаголов «было», «есть» и «будет» («was», «is» и «will be»), свидетельствует о существенности темпоральной составляющей предложений для истинности высказываний [Markosian, 2020]. Вместо обращения к временным формам он обращается к метафизике и опыту, что, безусловно, является некоторой тенденцией для сторонников динамической теории.

В значительной степени подобный выбор методов наблюдается и при анализе работ Оклендера: при обсуждении В-теории он неизменно использует анализ временных форм, в то время как при описании R-теории он в основном сосредоточен на опыте и следствиях, получаемых из него. В целом, мы можем сделать вывод, что спор о темпоральной нагруженности предложений является неотъемлемой частью дискурса в рамках В-теории. Возможно, это является одной из причин некоторой замкнутости дискуссии, содержащей языковой анализ, внутри сторонников статической теории, а также изолированности А-и В-теорий друг от друга. Однако обращение к опыту несколько сближает позиции, как мы видим на примере R-теории. Это, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что, даже если реальность не нуждается в А-серии событий, для своевременных действий она является необходимой.

***

На настоящий момент не существует общепринятого взгляда на то, какая концепция времени и временной онтологии является более обоснованной. Остается открытым и вопрос, можем ли мы использовать логический анализ языка для обоснования некоторой точки зрения на реальность временных модусов. Так, если какие-то из временных модусов (прошлое, настоящее или будущее) не обладают реальностью, почему мы обсуждаем их так, будто они реальны? Если же они реальны, то почему нам доступен только опыт настоящего? Все эти и многие другие вопросы побуждают исследователей пускаться в творческий поиск, не только с целью ответить на эти вопросы, но и пытаться понять, какие из методов могут оказаться полезными для постижения времени в том или ином ключе.

Существует несколько направлений исследований, призванных в той или иной степени приблизить нас к пониманию реальности времени и его восприятия нами, среди которых есть и поиск подходящей темпоральной модели сознания, и обращение к метафизическому анализу нашего опыта. Исследование возможности отказа от временных форм также находится среди этих исследований, как минимум в контексте обсуждения возможности В-теории времени. Связь реальности, языка и мышления уже не вызывает сомнений, однако на текущий момент мы можем в некоторой степени быть уверены лишь в том, что А-серии необходимы нам для своевременных действий. В некоторой степени такое утверждение ослабляет сильную версию В-теории, отрицающую существенность А-свойств, но и усиливает ту ее версию, которая принимает во внимание человеческий опыт.

Список литературы / References

Dyke, H. (2002). Tokens, dates, and Tenseless Truth Conditions. *Synthese*. no. 131. pp. 329-351.

Figg, T. (2017). The Old Tenseless Theory: Back from the Dead? *Philosophia*. no. 45. pp. 1167-1178.

Kaplan, D. (1989). Demonstratives. In Almog, J., Perry, J. and Wettstein, H. (eds.) *Themes From Kaplan*. Oxford. Oxford University Press. pp. 481-563.

Markosian, N. (2020). The Dynamic Theory of Time and Time Travel to the Past. *Disputatio*. Vol. XII. no. 57. pp. 137-165.

McTaggart, J. E. M. (1908). The Unreality of Time. *Mind*. no. 18. pp. 457-474.

Mellor, D. H. (1981). *Real Time*. Cambridge. Cambridge University Press.

Oaklander, L. N. (1991). A Defence of the New Tenseless Theory of Time. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 41. no. 162. pp. 26-38.

Oaklander, L. N. (2005). Time and Tense: Philosophical Aspects. In Brown, K. (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd Ed. Vol. 12. pp. 554-557.

Oaklander, L. N. (2014). Temporal Realism and the R-Theory. In Bonino G., Jesson G. and Cumpa J. (eds.) *Defending Realism: Ontological and Epistemological Investigations*. Berlin. München. Boston. De Gruyter. pp. 123-140.

Orilia, F., & Oaklander, L. N. (2015). Do We Really Need a New B-theory of Time? *Topoi*. no. 34(1). pp. 157-170.

Smart, J. J. C. (1980). Time and Becoming. In van Inwagen, P. (ed.). *Time and Cause: Essays in Honor of Richard Taylor*. Boston. Reidel. pp 3-15.

Сведения об авторе / Information about the author

Зайкова Алина Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2022

После доработки: 08.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Zaykova Alina – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>

The paper was submitted: 15.05.2022

Received after reworking: 08.06.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

УДК 164.3 + 234.9

«ПАРАДОКС СИНГЛЕТОНА» В ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ:
МАКСИМ ИСПОВЕДНИК И НЕ ТОЛЬКО*

В. М. Лурье

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
hieromonk@gmail.com

Аннотация. В деонтических логиках, начиная с Аристотеля, подразумевается, что свободная воля агента возможна лишь там, где есть возможность выбора, т. е. присутствие не менее двух альтернатив. В византийском богословии это не является обязательным условием, поскольку оно рассматривает также и такую свободную волю, свобода которой не требует альтернативных возможностей. Ситуация «выбора из одного», когда множество альтернатив представляет собой синглетон, отличается в нем от ситуации полного отсутствия выбора, когда множество альтернатив является пустым. Подразумеваемая при этом деонтическая логика является паракомплектной.

Ключевые слова: деонтическая логика, паракомплектная логика, византийская логика, Максим Исповедник, свобода воли.

Для цитирования: Лурье, В. М. (2022). «Парадокс Синглетона» в деонтической логике: Максим Исповедник и не только. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 50-59. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.50-59

THE “PARADOX OF SINGLETON” IN THE DEONTIC LOGIC:
MAXIMUS THE CONFESSOR ET ALII*

Basil Lourié

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
hieromonk@gmail.com

Abstract. Since Aristotle, it is assumed, in deontic logics, that the free will of an agent requires necessarily a possibility of choice between no less than two alternatives. This condition was not *sine qua non* in the Byzantine theology. The free will without a choice between different alternatives was also conceivable. The situation of “choice from one”, where the set of alternatives is a singleton, was considered as distinct from the situation when the set of alternatives is void. The implied deontic logic is paracomplete.

Keywords: deontic logic, paracomplete logic, Byzantine logic, Maximus the Confessor, free will.

For citation: Lourié, B. (2022). The “Paradox of Singleton” in the Deontic Logic: Maximus the Confessor et alii. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 50-59. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.50-59

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44070.

* The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44070.

1

У меня костёр нетленной веры,
И на нём сгорают все грехи.
Я поэт ненаступившей эры,
Лучше всех пишу свои стихи.

В этой заключительной строфе стихотворения «Боярыня Морозова» Николай Глазков (1919–1979) использует то, что сегодня, с оглядкой на Дэвида Льюиса, можно назвать парадоксом синглтона (множества, содержащего только один элемент): он заявляет о себе как о лучшем элементе из множества авторов его стихов, т. е. выбирает сам себя в качестве лучшего из одного. По Аристотелю, за которым следует современная деонтическая логика, такой выбор невозможен: οὐδεὶς δὲ βουλεύεται περὶ τῶν μὴ ἐνδεχομένων ἄλλως ἔχειν (*Eth. Nic.* 1139a13-14). Переведем это так: «Никто ведь не изъявляет своего желания относительно того, что не может быть иначе»; в этом предложении «желание» подразумевает «предпочтение». Но Глазков то ли изъявляет, то ли для него это иначе быть может. Он, впрочем, и оговаривается достаточно ясно, что данное предпочтение относится к «поэту не наступившей эры», а не к рядовому обитателю нашего актуального мира.

В обыденной реальности «выбор из одного» чаще встречается в юморе. Например, с брежневских времен фиксируется анекдот о встрече генсека с человеком, несущим красивый арбуз. Брежнев просит продать, а человек предлагает ему выбрать. Брежнев недоумевает, как тут можно выбрать из одного арбуза, а человек ему объясняет, что мы, мол, тоже каждый раз выбираем Вас из одного кандидата. В приземленной прозе анекдота выбор из одного – это абсурд, но в возвышенной поэзии Глазкова в этом выборе глубокий смысл. Мы (т. е., по крайней мере, автор и любящие его читатели) понимаем этот смысл, хотя и не можем «пересказать прозой», т. е. так перефразировать этот поэтический прием, чтобы избежать потери смысла (если бы это было возможно, то поэзия не была бы нужна).

2

Синглетон, по мнению принципиальных противников любых теорий множеств, является парадоксальным объектом именно потому, что содержит противоречие уже в самом определении: это «множество», но такое, в котором нет никакой множественности, а есть только ее противоположность – единственность¹. Нам можно не углубляться в эту мереологическую критику теорий множеств, но лишь отметим, что последовательный номинализм не может допустить отличие множества от суммы его элементов, тогда как понятие синглтона требует экспликации такого отличия (или тогда уж постулирования «атома Куайна» – идентификации синглтона с его единственным элементом). Цермело и Френкель вводят синглетон лишь окольным путем: они рассматривают его как множество, содержащее пару идентичных элементов, а эта пара, по аксиоме экстенциональности,

¹ Подобная критика теорий множеств была начата в 1916 г. Станиславом Лесьневским (1886–1939) и уже в наше время продолжена Дэвидом Льюисом (1941–2001) [Lewis, 1991, pp. 29-59, Lewis, 1998].

идентична одному элементу. А можно ли иметь дело с синглетоном непосредственно и не прячась за аксиому экстенциональности? Очевидно, что в рамках номинализма – нельзя, но можно ли хотя бы в рамках умеренного реализма, признающего реальность универсалий (и, в том числе, множеств) хотя бы только «в вещах»?

3

Рассмотрим три возможных исхода одной ситуации. Ситуация: я подхожу к вазе с фруктами в надежде выбрать одно яблоко. Из всех мыслимых исходов такой ситуации нас будут интересовать следующие три: (1) я подхожу к вазе, вижу несколько яблок и выбираю одно; (2) я подхожу к вазе, вижу там одно-единственное яблоко и выбираю (или «выбираю»?) его; (3) я подхожу к вазе, вообще не обнаруживаю там яблок и отхожу с пустыми руками.

С точки зрения Аристотеля и современных деонтических логик [Horty, 2001, pp. 16 *et passim*], ситуации (2) и (3) идентичны: я не имел возможности выбора. Но с моей личной точки зрения они далеко не идентичны. Деонтическая логика, «какой мы ее знаем», вынуждает меня считать одинаковыми варианты исхода (2) и (3), но в моей личной логике эти исходы различаются кардинально, а вот исходы (1) и (2) похожи или даже вовсе идентичны (если единственное яблоко оказалось таким хорошим, что я бы все равно его выбрал из нескольких). Сказать, что моя личная логика не является в этом случае деонтической, нельзя: это моя логика как агента некоторых действий, и она при этом отличается от тех деонтических логик, которые уже описаны в научной литературе.

Можно, конечно, начать спорить о словах и отказаться называть мое действие в случае (2) выбором. Это, кстати, будет правильно с точки зрения византийского словоупотребления вообще и Максима Исповедника в частности, хотя у византийских авторов мы как раз и найдем ту нужную нам деонтическую логику, которую не описывают в современной литературе. Но в нашем современном словоупотреблении это не будет естественно, так как понятие «выбора из одного» стало нам довольно привычным хотя бы из шуток. Поэтому я позволю себе называть выбором также и выбор из одного, а отсутствием выбора – лишь ситуацию полного отсутствия яблок, пустого множества альтернатив.

4

Не найдя ничего подходящего в новой истории европейской мысли, мы можем обратиться к деонтическим логикам тех культур, где не боялись вводить в логику противоречия. Издали нам уже слышится хлопок одной ладони мастера Хакуина (1686–1769). Но мы так далеко не пойдем, да и пути туда нет, пока история деонтической логики в буддизме не написана. Ограничимся тем, что поблизости, – Византией.

В Византии, в отличие от последователей Августина, никогда не редуцировали проблему свободы воли к «свободе выбора» (*liberum arbitrium*). Свобода, не сводящаяся к выбору, обсуждалась в связи со свободой Бога (особенно Божия промысла) и полярных состояний свободы человека – в совершенстве обожения и в вечном осуждении. Последние два состояния необратимы и, с точки зрения аристотелевой деонтической логики, одинаковые: в них полностью исчезает свобода выбора. В состоянии совершенного обожения

уже невозможно повторение грехопадения Адама. Тут не просто безгрешное состояние, но другая модальность – состояние «необходимо безгрешное», в котором уже невозможно согрешить. Адам был призван его достигнуть – и, в общем-то, достиг, но слишком уж непрямым путем: от контингентной безгрешности к контингентной греховности и далее со всеми остановками к необходимо-безгрешному состоянию.

Итак, если в спасении невозможен грех и отделение от Бога, а в вечном осуждении невозможно обратное – избавиться от греха и соединиться с Богом, – то, по Аристотелю, приходится считать, что в аспекте деонтической логики эти состояния одинаковы, то есть одинаково несвободны. То есть Рай – он все-таки немножечко Ад. Тут что-то не сходится с византийским богословием.

5

Впрочем, если ограничиться Адом, то византийское богословие не имело бы ничего против Аристотеля. Оно всегда говорило о «рабстве» греху, т. е. об утрате свободы воли вследствие греха. Такая утрата может стать когда-нибудь окончательной, превратившись из контингентной в необходимую. Получается по Аристотелю: в Аду нет выбора, как нет и свободы воли. Человек использовал свою свободу, чтобы отдать себя в рабство, и теперь уже ее не имеет. Свобода – это ресурс, который можно тратить и восстанавливать, но можно в итоге потратить так, что уже не восстановишь.

Но у Бога в некоторых ситуациях тоже нет свободы выбора: например, он не может грешить, т. е. совершать нечто отделяющее его от самого себя, тогда как люди «грешить» по отношению к самим себе – действовать против самих себя – могут. Для логики, которая должна была обслуживать богословие, это был острый, но не самый острый вопрос, т. к. всевозможные нарушения обыденной логики в отношении Бога были привычны. Не ставилось под сомнение, что Бог свободнее всех прочих существ, хотя эта свобода у него какая-то особенная и божественная.

Вопрос о свободе обострился в связи с понятием обожения в его специфически византийском понимании – ведь в обожении человек становится Богом со всеми божественными свойствами, включительно до нетварности, кроме только лишь тождества по сущности, или, другими словами (формула была отчеканена в IV в. Григорием Богословом), «насколько» Бог во Христе стал человеком, «настолько» человек во Христе становится Богом, т. е. совершенно². Тогда и божественная свобода с ее невозможностью выбора греха становится человеческой. При этом нельзя сказать, что человек становится менее свободен, т. к. для этого надо было бы признать, что Бог менее свободен, чем человек. Между состоянием обожения и вечного осуждения появляется некоторое различие, которого деонтическая логика Аристотеля не улавливает. Модернизируя терминологию, можно сказать, что человек начинает выбирать добро в качестве того самого «выбора из одного», который не является отсутствием выбора, при том, что зло, выбранное навсегда в состоянии вечного осуждения, отсутствием выбора является.

---

² О понимании обожения, специфическом для византийской патристики [см. особ.: Larchet, 1996].

6

Рассмотрим теперь эту проблему в аутентичной терминологии. Такой подробный разбор можно найти, насколько мне известно, только у одного автора – Максима Исповедника (580–662), которому пришлось пояснять свои более ранние, более общие формулировки. На время Максима пришлось монофелитские споры, в которых тончайшим образом выяснялось, что же означает человеческая свобода, полноту которой должен был иметь как воплотившийся Бог, так и обоженный человек.

В качестве основного термина для «свободы» Максим, как и другие отцы, использует αὐτεξουσία, что на церковнославянский традиционно переводится «самовластие», или просто ἐξουσία («властие») – по-славянски все равно «самовластие», хотя на русский можно перевести как «власть». Но по смыслу это именно та власть, которая свобода, а не та, которая «господство, владение» (κυριότης) или «сила, способность» (δύναμις). Так уже в самом выборе основного синонима для древнегреческой ἐλευθερία «свобода» проявились некоторые философские предпочтения: делается акцент на власти. Едва ли не во всех языках восточно-христианского средневековья «самовластие» стало обычным или единственным термином, обозначающим свободу воли (аналогично тому, как на Западе, постепенно подчинившемся влиянию Августина, таким термином стал *liberum arbitrium*), но из новых языков это сохранил, кажется, только грузинский, где «свобода» обозначается точной калькой αὐτεξουσία – თავობჳჯღებდა *t'avisup'leba*.

Рассмотрим ключевое определение Максима Исповедника³:

Ἀλλ' οὐτε ἐξουσία ἐστὶν ἡ προαίρεσις. Ἡ μὲν γὰρ προαίρεσις, ὡς πολλάκις ἔφη, ὄρεξις ἐστὶ βουλευτικὴ τῶν ἐφ' ἡμῖν πρακτῶν· ἡ δὲ ἐξουσία, [1] κυριότης ἔννομος τῶν ἐφ' ἡμῖν πρακτῶν· [2] ἡ κυριότης ἀκώλυτος τῆς τῶν ἐφ' ἡμῖν χρήσεως· [3] ἡ ὄρεξις τῶν ἐφ' ἡμῖν ἀδούλωτος. Οὐκ ἔστιν οὖν ταυτὸν ἐξουσία καὶ προαίρεσις· εἶπερ κατ' ἐξουσίαν μὲν προαιρούμεθα· οὐκ ἐξουσιάζομεν δὲ κατὰ προαίρεσιν· καὶ ἡ μὲν ἐπιλέγεται μόνον· ἡ δὲ χρᾶται τοῖς ἐφ' ἡμῖν, καὶ τοῖς ἐπὶ τοῖς ἐφ' ἡμῖν, ἢ γοῦν, προαίρεσει καὶ κρίσει καὶ βουλή. Κατ' ἐξουσίαν γὰρ βουλευόμεθα, καὶ κρίνομεν, καὶ προαιρούμεθα, καὶ ὀρμῶμεν, καὶ χρώμεθα τοῖς ἐφ' ἡμῖν.	Но и свободой не является способность к выбору. Ведь способность к выбору, как я не раз говорил, это устремление желания относительно того, что от нас зависит, тогда как свобода – это [1] или свойственная нам власть делать то, что от нас зависит, [2] или беспрепятственная власть пользоваться тем, что от нас зависит, [3] или нерабское устремление к тому, что от нас зависит. Поэтому не одно и то же свобода и способность к выбору. Хотя мы пользуемся способностью к выбору благодаря свободе, мы сами свободны не благодаря способности к выбору. Способность к выбору только лишь выбирает, а свобода осуществляет использование того, что от нас зависит, и того, что зависит от того, что от нас зависит, а именно, она приводит в действие способности к выбору, к сопоставлению и к желанию. Ибо благодаря свободе мы желаем, сопоставляем, выбираем, устремляемся и пользуемся тем, что зависит от нас.
--	---

³ Maximus Confessor. *Opuscula theologica et polemica*, 1 [Maximus Confessor, 1865, cols. 17 C-19 A]. Подробное обсуждение терминологии и соответствующих концепций Максима см. в примечаниях Г. И. Беневича в: [Максим Исповедник, 2014, с. 499-500 и далее др.]. Я не использую русский перевод этого издания (с. 306), но только по стилистическим причинам. Мой анализ цитируемого определения в контексте патристики и учения самого Максима см.: [Lourié, 2018].

Определение свободы здесь дается в виде инклюзивной дизъюнкции трех элементов. Два первых дизъюнкта учитывают аристотелевскую традицию: способность делать то, что соответствует нашей природе (*ἔννομος* означает буквально «легитимный, узаконенный», но этот термин и отсылает к природному порядку), и отсутствие в этом препятствий. В философии XX в. это часто называли⁴, соответственно, позитивным и негативным пониманиями, или аспектами свободы. А третий дизъюнкт как раз не из Аристотеля: это такое «устремление», которое может и не выражаться в «действиях» – в каких бы то ни было действиях, – не исключая и выборы. Почему он не является избыточным?

В контексте той проблематики, которой был занят Максим, мы можем ответить на этот вопрос так. Даже если все действия в человеке теперь совершает Бог, т. е. даже если ничего человеческого в его действиях и даже свойствах теперь не видно, человек все равно не теряет своей воли и своей свободы: она не исчезает, а «уступает» свое место для действия Богу⁵. Свобода воли не обязательно должна проявляться позитивно – через какие-либо действия, – но она может проявляться и через самоустранение от действия. Если у нас вместо ситуации выбора между волей Божией и волей своей, характерной для контингентных состояний (как хороших, так и плохих), остается лишь единственный вариант выбора воли Божией, характерный для состояния необходимо-безгрешного (в совершенстве обожения), то это все-таки результат, в достижении которого мы участвуем, ограничивая действие своей воли такого рода «выбором без выбора», т. е. выбором из одного варианта.

Это радикально отличается от состояния вечного осуждения, когда не только нет выбора воли Божией, но нет также и свободы собственной воли. Логически это похоже на тот случай, когда я подошел к вазе, чтобы выбрать яблоко, но в ней яблок не оказалось. Разумеется, в противоположность этому, обожение – это когда яблоко оказалось только одно, но прекрасное абсолютно. Все прочие яблоки в сравнении с этим единственным – как все прочие авторы стихов Глазкова в сравнении с самим Глазковым.

7

Различение «власти» (*κυριότης*) что-либо сделать и «стремления» (*ὄρεξις*) к чему-то основано на том, что первое «запускается в действие» только вторым. Тут различение нашей способности что-то делать и некоторой более глубокой способности, которая только и может позволять нам что-либо делать или не делать. Применим теперь это объяснение Максима к ситуации выбора яблок.

Как объясняет Максим (особенно в том сочинении, маленький отрывок из которого мы процитировали), чтобы выбрать (то есть использовать *προαίρεσις*), нам нужно сначала сопоставить (использовать *κρίσις* – «рассуждение, сопоставление»), а для этого нам нужно сначала захотеть (*βουλεῖν*). Прежде чем я задумался о выборе одного яблока, я просто захотел яблоко. Если яблоко в вазе оказалось единственным, мне не пришлось сопоставлять разные

⁴ Особенно вслед за известным эссе Исаии Берлина 1958 г. [Berlin, 2002].

⁵ О понятии *ἐκχώρησις γυναικῆ* («намеренное уступание» свободной воли) у Максима [см. прим. Г. И. Беневича в: Максим Исповедник, 2014, с. 500].

яблоки друг с другом и производить выбор в аристотелевском смысле слова. Но я узнал в нем объект своего стремления, и оно мне подошло. Я не осуществил выбора, но осуществил свое свободное желание. Примерно так это можно описать на византийском языке Максима Исповедника, а на языке современном я бы предпочел сказать, что я выбрал одно яблоко из набора, состоявшего из одного яблока, и не остался разочарованным. В качестве агента действия я сделал ровно то, чего хотел. В моей личной деонтической логике все прошло успешно.

8

Нам осталось сформулировать эксплицитно, чем моя личная деонтическая логика отличается от известной деонтической логики с учетом агента, которому присуща свобода выбора.

Для учета агента в деонтической логике с конца 1960-х гг. применяются разные версии оператора *stit* (“seeing to it that” – некий агент «обеспечивает, чтобы стало так, что ...») [Horty, 2001 (с библиогр.)]. Если агент может быть или не быть наделен способностью к свободному выбору, то можно различить операторов *astit* (achievement *stit*) и *dstit* (deliberative *stit*) – соответственно, для несвободного и свободного агентов [Horty, Belnap, 1995; Xu, 1998; Balbiani et al., 2008]. Все подобные модели основаны на понятии разветвляющегося времени (branching time). Реально, как это чаще всего подразумевается в логиках времени, речь идет не о самом времени, а о событиях во времени («историях», т. е. сценариях развития событий) и «моментах», в которых эти «истории» разветвляются в зависимости от разного поведения агента.

В условиях истинности оператора *dstit* заложено негативное условие, состоящее в том, чтобы в наборе «историй» H_m , проходящих через «момент» m , помимо той «истории», которая выбирается агентом этого оператора, оставалась хотя бы одна альтернативная «история» [Horty, Belnap, 1995, pp. 592-593]. Но нам сейчас надо представить такую деонтическую логику, в которой набор «историй» H_m является синглетоном. Это не позволит нам не только задать оператор *dstit*, но и вообще воспользоваться представлением о «разветвляющемся времени».

В нашей деонтической логике время не разветвляется, но и не остается таким, как было. Что же ему тогда остается делать? Выход один – нарушать закон исключенного третьего, допустив контрарное противоречие, не разветвляться, но и не течь по-прежнему, а делать что-то такое, что ни то, ни другое и чему и названия-то нет. Но в мире вообще много такого, чему названия нет, а само оно есть, и, в данном случае, мы уже описали интересующее нас явление апофатически – это и не разветвление времени, и не линейное его продолжение, а находящееся между ними исключаемое, но так и не исключенное третье.

Эквивалентно это описывается через нарушение закона идентичности в форме «А не идентично А». Это один из нескольких возможных способов нарушения закона идентичности, утверждающего идентичность каждого объекта самому себе, т. е. рефлексивность отношения идентичности. В паракомплектной логике отношение идентичности сохраняется, но не очень – оно перестает быть рефлексивным. Траектория

развития событий («история»), которая и не разветвляется, и не течет по-прежнему, перестает быть идентичной самой себе, но при этом не становится идентичной какой-нибудь другой «истории». Имеет место лишь контрарное противоречие, но не субконтрарное и не контрадикторное. Среди уже описанных формально неконсистентных деонтических логик именно такой еще нет⁶, но в возможности ее формального описания едва ли могут быть сомнения.

9

Итак, если мое намерение выбрать яблоко из вазы привело к тому, что я взял единственное бывшее в ней яблоко, но остался удовлетворен, то мое удовлетворение паракомплектно. Оно прошло через переживание контрарного противоречия: я увидел яблоко, которое было яблоком, но также и не яблоком, а «множеством» яблок. В этом смысле мое яблоко было не идентично самому себе.

В отличие от критиков теорий множеств, действовавших во имя последовательного номинализма, я не вижу в подобном противоречии ничего плохого. Иными словами, я думаю, что «парадокс синглетона» никакой не парадокс, а вполне законное проявление паракомплектной логики на свойственном ей месте.

Если перейти от логики к онтологии, то это место легко определить. Контрарное противоречие, т. е. паракомплектность, присуще самой идее *universalia in rebus*. Во всяком случае, отделить одно от другого – задача более чем нетривиальная. Как номинализм или концептуализм (*universalia post rem*), так и сильный реализм (*universalia ante rem*) избегают подобного противоречия. Если мы хотим придать идее множества статус какой-то реальности, но при этом не готовы возвысить ее до статуса платоновской идеи, то контрарное противоречие нашей онтологии обеспечено. В ней все предметы будут оказываться – но не казаться, а быть – чуть побольше самих себя.

Список литературы / References

Максим Исповедник. (2014). *Богословско-полемические сочинения (Opuscula Theologica et Polemica)*. Пер. Д. А. Черноглазова и А. М. Шуфрина. Науч. ред., предисл. и коммент. Г. И. Беневица. Святая гора Афон. СПб.

Maximus the Confessor. (2014). *Theological and Polemical Works (Opuscula Theologica et Polemica)*. Chernoglazov, D. A. and Chouffrine, A. M. (transl.). Benevich, G. I. (ed., introd., comment.). Holy Mountain Athos. St Petersburg.

---

⁶ Первооткрывателем неконсистентных деонтических логик в 1986 г. выступил Ньютон да Коста в статье «On Paraconsistent Deontic Logic» [da Costa, Carnielli, 1986], но с тех пор и до сих пор интерес научного сообщества ограничивается параконсистентными деонтическими логиками (основанными на субконтрарных противоречиях), привлекающими возможностью интерпретировать конфликты обязательств и схожие проблемы без элиминации противоречий [см. историографию в: McGinnis, 2007]. Мне ничего неизвестно об исследованиях в области паракомплектных или неалетических (основанных на контрадикторном противоречии) деонтических логиках.

Balbani, Ph., Herzig, A. and Troquard, N. (2008). Alternative Axiomatics and Complexity of Deliberative STIT Theories. *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 37. pp. 387-406.

da Costa, N. C. A., Carnielli, W. A. (1986). On Paraconsistent Deontic Logic. *Philosophia*. Vol. 16. pp. 293-305.

Horty, J. F. (2001). *Agency and Deontic Logic*. Oxford. Oxford University Press.

Horty, J., Belnap, N. (1995). The Deliberative stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation. *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 24. pp. 583-644.

Berlin, I. (2002). Two Concepts of Liberty. In I. Berlin. *Liberty. Incorporating "Four Essays on Liberty"*. Hardy, H. (ed.). Oxford. pp. 166-217.

Larchet, J.-Cl. (1996). *La divinisation de l'homme selon saint Maxime le Confesseur*. Paris.

Lewis, D. (1991). *Parts of Classes*. Oxford.

Lewis, D. (1998). Mathematics is megethology. In D. Lewis. *Papers in philosophical logic*. Cambridge. pp. 203-229.

Lourié, B. (2018). A Freedom beyond Conflict: The Logic of Internal Conflict and the Free Will in Maximus the Confessor. *Scrinium*. Vol. 14. pp. 63-74.

Maximus Confessor. (1865). *Opuscula theologica et polemica*. Combefis, F. (ed.). In *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Paris. Accurante J.-P. Migne. Vol. 91. Cols. 9-285.

McGinnis, C. (2007). *Paraconsistency and Deontic Logic: Formal Systems for Reasoning with Normative Conflicts*. PhD Thesis. University of Minnesota (unpublished).

Xu, M. (1998). Axioms for Deliberative "Stit". *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 27. pp. 505-552.

Сведения об авторе / Information about the author

Лурье Вадим Миронович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: hieromonk@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

Статья поступила в редакцию: 10.05.2022

После доработки: 08.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Lourié Basil – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: hieromonk@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

The paper was submitted: 10.05.2022

Received after reworking: 08.06.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

УДК 1 (091)

АРИСТОТЕЛЬ О ДЕЙСТВИЯХ И ИХ ПРИЧИНАХ¹**А. А. Санжеников**

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

sanzhenakov@gmail.com

Аннотация. Статья призвана ответить на вопрос о правомерности отнесения теории действия Аристотеля к разряду стандартного каузализма по типу теории действия Д. Дэвидсона. Как полагает Дэвидсон, Аристотель мог бы согласиться с базовыми тезисами стандартной теории действия о том, что психологические установки агента (желания и верования) выступают как основаниями для действий, так и причинами таковых. Однако анализ текстов Аристотеля и обзор историко-философских интерпретаций показали, что между подходами Аристотеля и Дэвидсона существуют серьезные концептуальные различия. Мы продемонстрировали, что аристотелевской теории действия свойственен холизм – стремление дать всестороннее описание действия с помощью четырех причин, поместить его в телеологический контекст функционирования организма в целом, а также вписать его в структуру мироустройства. Все это не свойственно партикуляризму стандартного каузализма, согласно которому не цели играют первоочередную роль, а желания и верования агента, действия же рассматриваются как локальные события. В заключительной части статьи автор высказывает гипотезу, что истинным правопреемником Аристотеля следует считать скорее М. Братмана, разработавшего теорию намерения как планирования.

Ключевые слова: теория действия, стандартный каузализм, Аристотель, основания для действия, намерение, телеология, четыре причины Аристотеля, Дэвидсон.

Для цитирования: Санжеников, А. А. (2022). Аристотель о действиях и их причинах. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 60-69. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.60-69

ARISTOTLE ON ACTIONS AND ITS CAUSES**A. A. Sanzhenakov**

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

sanzhenakov@gmail.com

Abstract. The article raises the question of the legitimacy of considering Aristotle's theory of action as a standard causalism in the version of D. Davidson's theory of action. Davidson believes that Aristotle could agree with the fundamental assumptions of the standard theory of action that the agent's psychological attitudes (desires and beliefs) are the reasons for actions as well as their causes. However, an analysis of Aristotle's texts and a review of modern commentaries have shown that there are deep conceptual differences between the approaches of Aristotle and Davidson. The article demonstrates that the holism of the Aristotelian theory of action leads to the tendency to give

---

¹ Замысел этой статьи впервые был представлен в качестве небольшого доклада на симпозиуме "Классическая традиция и современное антиковедение" (13-14 мая 2022, Новосибирский Академгородок), посвященном 15-летию журнала СХОЛН. Автор выражает глубокую благодарность участникам симпозиума за полезное обсуждение и ценные советы, возлагая всю ответственность за недоработки и ошибки на себя.

an exhaustive description of the action with the help of four causes, to place the action in the teleological context of the functioning of a living being, and also to fit it into the structure of the world order as a whole. All these properties have no place in standard causalism, which is characterized by particularism, and according to which it is not the goals that play the primary role, but the desires and beliefs of the agent. In the final part of the article, the author suggests that M. Bratman, who developed a planning theory of intention, should be considered the true successor of Aristotle.

Keywords: theory of action, standard causality, Aristotle, reasons for action, intention, teleology, Aristotle's four causes, Davidson.

For citation: Sanzhenakov, A. A. (2022). Aristotle on Actions and its Causes. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 60-69. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.60-69

Многие современные философы рассматривают Аристотеля в качестве своего предтечи, идейного вдохновителя или потенциального соратника. Дональд Дэвидсон, который возводит генеалогию своей теории действия к Аристотелю, не исключение. В своей известной статье «Действия, причины и основания» [Davidson, 1963] он буквально с первых страниц заявляет, что собирается защищать древнюю точку зрения, согласно которой основания наших действий не только объясняют (рационализируют) действия, но и являются причинами таковых. Эта точка зрения получила название «стандартной теории действия» или же «стандартного каузализма» [Mele, 2009, p. 534] и была господствующей до недавнего времени [D'Oro, Sandis, 2013, p. 21]. Истоки своей позиции Дэвидсон обнаруживает в аристотелевской концепции «желания как причинного фактора», которая подвергается сомнению некоторыми исследователями за свою чрезмерную простоту, а также неоправданно исключительную связь действий с желаниями агента. Выстраивая оборону, Дэвидсон идет на уступки и соглашается, что желание является слишком узким понятием и основания действий должны включать в себя не только его. С этой целью он вводит понятие «pro-attitude» (предрасположенность к действию), куда относит желания, стремления, побуждения, разнообразные моральные убеждения, эстетические принципы, экономические предубеждения, социальные условности [Davidson, 1963, p. 686]. Эта предрасположенность к действию корреспондируется верованием относительно того, что тот или иной образ действий соответствует желательному. Дэвидсон полагал, что расширение и перегруппировка теоретических положений не меняют сути аристотелевской теории, но лишь усиливают ее.

В данной статье мы постараемся ответить на вопрос, действительно ли теорию действия Аристотеля следует расценивать как каузальный подход (в версии Дэвидсона) к проблеме соотношения оснований и действий. Сначала мы представим реконструкцию взглядов Аристотеля на действия живых существ, затем обратимся к интерпретациям современных исследователей, а в конце предложим свое видение этой проблемы. Наша гипотеза базируется на том факте, что представления о причинности в античной философии были иными, нежели в наши дни², поэтому Дэвидсон неправомерно привлекает

---

² Как отмечает А. Мармодоро, «наша концепция причинности изменилась в XVII веке, когда экспериментальная философия и атоанизм начали завоевывать себе место в мире философии и науки. В отличие от нас, древние выделяли больше типов причин, чем действующая причина. Следовательно, эти дополнительные типы, которые древние включали в свои описания причинности, нами не считаются причинами» [Marmodoro, 2013, p. 222].

Аристотеля на свою сторону. Также нам кажется очевидным, что психология действия, используемая современным философами действия, разительно отличается от античных представлений о внутреннем мире человека. Наконец, холизм Аристотеля – его действующий субъект вписан в единую физическую картину мира, которая пронизана общими принципами – не имеет ничего общего с партикуляризмом модели Дэвидсона. Иначе говоря, для Аристотеля телеологический принцип работает не только применительно к разумным существам, но и во многом уместен при объяснении процессов неживой природы, что, безусловно, крайне странно с точки зрения современной философии действия. Обозначенные несоответствия наряду с внешним сходством могут вызвать недопонимание. В этой статье мы намерены показать, что подобное недопонимание привело к тому, что в современной теории действия взгляды Аристотеля ошибочно интерпретируются как стандартный каузализм.

Аристотель о самодвижении живых существ

Проблема человеческих действий в философии Аристотеля помещена в более широкий вопрос о причинах самодвижения живых существ в целом. В трактате «О движении животных» (*De Motu Animalium*, далее – *МА*), ссылаясь на 8-ю книгу «Физики» (*Physica*, далее – *Ph.*), Аристотель постулирует, что началом всякого движения должно быть что-то неподвижное и способное двигать себя само³. Этот принцип, как полагает Аристотель, сохраняется на всех уровнях мироздания. К примеру, человек не может сдвинуть лодку, находясь в ней без особых приспособлений, но, если он выйдет на берег и начнет толкать лодку, опираясь на неподвижную точку опоры (берег или более крупный плавучий объект), тогда лодка начнет движение. Это касается как целого, так и его частей: когда один из членов живого существа движется, сочлененный с ним должен оставаться неподвижным, давая точку опоры⁴.

Отличие неживой природы от живой заключается в том, что «неодушевленными вещами всегда движет что-то иное, и началом вещей, приобретающих такое движение, всегда являются вещи, движущие сами себя» (*МА* 700a15–16) [Аристотель, 2016, с. 743]. Иначе говоря, неживая природа способна к движению только за счет живой природы, не считая тех случаев, когда два тела сталкиваются (например, бильярдный шар начинает движение, когда с ним сталкивается другой шар, сдвинутый с места в свою очередь игроком). Самой сложной проблемой, с точки зрения Аристотеля, является проблема поиска причин движения живых существ. «Больше всего затруднений, как кажется, доставляет третий вопрос – о возникновении [в теле] движения, которого [в нем] раньше не было, что имеет место у одушевленных [существ], так как покоившееся раньше начинает после этого идти, в то время как извне ничто, по-видимому, не привело его в движение» (*Ph.* 253a7–11) [Аристотель, 1981, с. 226-227]. Хотя причины

³ «Обсуждая, существует ли вечное движение и если да, то каково оно, мы уже выяснили, что началом других движений является то, что движет себя само, и что его начало неподвижно, и что первый двигатель необходимо должен быть неподвижным» (*МА* 698a7–10) [Аристотель, 2016, с. 738].

⁴ «Так, локоть остается неподвижным, когда движется предплечье, а плечо – когда движется вся рука; колено остается неподвижным, когда движется бедро, а бедро – когда вся нога» (*МА* 698b2–4) [Там же, с. 739].

движения животного не даны нам со всей очевидностью, Аристотель склонен считать, что таковые имеются⁵. Зафиксировав эту проблему в «Физике», Аристотель переходит к ее решению в трактате «О движении животных». Итак, в самом общем виде в философии Аристотеля можно выделить три класса движущихся сущностей: неодушевленные предметы, которые движутся чем-то иным, одушевленные существа, которые имеют начало движения в себе⁶ и первый двигатель, который, будучи неподвижным, выступает источником всех движений⁷.

Аристотель дополняет обозначенный выше постулат о необходимости неподвижного начала движения тезисом о наличии некоего источника движения в самих животных. «Что касается животных, то в этом случае должно существовать не только неподвижное в указанном смысле, но и нечто в них самих, способное перемещать их и обеспечивать их самостоятельное движение» (МА 700a6–8) [Аристотель, 2016, с. 743]. Другая важная характеристика движения животных заключается в пределе (πέρας), который их ограничивает. Обычно таковым является цель – «то, ради чего» (τὸ οὗ ἕνεκα) совершается движение. Но в некоторых случаях пределом служит естественная ограниченность ресурса организма: если хищник преследует жертву, которая слишком быстро от него убегает, то преследование не может продолжаться бесконечно, в итоге хищник устанет и его движение к этой цели прекратится, несмотря на то, что цель так и не была достигнута. Так или иначе, но телеологическая составляющая дискурса в данном случае задает специфику движений живых существ, и именно благодаря введению этого уровня мы можем вести речь уже о действиях, а не просто о движениях. Цель или же предмет стремления, как она еще называется в сочинении «О душе» (*De anima*, далее – DA)⁸, находится вне души деятеля, в душе же присутствует ряд способностей, которые позволяют выделять из всего многообразия предметов окружающего мира те, которым в итоге преддицируется свойство желательности. «Мы видим, что живые существа движимы рассудком (διάνοιαν), воображением (φαντασίαν), намерением (προαίρεσιν), волей (βούλησιν) и желанием (ἐπιθυμίαν), которые сводятся к уму (νοῦν) и стремлению (ὄρεξις)» (МА 700a6–8) [Там же, с. 745]. Таким образом, деятельный ум (ὁ πρακτικός) и стремление выступают высшими родовыми способностями, благодаря которым инициируется совершение пространственного передвижения живых существ. При этом, если животные движутся благодаря ощущению и воображению (или же представлению), то люди помимо этих способностей обладают сознательным выбором (один из распространенных переводов «προαίρεσις») и решением (также один из вариантов перевода для «βούλησις»). Показательно, что понятие «действие» (πρᾶξις) появляется на страницах трактата, когда речь заходит

⁵ М. Нуссбаум во введении к переводу «О движении животных» подтверждает, что Аристотель был весьма оптимистично настроен по отношению к возможностям науки и полагал, что задавать вопрос о причинах движения всегда уместно, и всегда есть надежда на адекватный ответ [Nussbaum, 1986, p. xx].

⁶ См.: «... живое существо, как мы говорим, само себя движет (τὸ δὲ ζῶον αὐτὸ φαμεν ἑαυτὸ κινεῖν)» (*Ph.* 252b22–23) [Аристотель, 1981, с. 226].

⁷ В данном случае имеется в виду не столько учение о космическом уме, сколько методологический принцип Аристотеля, уже описанный нами выше, заключающийся в том, что любое движение должно происходить с опорой на нечто неподвижное: «... необходимо должно существовать нечто, остающееся неподвижным при всякой внешней перемене» (*Ph.* 258b13) [Аристотель, 1981, с. 241].

⁸ «Движут, видимо, по крайней мере две способности – стремление и ум, если признать воображение своего рода мышлением» (*DA* 433a9–10) [Аристотель, 1976, с. 442].

о небезызвестном практическом силлогизме. Этот род силлогизма вводится Аристотелем, чтобы ответить на вопрос, почему иногда движение по месту происходит, а иногда – нет. Действие возникает как следствие из двух посылок. Вот примеры, которые приводятся в трактате: «... подумав, что всякий человек должен ходить, ты, будучи человеком, тут же пойдешь; напротив, если ты решишь, что в определенном случае ни один человек не должен ходить, ты, сам будучи человеком, тут же остановишься. В обоих этих случаях всякий поступит именно так, если ничто ему не помешает (κωλύη) или не воспрепятствует (ἀναγκάζη). Я должен сделать что-то благое; дом – это благое; я тут же строю дом» (701a13-17) [Там же, с. 746]. Предпосылок для вывода-действия существует две: через благо и через возможность. При этом скорость решения зависит от того, какие способности мы используем. Если участвуют чувственное восприятие, воображение или размышление (τῷ νῶ), то действие происходит тут же. В таком случае вопрошание или рассуждение (ἐρώτησις ἢ νόησις) не требуются. Перечисленные три способности позволяют идентифицировать среди окружающих предметов желаемый, но инициируют эти поиски желание и страсть (ἐπιθυμία ἢ θυμός), с одной стороны, стремление и воля (ὄρεξις ἢ βούλησις), с другой. Очевидно, что первые две способности направлены на удовлетворение базовых потребностей, в то время как стремление и воля связаны с более сложными расчетами и направлены на более сложные предметы. Последним элементом, объединяющим все эти элементы, выступает некая телесная сущность, которая приводит в движение живое существо и обладает для этого «мощью и силой». Аристотель называет эту сущность «врожденным духом (πνεῦμα σὺμφυτον)», помещая ее в сердце.

Таким образом, осмысляя действие живых существ, Аристотель располагает их в более общем контексте проблематики движения. Базовым тезисом является необходимость чего-то неподвижного в качестве начала движения. Самодвижение животных объясняется через целевую причину: одушевленные существа имеют ряд способностей (чувственное восприятие, воображение, ум), которые позволяют животному различать предметы, соответствующие его желаниям и стремлениям. При этом нет полной ясности – то ли стремление конституирует предмет стремления, как мы видим из примера с желанием напиться воды⁹, то ли, напротив, предмет стремления привлекает нас, выступая первопричиной движения¹⁰. В этом месте мы сталкиваемся с главной, как нам кажется, проблемой философии действия Аристотеля: существует ли одна единственная причина самодвижения живых существ, и если да, то какая? Аристотель в равной мере придает значение как стремлению, так и предмету, на который оно направлено. Более того, в трактате «О душе», описывая машинерию самодвижения живых существ, он отмечает, что движущее состоит из двух частей, значение которых, как мы можем предположить, равноценно: «Движение включает в себя тройное: во-первых, движущее, во-вторых, то, чем оно приводит в движение, и, в-третьих, движимое; *движущее* в свою очередь *двояко* (курсив мой – А. С.):

⁹ «Я хочу пить», – говорит мне желание (ἐπιθυμία). «Это питье», – сообщают мне чувственное восприятие, воображение или ум, и я тут же пью. Именно это заставляет (ὀρῶσι) живые существа двигаться и действовать, и стремление – это конечная причина (τῆς ἐσχάτης αἰτίας) их движения; и возникает оно благодаря чувственному восприятию, воображению или мышлению» [Аристотель, 2016, с. 746].

¹⁰ «Движет предмет стремления, и через него движет размышление, так как предмет стремления есть начало для него» (DA 433a18–19) [Аристотель, 1976, с. 443]. «Начало движения, как уже было сказано, – это тот предмет, который мы желаем или, напротив, которого стремимся избежать» (MA 701b33) [Аристотель, 2016, с. 748].

или оно неподвижно, или и движет и движимо; (1) неподвижное же движущее – это подлежащее осуществлению благо; (2) то, что и движет и движимо, – способность стремления (ведь стремящееся движется, поскольку оно стремится, и стремление как деятельность есть некоторого рода движение), а то, что движимо, – живое существо» (DA 433b13–18) [Аристотель, 1976, с. 443-444]. Вместе с тем тексты демонстрируют неравнозначность этих двух составляющих. Например, стремление по Аристотелю, – это конечная или предельная причина (τὰ ἔσχατα αἰτίαι) (MA 701a35), а предмет, который мы желаем, – начало движения (ἀρχή) (MA 701b33). Исходя из этой терминологической особенности, кажется, что предмет стремления все же скорее подходит на роль первопричины пространственного движения. Добавим к этому, что *всякое* (πᾶσα) стремление, по Аристотелю, имеет цель (DA 433a15), в связи с чем мы снова можем предположить, что его роль вторична по отношению к предмету, на который оно направлено. Наконец, остается открытым вопрос о роли пневмы, о которой Аристотель упоминает уже в самом конце трактата. Представляется, что пневма является материальным воплощением стремления¹¹. Для разъяснения этих вопросов обратимся к исследованиям.

Исследования теории действия Аристотеля

Как отмечают современные комментаторы, Аристотель не дает систематического ответа на вопрос о том, что такое действие, но «он говорит достаточно, чтобы предоставить ресурсы для построения ответов от его имени» [Reese, 2019, р. 213]. Обзор состояния исследований по нашей теме предполагает не только поиски современных интерпретаций, но и размещение теории Аристотеля на поле борьбы каузалистов и антикаузалистов. В этой связи показательной является работа У. Куп [Coore, 2007], в которой она показывает, что теория действия Аристотеля не соответствует в полной мере ни взглядам, отстаиваемым последователями позднего Витгенштейна, ни позиции сторонников стандартного каузализма. В частности, как и каузалисты, Аристотель полагает, что действия вызываются желаниями и верованиями агента, но он вряд ли бы согласился, что действие по перемещению тела тождественно движению тела, поскольку, как полагает У. Куп, действие у Аристотеля является причиной состояния, а не причиной изменения (см. пример с подниманием руки: «my action is a causing of my arm's being up (not of my arm's going up)») [Ibid, р. 112]. Со сторонниками антикаузального подхода (с Дж. Хорнсби, например) Аристотель не согласился бы в том, что действие поднятия руки и изменения, в ходе которых поднимается рука, не тождественны. Уже этот пример говорит о том, что мнение о приверженности Аристотеля стандартной каузальной теории действия сомнительно.

В начале статьи мы упомянули, что Дэвидсон считал основания для действий причинами действий. На языке Аристотеля это значит, что стремление к желаемому предмету выступает причиной действия. Выше мы могли убедиться в значительной роли этой теоретической модели для философии действия Аристотеля. Иначе говоря, преимущественно действующая и целевая причины привлекаются им для объяснения

¹¹ «В соответствии с определением причины движения, стремление (ὄρεξις) есть середина, движущее и само движимое. В одушевленных телах должна найтись телесная сущность (σῶμα), соответствующая этому описанию» (MA 703a4–6) [Аристотель, 2016, с. 750].

действия. Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что в объяснении участвуют все четыре причины. Именно на этой точке зрения настаивает Б. С. Рис [Reese, 2019]. Аристотель считает, что «самодвижение животных в целом и человеческое действие в частности следует объяснять в терминах его четырех причин: тела агентов являются материальными причинами, лежащими в основе субстратами их самодвижений. Их активные психологические установки являются формальными причинами, придающими действиям условия их идентичности и обеспечивающими парадигмы для того, чтобы они стали действиями, которыми они являются. Сами агенты, квалифицируемые как самодвижущиеся в деятельности, являются действующими причинами, вызывающими действия. Цели агентов – это конечные причины, те вещи, ради которых совершаются действия» [Ibid, p. 214]. Развенчание мифа о стандартном каузальном подходе Аристотеля здесь осуществляется более радикально, чем в статье У. Куп. Важным обстоятельством, как полагает Б. Рис, является аристотелевское понимание действий живых существ как процесса естественных движений (κίνησις). Будучи природным явлением, они должны объясняться через все четыре причины. В этом смысле Аристотель идет вразрез со стандартной теорией действия, поскольку последняя предлагает считать желания агента не только основаниями для действия, но и его причинами, в то время как для Аристотеля желания, будучи производящими причинами, не вызывают сами по себе действия. Желания и решения в данном случае следует рассматривать «как движущие силы в том же смысле, как и искусство строительства: искусство не создает дома, но может быть названо своего рода производящей причиной, потому что оно квалифицирует движения как строительство и тем самым квалифицирует человека как строителя, *per se* производящую причину дома. Точно так же желание не вызывает действия, но может быть названо своего рода производящей причиной, поскольку оно квалифицирует чье-то движение как намеренное самодвижение и тем самым квалифицирует человека как производящую причину действия *per se*» [Ibid, p. 219]. На то, что психологические установки агента играют далеко не решающую роль, указывает также итальянский исследователь Карлос Натали. Согласно его интерпретации, в аристотелевской философии сущностные характеристики действия зависят не от психологических особенностей, а скорее от структурного отношения между действиями и движениями [Natali, 2002]. В подобном ключе развивается мысль М. Нуссбаум, которая в своем эссе начинает реконструкцию теории Аристотеля о самодвижении животных не с интенциональных процессов, а с процессов, которые поддерживают функционирование живого организма (самопитание, в частности), поскольку «все более специализированные способности следует объяснять функционально, как способствующие жизни» [Nussbaum, 1986, p. 77]. Эта методологическая установка влечет за собой в качестве следствия приоритет телеологического объяснения над объяснением через производящую каузальность. Здесь мы снова сталкиваемся с холизмом Аристотеля, но уже не на уровне мироздания, а на уровне отдельного живого организма, который рассматривается как некоторое целое, имеющее свой «логос-состояние» (the *logos-state*). Реализации и сохранению этого целого и служат все способности организма от низших до высших. Поэтому желания и верования являются более слабыми объяснительными конструкциями по сравнению с целями.

Намерение как планирование и теория действия Аристотеля

Два предыдущих раздела показали, что философия действия Аристотеля имеет каузальную направленность. Аристотель склонен считать, что у всех событий имеется причина, при этом некоторые из них могут описываться с помощью всех четырех причин, а некоторые имеют ограниченное описание. Действие живых существ расценивается как специфический вид движения, причины которого находятся в самом субъекте движения. Пара – стремление и предмет, на который оно направлено, образуют каузальную модель, через которую объясняется причина движения. При этом для понимания движения должны привлекаться все четыре причины. Некоторые современные интерпретаторы небезосновательно считают, что главенствующей в объяснении действий живых существ является все же целевая причина. Однако это не отменяет стремление Аристотеля дать всеохватное каузальное объяснение действий. Этот холизм, отмеченный нами выше, приводит к тому, что теория действия Аристотеля формируется на более широком теоретическом поле, нежели стандартный каузальный подход Дэвидсона. Вероятно, это связано с тем, что в современной философии интенциональность действующего субъекта обладает настолько специфицирующим свойством, что не позволяет осмыслить преемственную связь между доинтенциональными и интенциональными движениями агента [См. об этом, например: Anscombe, 2000, p. 28].

Возможно ли обнаружить в современной теории действия концепцию более близкую по духу аристотелевской? Мы полагаем, что да. На эту роль более всего подходит теория Майкла Братмана о людях как планирующих агентах. В своей работе «Намерение, планы и практический разум» [Bratman, 1987] он заявляет, что «наша обыденная концепция намерения неразрывно связана с такими явлениями, как планы и планирование» [Ibid, p. 8]. Братман считает, что мы обладаем способностью строить планы, поскольку у нас есть необходимость удовлетворять две общих потребности (needs): 1) поскольку мы рациональные агенты, у нас есть необходимость в обдумывании своих действий и в рациональном размышлении относительно того, что мы собираемся сделать; 2) для достижения сложных целей мы должны координировать свою настоящую и будущую деятельность [Bratman, 2007, p. 26]. Понимание намерения как долгосрочного планирования идет вразрез с моделью желание-верование Дэвидсона и в то же время более соответствует холизму Аристотеля, для которого субъект действия не ограничивается локальными целями, но имеет целую цепочку целей, восходящих к высшему (конечному) благу. В то же время концепция Братмана не может отвечать полностью тем требованиям, которые Аристотель выдвигает по отношению к адекватной теории действия. В частности сомнительно, что Братман согласился бы на то, что действия агентов встроены в единый миропорядок и каузальность, через которую они объясняются, и не отличаются особым образом от каузальности, которая царит в неживой природе.

Заключение

Мы реконструировали в общих чертах теорию действия Аристотеля и сравнили ее со стандартной теорией действия Д. Дэвидсона. Было показано, что между ними имеются существенные различия. Так, Аристотель придает большее внимание цели действия (предмету стремления), в то время как Дэвидсон – психологическим установкам агента (желаниям и верованиям). Более серьезные разночтения начинаются, когда мы видим, что Аристотель пытается вписать свою теорию действия в общую картину движения, используя для этого свое учение о четырех причинах. Хотя материальная причина играет не столь важную роль, как целевая, мы все же можем с уверенностью сказать, что Дэвидсону такой подход чужд. В итоге мы задались вопросом, какая современная концепция в философии действия более подходит на роль правопреемницы теории действия Аристотеля, и пришли к выводу, что на эту роль скорее подходит теория намерения как планирования, разработанная М. Братманом.

Список литературы / References

- Аристотель. (2016). О движении животных. Пер. Е. В. Афонасина. *ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 10. № 2. С. 737-753.
- Aristotle. (2016). On the Movement of Animals. Afonasin, E. V. (transl.). *ΣΧΟΛΗ (Schole). Philosophical Antiquity and Classical Tradition*. Vol. 14. no. 1. pp. 737-753. (In Russ.)
- Аристотель. (1976). О душе. Пер. П. С. Попова, исправ. и допол. М. И. Иткиным. *Сочинения в 4-х томах*. Т. 1. М. Мысль. С. 371-448.
- Aristotle. (1976). On Soul. Popov, P. S., Itkin, M. I. (transl.). *Works in 4 vols*. Vol. 1. Moscow. pp. 371-448. (In Russ.)
- Аристотель. (1981). Физика. Пер. В. П. Карпова. *Сочинения в 4-х томах*. Т. 3. М. Мысль. С. 58-262.
- Aristotle. (1981). Physics. Karpov, V. P. (transl.). *Works in 4 vol*. Vol. 3. Moscow. pp. 58-262. (In Russ.)
- Anscombe, G. E. M. (2000). *Intention*. Cambridge. Harvard University Press.
- Bratman, M. E. (1987). *Intention, Plans, and Practical Reason*. Cambridge. Harvard University Press.
- Bratman, M. E. (2007). *Structure of Agency*. Oxford University Press.
- Coope, U. (2007). Aristotle on Action. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 81. pp. 109-138.

Davidson, D. (1963). Actions, Reasons, and Causes. *The Journal of Philosophy*. Vol. 60. no. 23. pp. 685-700.

D'Oro, G., Sandis, C. (2013). From Anti-Causalism to Causalism and Back: A Century of the Reasons/Causes Debate. In D'Oro, G., Sandis, C. (eds). *Reasons and Causes. Causalism and Anti-Causalism in the Philosophy of Action*. N.Y. Palgrave Macmillan. pp. 1-47.

Marmodoro, A. (2013). Causation Without Glue: Aristotle on Causal Powers. In Natali, C., Viano, C., Zingano, M. (eds.). *Aitia. Les Quatre Causes d'Aristote. Origins et interprétations*. Louvain. Peeters. pp. 221-246.

Mele, A. (2009). Causation, Action, and Free Will. In Beebe, H., Hitchcock, C., Menzies, N. (eds.). *The Oxford Handbook of Causation*. Oxford. New York. Oxford University Press.

Natali, C. (2002). Actions et mouvements chez Aristote. *Philosophie*. no. 73. pp. 12-35.

Nussbaum, M. C. (1986). *Aristotle's De Motu Animalium*. Princeton. Princeton university press.

Reece, B. C. (2019). Aristotle's Four Causes of Action. *Australasian Journal of Philosophy*. Vol. 97. Iss. no. 2. pp. 213-227.

Сведения об авторе / Information about the author

Санжеников Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

Статья поступила в редакцию: 10.05.2022

После доработки: 10.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

The paper was submitted: 10.05.2022

Received after reworking: 10.06.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.44

МОНГОЛЬСКИЕ МИГРАНТЫ В США: ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

А. В. Винокурова

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
vinokurova77@mail.ru

И. Г. Актамов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
aktamov13@gmail.com

Оролмаа Мунхбат, Санжаа Мунгунчимэг

Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор, Монголия)
munkhbat@num.edu.mn; mungunchimeg0319@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены основные социально-демографические характеристики монгольских мигрантов, проживающих в США. Представлены основные показатели, определяющие динамику их численности: средний возраст, уровень образования, уровни доходов и бедности. В качестве основного исследовательского инструментария использованы данные международной и национальной статистики Организации Объединенных Наций, Международной организации по миграции, американского исследовательского центра Pew Research Center, Национального статистического комитета Монголии и пр. В целом, Соединенные Штаты Америки являются одной из самых популярных среди монгольских мигрантов страной назначения. Основные миграционные стратегии монголов в США связаны с трудовой и образовательной миграцией.

Ключевые слова: мигранты и миграции, демографические процессы, социально-экономическое развитие, социальное благополучие, Монголия, США.

Для цитирования: Винокурова, А. В., Актамов, И. Г., Оролмаа М., Санжаа М. (2022). Монгольские мигранты в США: основные социально-демографические характеристики. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 70-79. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.70-79

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР».

MONGOLIAN MIGRANTS IN THE USA: BASIC SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS*

A. V. Vinokurova

Far Eastern Federal University (Vladivostok)
vinokurova77@mail.ru

I. G. Aktamov

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude)
aktamov13@gmail.com

Orolmaa Munkhbat, Sanjaa Mungunchimeg

National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)
munkhbat@num.edu.mn; mungunchimeg0319@gmail.com

Abstract. The article considers the main socio-demographic characteristics of Mongolian migrants living in the United States. The main indicators that determine the dynamics of their numbers in general, average age, education level, income level, poverty level are presented. The data of international and national statistics of the United Nations, the International Organization for Migration, the American Pew Research Center, the National Statistical Committee of Mongolia, etc. were used as the main research tools. In general, the United States is one of the most popular destination countries among Mongolian migrants. The main migration strategies of the Mongols in the U. S. are related to labor and educational migration.

Keywords: migrants and migrations, demographic processes, socio-economic development, social well-being, Mongolia, USA.

For citation: Vinokurova, A. V., Aktamov, I. G., Orolmaa M., Sanjaa M. (2022). Mongolian Migrants in the USA: Basic Socio-demographic Characteristics. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 70-79. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.70-79

В настоящее время наблюдается расширение масштабов международной миграции. Так, если в 2019 г. общая численность международных мигрантов составила 271 642 105 чел. (3,5 % от населения мира), то в 2020 г. этот показатель находился на уровне 280 598 105 чел. (3,6 % от населения мира) [см. подробнее: Доклад о миграции в мире, 2020]. Даже в столь краткосрочном периоде заметно существенное увеличение числа международных мигрантов. И это несмотря на ситуацию, связанную с распространением COVID-19, повлекшую за собой беспрецедентные меры, направленные на стабилизацию эпидемиологической обстановки (сокращение транспортного сообщения, закрытие границ, ограничения на выдачу виз и т. п.). Тем не менее, по оценкам экспертов, пандемия COVID-19 могла снизить число международных мигрантов примерно на 2 млн чел. Другими словами, если бы не было COVID-19, число международных мигрантов в 2020 г., вероятно, составило бы около 283 млн чел. [см. подробнее: World Migration Report, 2022].

---

* The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44003 «Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region».

Подавляющее большинство людей мигрирует за рубеж по причинам, связанным с работой, семьей и учебой, поэтому можно предположить, что миграционные процессы в основном не спровоцированы возникновением фундаментальных вызовов, с которыми могли бы столкнуться сами мигранты или принимающие их страны. В ТОП-10 стран назначения для международных мигрантов входят: 1) США; 2) Германия; 3) Саудовская Аравия; 4) Российская Федерация; 5) Великобритания; 6) Объединенные Арабские Эмираты; 7) Франция; 8) Канада; 9) Австралия; 10) Италия (см. рис. 1).

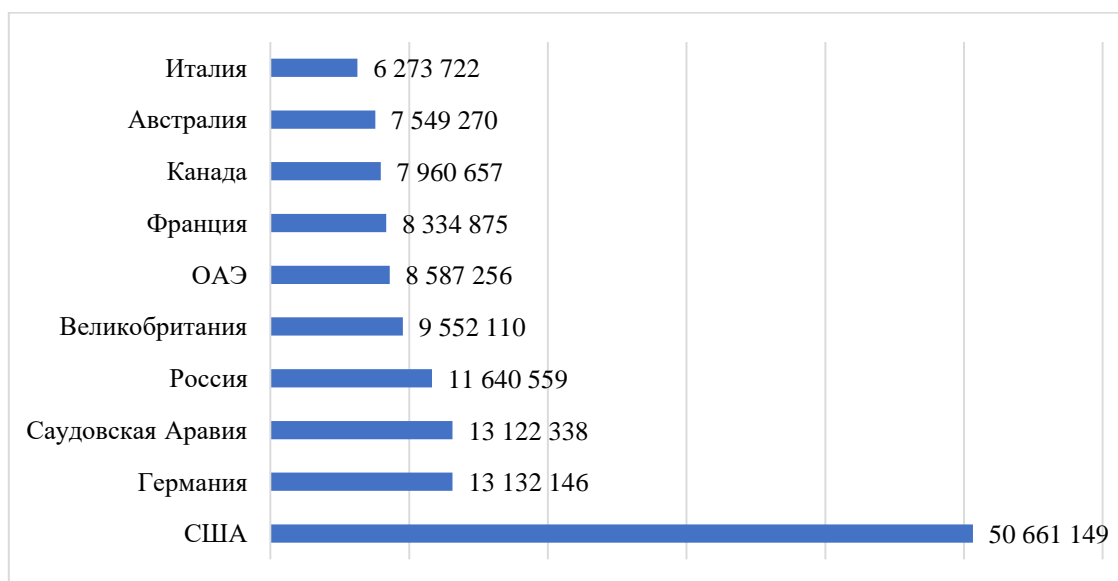

Рис. 1. ТОП-10 стран мира по численности международных мигрантов в 2019 г. (чел.)¹

Таким образом, именно в этих государствах сосредоточено наибольшее число международных мигрантов. При этом заметен стабильный рост их числа в США. Так, в 1990 г. в Соединенных Штатах их насчитывалось 23 251 026 чел., в 1995 г. – 28 451 053 чел., в 2000 г. – 34 814 053 чел.; в 2005 г. – 39 258 293 чел., в 2010 г. – 44 183 643 чел., в 2015 – 48 178 877 чел., в 2019 г. – 50 661 149 чел. [см. подробнее: International migrant stock, 2019]. Получается, что за последние тридцать лет численность международных мигрантов в США увеличилась более чем в два раза.

Далее отметим, что одной из самых быстрорастущих групп в США являются мигранты азиатского происхождения (см. рис. 2).

Как видим, мигранты – выходцы из Китая составляют самую крупную группу азиатского происхождения, которая в 2019 г. имела численность около 5,4 млн чел. Следующие две крупнейшие группы – это мигранты из Индии (4,6 млн чел.) и Филиппин (4,2 млн чел.). Численность мигрантов – выходцев из Вьетнама, Республики Корея, Японии составляет 2,2, 1,9 и 1,5 млн чел. соответственно.

¹ Составлено авторами на основе: [World Migration Report, 2022; International migrant stock, 2019].

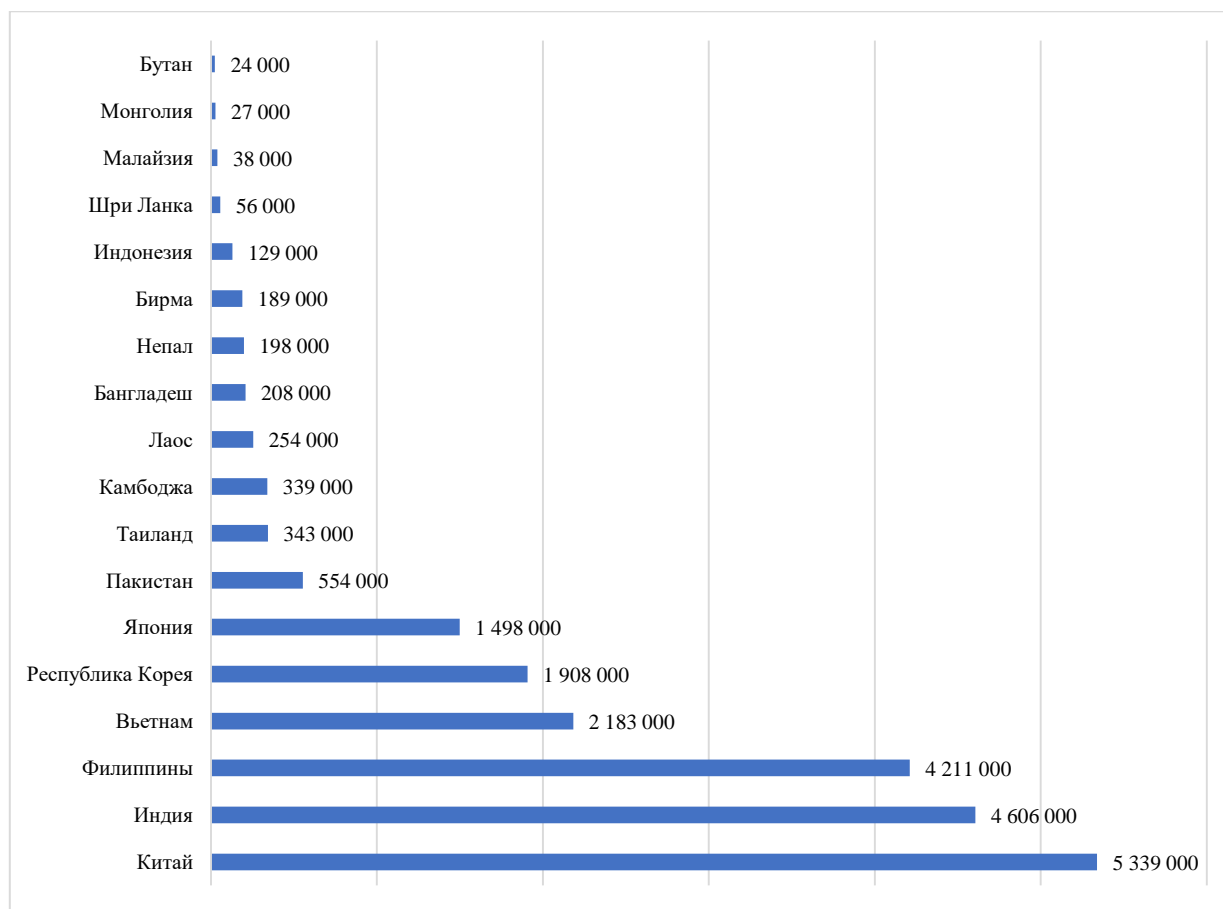

Рис. 2. Численность мигрантов из государств Азии в США в 2019 г. (чел.)²

Монгольские мигранты в США не обладают столь высокой численностью, как мигранты из других азиатских стран, обозначенных выше. Но это одна из самых быстрорастущих групп мигрантов. Если в 2000 г. в США насчитывалось 6 000 приехавших из Монголии, то в 2010 г. – 18 000, а в 2019 г. – уже 27 000. Следовательно, динамика прироста за период 2000–2019 гг. составила 358 % [см. подробнее: Budiman, Ruiz, 2021].

К тому же в Соединенных Штатах Америки сконцентрировано значительное количество монгольских мигрантов от общего числа всех выходцев из Монголии, проживающих за рубежом. Среднегодовая численность международных мигрантов из Монголии в 2019 г. составила 82 098 чел., соответственно, в США сосредоточено около трети всех монгольских мигрантов. Это второе по популярности направление для международной миграции из Монголии после Южной Кореи. Как мы отмечали ранее, по оценкам экспертов, в Республике Корея находится около 45 000 монгольских мигрантов [см. подробнее: Актамов, Григорьева, 2021; Винокурова, Мунхбат, Оюунханд, 2021]. Таким образом, подавляющее большинство международных монгольских мигрантов (более 87 %) сосредоточено в двух государствах – Республике Корея и США.

² Составлено авторами на основе: [Budiman, Ruiz, 2021].

Мигранты из Монголии, проживающие в Соединенных Штатах Америки, имеют определенные различия по доходам, уровню образования, возрасту и другим социально-демографическим характеристикам. Так, основная масса монгольских мигрантов сосредоточена в следующих городах США (см. рис. 3).

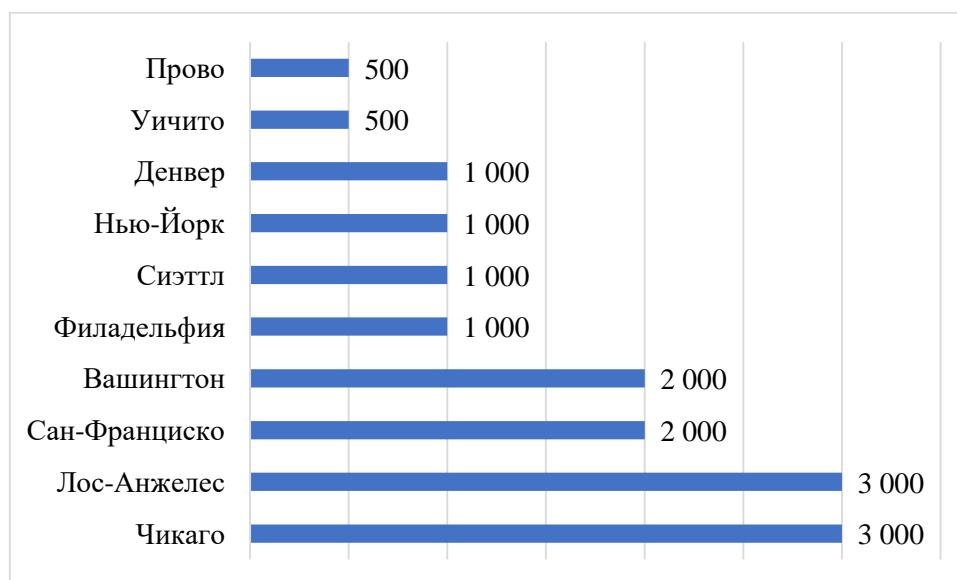

Рис. 3. ТОП-10 городов США с наибольшей численностью монгольских мигрантов в 2019 г. (чел.)³

Большинство монгольских мигрантов проживают в нуклеарных семьях (такие семьи состоят из супружеской пары и детей или только из супружеской пары). Для них практически не свойственны многопоколенные домохозяйства, включающие более одного взрослого поколения (см. рис. 4)

Как видим, более половины бутанцев и более двух третей камбоджийцев и лаосцев живут в домохозяйствах, состоящих из нескольких поколений. В то время, как аналогичный тип домохозяйств представляют лишь 13 % монголов. Таким образом, монгольские мигранты демонстрируют наиболее высокий уровень эмансипации по сравнению с другими группами азиатских мигрантов.

Средний возраст монгольских мигрантов в США составляет 31 год, что несколько ниже по сравнению со средним возрастом мигрантов – выходцев из стран Восточной и Юго-Восточной Азии (в 2019 г. этот показатель составлял 34 года). В некоторой степени это является отражением основных стратегий миграции, характерных для монголов. В основном, монголы мигрируют в Соединенные Штаты по рабочим и учебным визам.

³ Составлено авторами на основе: [Mongolians in the U. S. Fact Sheet, 2021].

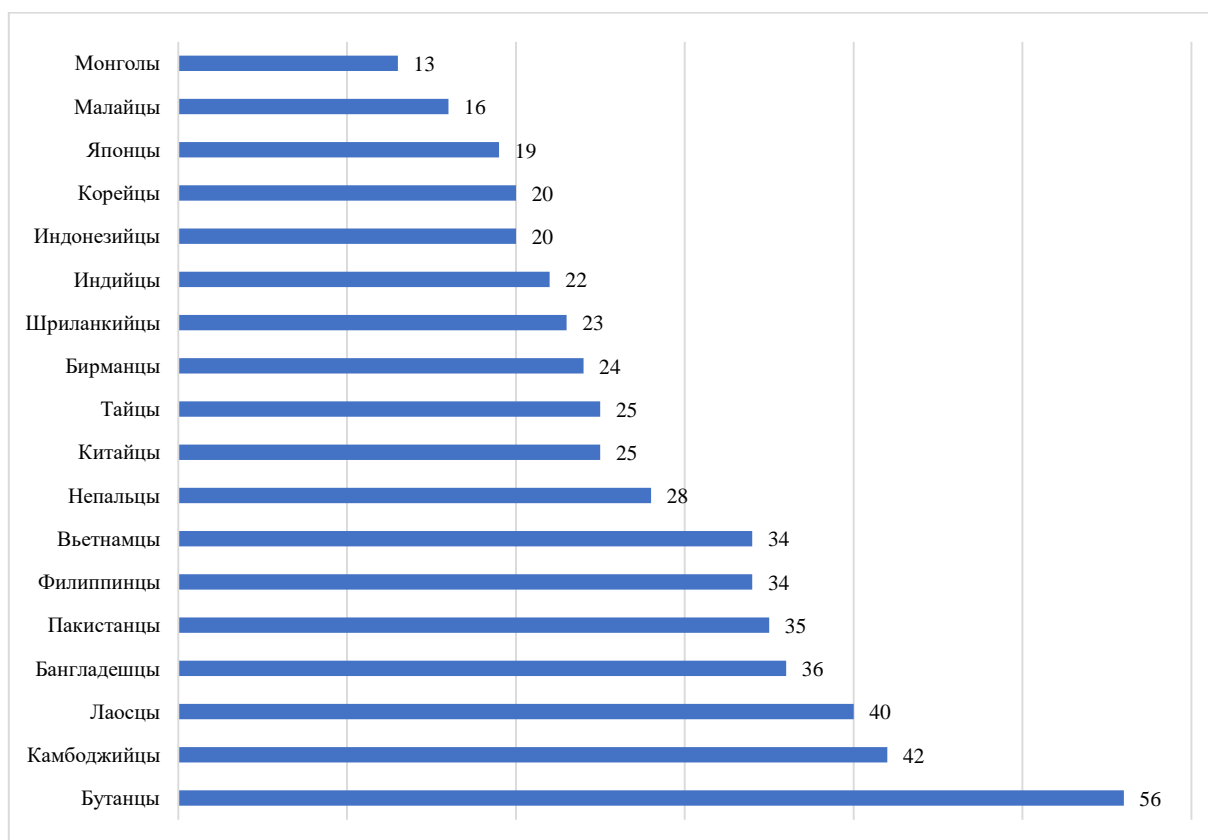

Рис. 4. Доля многопоколенных домохозяйств среди мигрантов в США – выходцев из стран Азии (в %)⁴

По последним имеющимся у нас данным, среди всех монгольских мигрантов в США в возрасте 16 лет и старше, 62 % – трудоустроены, 4 % – не трудоустроены, 34 % - не включаются в состав рабочей силы (в большинстве случаев данная категория представлена студенческой молодежью). В 2019 г. примерно две трети монгольских мигрантов (около 63 %) в возрасте старше 25 лет имели степень бакалавра или более высокий уровень образования. Для сравнения, около 48 % мигрантов из Филиппин, 44% мигрантов из Непала и всего лишь 18 % мигрантов из Лаоса и 15 % мигрантов из Бутана, которые проживают в США, имеют образование на уровне бакалавра [см. подробнее: Mongolians in the U. S. Fact Sheet, 2021]. Таким образом, по сравнению со многими другими группами азиатских мигрантов, уровень образования монголов существенно выше.

Примечательным фактом является то, что несмотря на относительно высокий уровень образования, монгольские мигранты, проживающие в США, не являются группой с высоким уровнем доходов. У монголов самый высокий уровень бедности среди всех групп мигрантов азиатского происхождения в США – 25 %, что более чем в два раза превышает средний показатель по стране и примерно в четыре раза выше уровня бедности среди индийцев (6 %) и филиппинцев (7 %); в три раза выше уровня бедности японцев (8 %); приблизительно в два раза выше уровня бедности корейцев (11 %), вьетнамцев (12 %), китайцев (13 %); в полтора раза выше уровня бедности выходцев из Пакистана (15 %), Непала (17 %) и Бангладеш (19 %) [см. подробнее: Mongolians in the U. S. Fact Sheet, 2021].

⁴ Составлено авторами на основе: [Mongolians in the U. S. Fact Sheet, 2021].

В данном контексте уместно привести мнение публициста-эмигранта Г. Галбадраха, автора более 800 публикаций о монгольских мигрантах, живущих в США: «Монголы-мигранты живут в Соединенных Штатах по-разному. Некоторые живут так плохо, что невольно думаешь: “Зачем они сюда приехали?”. Другие нашли работу и живут в достатке. Всех монголов объединяет одно – высокий уровень адаптации к различным жизненным ситуациям и уверенность в себе. Я на 100 % уверен, что эти молодые люди, владеющие английским, хорошо образованные и разбирающиеся в мышлении американцев, через несколько лет станут обладателями высокого социального статуса, уже сейчас они успешно входят в искусство, спорт и бизнес США» [приводится по: Галиймаа, 2016].

В то же время, если сравнить в целом доходы монгольских мигрантов в США с доходами монголов, проживающих в своей родной стране, то первые являются более обеспеченной группой, чем вторые. Сопоставим их среднедушевые доходы. В Соединенных Штатах в 2019 г. ежегодный доход на душу населения для мигрантов – выходцев из Монголии составлял в среднем 33 000 долларов. А в Монголии данный показатель в этот же период равнялся 16 121 136 тугриков, что эквивалентно 5 959 долл. США [приводится и рассчитано авторами по: Mongolians in the U. S. Fact Sheet, 2021; Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл (Монгольский статистический ежегодник), 2019]. Но различия в уровне бедности в самой Монголии и среди монгольских мигрантов в США не столь существенны – 28,4 % против 25 % соответственно [см. подробнее: Монголия. Доля бедных по национальному порогу бедности, 2018; Mongolians in the U. S. Fact Sheet, 2021].

В целом, можно заключить, что США являются второй (после Южной Кореи) по популярности страной назначения для монгольских мигрантов. Основные миграционные стратегии монголов в Соединенных Штатах связаны с трудовой и образовательной миграцией. Более успешной является реализация образовательной миграционной стратегии. Трудовые стратегии монгольских мигрантов в США, как показывают приведенные нами данные, в плане достижения высокого уровня материального благополучия не столь эффективны.

В перспективе мы планируем продолжить исследование жизненных стратегий монгольских мигрантов с опорой не только на статистический, но и качественный социологический инструментарий. Результаты социологических исследований позволят более подробно представить направленность жизненных стратегий различных социально-демографических групп мигрантов – выходцев из Монголии.

Список литературы / References

Актамов, И. Г., Григорьева, Ю. Г. (2021). Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период: вынужденная мобильность и социальное событие. *Научный диалог*. № 7. С. 359-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380 EDN: PHGZFU

Aktamov, I. G., Grigoreva, Yu. G. (2021). Mongolian Labor Migration to Republic of Korea in Recent Historical Period: Forced Mobility and Social Event. *Nauchnyi dialog*. no. 7. pp. 359-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380 EDN: PHGZFU (In Russ.)

Винокурова, А. В., Мунхбат Оролмаа, Оюунханд Шагдар. (2021). Демографическое поведение и миграционные настроения населения современной Монголии: основные тренды и динамика развития. *Социальные и экономические системы*. № 3 (21). С. 190-202. EDN: YWVNLC

Vinokurova, A. V., Munkhbat Orolmaa, Oyunkhand Shagdar. (2021). Demographic Behaviour and Migratory Sentiments Among the Population in Modern Mongolia: Main Trends and Dynamics of Development. *Social and Economic Systems*. no. 3. pp. 190-202. EDN: YWVNLC (In Russ.)

Галиймаа, Н. (2016). Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются. *Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры*. Отв. ред. С. А. Панарин. С. 19-34.

Galiimaa, N. (2016). Migration of the Mongols Abroad: : Why Do They Leave and Why Do They Come Back. In Panarin, S. A. (ed.). *East in the East, in Russia and in the West: Cross-Border Migrations and Diasporas*. pp. 19-34. (In Russ.)

Доклад о миграции в мире. (2020). *Международная организация по миграции*. [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 13.06.2022).

World Migration Report. (2020). *International Organization for Migration* [Online]. Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (Accessed: 13 June 2022). (In Russ.)

Монголия. Доля бедных по национальному порогу бедных. (2018). *Мировой атлас данных*. [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.com/atlas/Mongolia/Poverty-rate-at-national-poverty-line> (дата обращения: 14.06.2022).

Mongolia. Poverty Headcount Ratio Poverty Headcount Ratio at National Poverty Line. (2018). *World Data Atlas*. [Online]. Available at: <https://knoema.com/atlas/Mongolia/Poverty-rate-at-national-poverty-line> (Accessed: 14 June 2022). (In Russ.)

Budiman, A., Ruiz, N. G. (2021). *Key Facts About Asian Origin Groups in the U. S.* [Online]. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-origin-groups-in-the-u-s/> (Accessed: 31 May 2022).

International migrant stock. (2019). [Online]. Available at: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (Accessed: 10 June 2022).

Mongolians in the U. S. Fact Sheet. (2021). [Online]. Available at: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-mongolians-in-the-u-s/?menuItem=52f29315-594c-4ab4-aadc-1dc2002d07e8> (Accessed: 15 June 2022).

World Migration Report. (2022). [Online]. Available at: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (Accessed: 15 June 2022).

Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл (Монгольский статистический ежегодник). (2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Yearbook-2019.pdf&ln=Mn> (дата обращения: 15.06.2022).

Mongolian Statistical Yearbook. (2019). [Online]. Available at: <https://www.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Yearbook-2019.pdf&ln=Mn> (Accessed: 15 June 2022). (In Mong.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Актамов Иннокентий Галималаевич – кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: aktamov13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8646-1048>

Мунхбат Оролмаа – доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных исследований Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: munkhbat@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-7869-9144>

Мунгунчимэг Санжаа – докторант кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: mungunchimeg0319@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3169-7555>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2022

После доработки: 28.05.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Vinokurova Anna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Aktamov Innokentii – Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Center for Oriental Languages Translation, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Sah'janovoj St. 6, e-mail: aktamov13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8646-1048>

Munkhbat Orolmaa – Doctor of Sociological Sciences, Tenured Professor, Director of Social Research Institute, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: munkhbat@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-7869-9144>

Mungunchimeg Sanjaa – PhD Student of the Department of Sociology and Social Work, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: mungunchimeg0319@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3169-7555>

The paper was submitted: 15.05.2022

Received after reworking: 28.05.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

УДК 316.74; 316.334

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТОМ?

С. А. Мадюкова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sveiv7@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы подходы к исследованию социальных институтов в широком и узком их понимании, с фокусом на социологической интерпретации институтов и институционализации. Определены значимые функции социального института и условия его формирования в ответ на социальный запрос. Зафиксировано понимание культуры как родового понятия для этнической культуры и дано обоснование институциональной интерпретации культуры. Автор приходит к выводу, что этнокультуру можно рассматривать как социальный институт в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле этнокультура как институт раскрывается в совокупности норм, правил, традиций и ритуалов, регламентирующих жизнь и поведение людей. Понимание этнокультуры как института в узком смысле особенно актуально на современном этапе развития. Оно включает институционализацию в конкретных политических (министерства культуры), социальных (общественные организации), культурных (театры, библиотеки), образовательных (школы, колледжи, ВУЗы) структурах, осуществляющих функцию культурной трансмиссии, которая ранее реализовывалась преимущественно институтом семьи, а в настоящее время диверсифицирована в различные организации. Институциональное понимание этнокультуры позволяет вскрыть культурные дилеммы, отследить структурные и функциональные трансформации этнических культур и специфики их взаимодействия с другими социальными институтами современности.

Ключевые слова: социальный институт, культура, этнокультура, традиция, культурная трансмиссия, семья, акторы.

Для цитирования: Мадюкова, С. А. (2022). Является ли этническая культура социальным институтом? *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 80-92. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.80-92

IS ETHNIC CULTURE A SOCIAL INSTITUTION?

S. A. Madyukova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sveiv7@mail.ru

Abstract. The article analyzes approaches to the study of social institutions in their broad and narrow sense, with a focus on the sociological interpretation of institutions and institutionalization. The significant functions of a social institution and the conditions for its formation in response to a social request are determined. The understanding of culture as a generic concept for ethnic culture is fixed and the rationale for the institutional interpretation of culture is given. The author comes to the conclusion that ethnoculture can be regarded as a social institution both in a broad sense (as a set of norms, rules, traditions and rituals that regulate the life and behavior of people), and, at a modern stage of development, in a narrow sense (ethnoculture is institutionalized in specific political (ministries of culture), social (public organizations), cultural (theaters, libraries), educational (schools, colleges, universities) structures that perform the function of cultural transmission, which was previously carried out mainly in the institution of the family, and is now diversified into various organizations). The institutional understanding of ethnic culture allows us to reveal cultural dilemmas, track the structural and functional transformations of ethnic cultures and the specifics of their interaction with other social institutions of our time.

Key words: social institution, culture, ethnic culture, tradition, cultural transmission, family, actors.

For citation: Madyukova, S. A. (2022). Is Ethnic Culture a Social Institution? *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 2. pp. 80-92. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.80-92

Анализ структуры, признаков, функций и механизмов существования социальных институтов в современном обществе является непреходяще актуальной темой. Это обусловило формулировку исследовательской темы Отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН на 2022 г. «Социокультурная трансформация современного российского общества в евразийском контексте: институциональный уровень». В данной статье мы рассмотрим основные характеристики, определяющие в каком случае то или иное социальное явление может считаться именно социальным институтом, дадим определение понятию культура с вычленением специфических характеристик этнокультуры, а также проанализируем возможность исследования этнокультуры как социального института.

Анализ научной литературы позволил зафиксировать четыре группы исследований, рассматривающих в связке культуру и социальные институты. В рамках первой группы не подвергается сомнению, что культура является одним из социальных институтов и акцент делается именно на выявлении специфики функций такого института [см., напр.: Коркия, 2018; Толмачева, 2015; Епанчинцева, 2019; Иванов, 2021]. Исследователи в рамках второй группы работ используют устойчивый оборот «социальные институты культуры» или, как вариант, «культурные институты», в первую очередь рассматривая различные крупные организации и структуры (министерства, музеи, библиотеки и др.), как «организации, которые выполняют функции создания, хранения или трансляции культурно значимой продукции» [Балакшин, 2006, с. 74; см. также: Вакулич, 2010; Петров, 2018]. К третьей группе исследований мы отнесли точечный анализ конкретных составных частей тех крупных социальных структур, о которых речь шла в работах второй группы. Например, исследования детского театра, сельского ДК и др. как социального института культуры [см.: Арсентьева, 2020; Трофимова, 2021; Егорова, 2019; Петрунина, 1991]. Наконец, в рамках четвертой группы исследовательский фокус обращен на взаимодействия и взаимосвязи культуры и других социальных институтов и/или сфер социальной жизни, таких как образование, семья, реклама, кластеры и др. [см., напр.: Сапотько, 2015; Старыгина, 2014].

Таким образом, мы можем констатировать, что сам вопрос, является ли культура социальным институтом, достаточно дискуссионен и активно исследуется культурологами, социологами и социальными философами. Не ставя задачу охарактеризовать все подходы к анализу социального института (это задача для самостоятельного исследования), рассмотрим само понятие социальный институт, сделав акцент на некоторых, существенно значимых для данного исследования, работах.

Термин «институт» происходит от латинского *institutum* (установление, учреждение) и означает совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений, ту или иную форму общественного устройства [Борисов, 2003, с. 437]. Один из классиков институционализма, Т. Веблен, описывал институты как общепринятые нормы, традиции, приобретающие форму устойчивых привычек мышления, присущих большой общности людей. Это сформировавшиеся социальные привычки, которые определяют поведение индивидов в политической сфере, семье и др. Изначально такие институты фиксировались

в традициях, позже – в писаном праве [Веблен, 1984, с. 75]. При этом справедливо высказывание С. В. Евсеенко и Е. Ю. Щукина о том, что «институты формируют связи между людьми, стирают различия в индивидуальном поведении и делают поведение индивида понятным и предсказуемым для других» [Евсеенко, Щукин, 2014, с. 120]. Социологический подход к институтам зафиксирован в работе Т. Парсонса, который определяет институт как «набор правил, которые заданы социально, и не являются предметом какого-либо соглашения между участниками договора» [Парсонс, 2002, с. 231].

Неоинституционалисты рассматривают институты как «набор структурирующих человеческие взаимоотношения правил и ограничений, создаваемый самими людьми в процессе социальных коммуникаций или навязываемый социальными агентами, обладающими социальным капиталом, в том числе символическим» [Лубский, 2014, с. 133]. Основная функция институтов, с их точки зрения, состоит в организации отношений между людьми, структурировании жизни посредством снижения неопределенности. Важно также отметить значимую роль субъектов, поддерживающих или меняющих социальные институты, а также значение социальной памяти в становлении, трансформации, актуализации тех или иных социальных институтов и их форм в разные временные периоды. К данному тезису в контексте темы современного состояния этнокультур мы вернемся ниже.

В более поздних работах институционалистов, в частности, в работе Д. Норта, институты представляют собой «структуру, которую люди накладывают на свои взаимоотношения, очерчивающие границы выбора, а они, в свою очередь, задают рамки функционирования экономики и общества в течение того или иного периода времени» [Норт, 1997, с. 14]. Согласно его формулировке, «институты – это “правила игры” в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах – политике, социальной сфере и экономике» [Там же]. Значимой для нашего исследования является характеристика социального института, представленная Дж. Коммонсом, определяющим институт как «коллективную деятельность, призванную контролировать индивидуальную деятельность» [Commons, 1990, р. 69]. Таким образом, институциональные структуры и конкретные акторы культуры оказываются вовлеченными в круг взаимодействия и взаимозависимости [Евсеенко, Щукин, 2014, с. 121].

Если говорить об отечественных исследованиях социальных институтов, то отметим, что до 1950-х гг. институты изучались преимущественно в правоведении, в 1960-е гг. социальные институты начинают активно исследовать социологи, понимая их как устойчивые типы и формы социальной практики. С 1990-х гг. в отечественной социогуманитарной науке понятие института начинает трактоваться шире: к институтам относят «социальные условия, обычаи, рутины, язык, этику, религию, семью, деньги, собственность, общественный строй, конституции; организации предпринимателей, ассоциации, профессиональные союзы, университеты, политические партии, правительство, административный аппарат, государство, международные организации; внутренний распорядок организации, правовые нормы, контракты и договоры» [Шаванс, 2003, с. 8-9].

Таким образом, мы можем сказать, что в отечественной социогуманитарной науке нет строгого определения социального института и однозначно интерпретируемого списка социальных институтов без возможности его пополнения. На современном этапе развития социогуманитарного знания под социальным институтом можно понимать систему, характеризующуюся «устойчивостью структуры, интегрированностью элементов и определенной изменчивостью их функций» [Сапотько, 2015, с. 68].

Следовательно, в зависимости от задач конкретного исследования те или иные социальные структуры и явления могут быть рассмотрены как социальные институты. При этом нужно понимать, что институционализация – это процесс, и социальные институты могут возникать в ходе исторического развития как ответ на общественный запрос о самосохранении, самовыражении и т. д. Так, например, понимание этнокультуры именно как социального института может возникнуть в ответ на социальную потребность в акцентировании собственной уникальности через сохранение и трансляцию этнической культуры, и в целях удовлетворения данной потребности организуется деятельность людей в рамках этого института.

Прежде чем перейти к анализу, собственно, этнокультуры как социального института, остановимся на родовом понятии «культура». Культура в широком смысле является сложным и многомерным явлением, охватывающим любую человеческую деятельность и ее результаты, т. е. включающим все, что не имеет природного происхождения. В культуру в широком смысле включены как материальные продукты, так и системы ценностей, образцы поведения, а также типы самого процесса деятельности. Справедливо мнение, что «культура выполняет функцию целеполагания, вырабатывая идеалы, ранжируя ценности, производя отбор целей жизнедеятельности человека, при этом трансмиссионные культурные механизмы играют в этом процессе основную роль» [Лопатина, 2012, с. 49]. Исследуя культуру с точки зрения институционального подхода, исследователи выделяют «широкие области культуры, относящиеся к комплексам индивидуальных и совокупных потребностей, которым они удовлетворяют. Это – экономика и все связанные с нею формы деятельности; институты, регулирующие совместную жизнь, такие как право, государство, обычаи; знание и наука, идеология, искусство со всеми его отраслями; религия» [Федотова, 2012, с. 19].

В отечественных исследованиях закрепилось выделение определенного набора функций культуры. К ним относят следующие: адаптационная, коммуникативная, интегративная, познавательная (гносеологическая), аксиологическая, эстетическая, гуманистическая, а также функции социализации и трансляции. Для данного исследования существенно значима адаптационная функция культуры, включающая как момент адаптации самого человека к меняющимся условиям, так и возможность видоизменения среды с целью адаптации ее под нужды социума. В рамках этнокультуры эта функция проявляется достаточно ярко. Коммуникативная форма завязана на язык (в том числе этнические языки), как канал коммуникации индивидов внутри конкретного сообщества или сообществ между собой. Интегративная функция культуры находится в связке с понятием идентичность (например, этническая, цивилизационная, конфессиональная и др.), когда именно общность (или близость) культурных ценностей и практик дает чувство социальной причастности к конкретной (этнической) культуре или, например, ощущение культурной близости народов (тюркских, славянских и т. п.). В рамках функций социализации, трансляции и познавательной функции происходит внутри- и межпоколенный обмен культурными знаниями, которые помогают сохранению культуры, ее устойчивых форм, а также тех социальных структур и человека в них, благодаря которым культура воспроизводится. Наконец, аксиологическая и эстетическая функции культуры формируют ценностное и творческое, соответственно, начала человека, его мнение о прекрасном и/или важном оказывается культурно-детерминированным [подробнее

о функциях культуры см., напр.: Иванов, 2021, с. 36; Сапотько, 2015, с. 68] В данном контексте справедливым представляется мнение о том, что если трансформируются культурные ценности, что подчас характерно для современного общества, то меняются интересы и потребности отдельного человека. Уместно будет вспомнить неразрывную триаду П. Сорокина, включающую личность, культуру и общество. Соответственно, культура всегда детерминирована социальными процессами и действиями личностей (акторов), а также непрестанно оказывает влияние на эти процессы и деятельность. Значимым основанием для институализации культуры является современный этап социокультурного развития, содержательно отличающийся от традиционного общества, в рамках которого культурная трансмиссия (процесс передачи культуры от поколения к поколению) осуществлялась преимущественно в социальном институте семьи. В современном же обществе, в условиях глобализации, цифровизации и информационной революции, культурная трансмиссия диверсифицирована. Стоит согласиться с мнением Н. В. Лопатиной, что «социальные практики последних двух столетий, окрашенные технологизацией, отдают предпочтение формальным институтам культурного регулирования, чья сущность заключается в удовлетворении социальных потребностей в сфере культуры, в том числе продвижения культурных норм: образованию, библиотекам, государственной власти и т. д.» [Лопатина, 2012, с. 48].

Институциональное понимание культуры восходит к работам Б. Малиновского, отмечавшего в статье «Культура», что ее «реальные составные части, имеющие значительную степень постоянства, универсальность и независимость, – это организованные системы человеческой деятельности, называемые институтами. Каждый институт выстраивается вокруг той или иной фундаментальной потребности, перманентно объединяет группу людей на основе какой-то совместной задачи и имеет свою особую доктрину и особую технику» [Malinowski, 1931, p. 622]. Таким образом, понимание культуры как социального института в широком смысле означает исторически сложившиеся нормы, правила, способы осуществления конкретных культурных функций вне формальной организационной структуры. К ним относят и философские школы, и художественные стили, а также различные ритуалы и т. д. В узком же смысле культура как социальный институт может быть соотнесена непосредственно с учреждениями, реализующими определенные культурные функции. При этом исследователи отмечают, что понятие социального института культуры охватывает не только коллективы людей, занятых культуротворческой деятельностью, но и сам процесс создания культурных ценностей и процедуры исполнения культурных норм [Теория культуры, 2008, с. 316]. Таким образом, в узком смысле «социальный институт культуры – это совокупность социальных структур и общественных учреждений, в рамках которых развивается культура, предназначенные для упорядочения совместной жизни людей в обществе» [Тетерина, Питерова, 2012, с. 78]. Она выступает в качестве организующего и регламентирующего начала в области творческой (в широком смысле) деятельности людей посредством системы образования, науки, религии и др.

А. Ю. Бердникова выделяет ряд условий, при которых формируется социальный институт культуры: «1) наличие в обществе культурных объектов, осознание их необходимости для человека; 2) наличие культурных субъектов – людей, которые вступают в отношения по поводу конкретного культурного объекта; 3) консолидация культурных объектов и субъектов в организацию, располагающую сводом закрепленных

норм и правил; 4) существование специальных норм, правил, регламентов и санкций, которые регулируют деятельность культурных объектов в обществе и поведение культурных субъектов в пределах определенного культурного института» [Бердникова, 2019, с. 192]. Кроме того, она фиксирует ряд функций социального института культуры, относя к ним следующие: «регулирование деятельности культурных субъектов путем использования системы норм и правил, закрепляющих и стандартизирующих культурное взаимодействие в обществе; создание возможностей и необходимых условий для культурной деятельности различного характера; социализация индивидов, интеллектуальный и творческий рост личности, приобщение человека к культурным ценностям; обеспечение культурной интеграции и устойчивости культурного института, то есть взаимодействия, взаимозависимости и взаимной ответственности между членами социальной группы; обеспечение коммуникации, передача информации в рамках общества; сохранение культурно-значимых форм и феноменов культурной деятельности, преемственность в развитии культурных традиций, хранение и передача накопленного опыта [Там же].

В данной работе мы обратимся, в первую очередь, к этнической культуре (этнокультуре), оставив за скобками элитарную культуру (классическая музыка, изящное искусство). С нашей точки зрения специфика этнокультуры взаимообусловлена неразрывной связью с этническим самосознанием, идентичностью, а также она оказывает существенное влияние на консолидацию этноса. Под этнокультурой в научной литературе понимают и комплекс ценностных ориентаций, и конкретных обрядовых (обладающих сакральным содержанием) практик, и бытовые повседневные «этнически маркированные» навыки и компетенции (ведение традиционного хозяйства, владение родным языком на бытовом уровне и т. д.). Прикладное народное творчество, в современном мире реализуемое, в том числе в виде профессионального этнического искусства, также относят к этнокультуре. С нашей точки зрения, этнокультура, как некоторое комплексное образование, включает в себя все эти составляющие социокультурного бытия этноса. Наиболее полно этнокультура определена в модели А. Б. Афанасьевой, представляющей ее в виде кольца, «внутри которого соединены между собой ее составные элементы как пересекающиеся множества. В нижней части кольца – глубинные составляющие: хозяйственно-культурный тип экономики (сельскохозяйственно-оседлый, скотоводческо-кочевой или ремесленно-торговый), предметы традиционного быта, религия, обычаи и обряды, эмпирические воззрения народа (народная медицина, астрономия, экология, философия и др.), народная педагогика, этническая психология и этноэтикет. В верхней части кольца – более подвижные, постепенно изменяющиеся, разрастающиеся в разнообразных формах составляющие этнокультуры – системообразующий элемент – язык – и народная художественная культура во всех ее видах: словесный, музыкальный, хореографический, игровой, драматический фольклор, декоративно-прикладное искусство, народное зодчество» [Афанасьева, 2008, с. 35]. С нашей точки зрения, уже в этой модели, а именно – в нижней части кольца, можно выделить институциональные (в широком смысле) основания этнокультуры в ее ценностно-нормативном аспекте, поскольку, как уже говорилось выше, в ряде исследований институт трактуется как комплекс устойчивых норм, принципов и правил в какой-либо сфере социальной жизни. Важно заметить, что в данном понимании социального института акцентирован исторически сложившийся порядок, нормы осуществления культурных функций, не регулируемых специально при помощи

какого-то учреждения, организации. Кроме того, выше мы уже упоминали о значимой роли субъектов в развитии и трансляции культуры в рамках социального института. Л. В. Анжиганова в своих исследованиях роли акторов в современном состоянии этнических культур отмечает, что под акторами понимается «определенное лицо (либо группа людей), которые воздействуют на этнические процессы в соответствии с выработанной стратегией, таким образом внося изменения в развитие этносов в определенной среде» [Анжиганова, 2019, с. 125]. В роли таких акторов могут выступать представители государственного управления разного уровня, бизнесмены, гуманитарная и техническая интеллигенция, рядовые жители городских и сельских районов. Таким образом, активное, деятельностное, субъектное начало в этнокультурном воспроизводстве также позволяет говорить об институционализации этнической культуры в современности.

Тем не менее, как уже говорилось выше, нередко понятие «институт» связывают непосредственно с «высокоорганизованными и системными социальными образованиями, отличающимися устойчивой структурой» [Толмачева, 2015, с. 58]. И здесь, с нашей точки зрения, именно на современном этапе развития этнических культур корректно будет рассматривать этнокультуру как социальный институт в узком смысле. Поскольку на современном этапе развития этнокультура из приватной (чаще семейной) сферы жизни социума вышла в публичную, социально-структурированную сферу, где функции сохранения, развития, изучения и трансляции этнокультурного наследия формально закреплены за конкретными организациями, к которым относятся, в первую очередь, министерства культуры, а также музеи, библиотеки, театры, и, кроме того, общественные организации, созданные непосредственно с целью акцентирования этнокультурной специфичности того или иного народа, а также сохранения его культуры, языка и т. д. Исследователи выделяют следующие ключевые функции культуры как социального института, которые, с нашей точки зрения, наиболее применимы как раз в области этнической культуры: «охрана, реставрация, накопление и сохранение, защита культурных ценностей; обеспечение доступа для изучения специалистами и для просвещения широких масс к памятникам культурного наследия: артефактам, обладающим исторической и художественной ценностью, книгам, архивным документам, этнографическим и археологическим материалам, а также заповедным территориям» [Там же]. Здесь уместно будет упомянуть, что, по мнению Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева, «динамику культуры в эпоху перемен более удовлетворительно описывает концепция, определяющая культуру как конкретно-исторический вариант существования общества в его качественно определенной специфике» [Попков, Тюгашев, 2018, с. 25]. Следовательно, институционализация этнокультуры есть современный вариант ее развития, сформированный вследствие определенных исторических событий, спровоцировавший культурный разрыв, в результате которого другие социальные институты (в первую очередь, семья) оказались неспособны в полной мере покрывать потребности в воспроизводстве и трансляции этнокультурного багажа. В данном контексте значимой представляется идея фиксации дифференцирующих характеристик отдельной локальной этнической культуры, сформировавшейся с учетом специфики окружающей среды (ландшафта, природно-климатических особенностей) и определяющей содержательную уникальность локального социокультурного пространства.

Ядром этнокультуры является традиция как «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии

аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [Маркарян, 1983, с. 80]. Таким образом, этнокультурная традиция воспроизводится в социально организованных группах. При этом она предполагает определенную пространственно-временную устойчивость, но, с другой стороны, допускает постепенное изменение своего содержания и форм как способ адаптации к меняющимся условиям. Механизмы и каналы трансляции этнокультурных ценностей и традиций также могут меняться во времени. Таким образом, как представляется, этническая культура может считаться структурным элементом культуры как социального института в широком смысле, как совокупность этнокультурных традиций, обрядов и ритуалов, а в узком смысле она институционализована посредством конкретных организаций, осуществляющих функции по ее сохранению и трансляции. Такой институт является устойчивым (и одновременно исторически изменчивым) образованием, возникшим в процессе человеческой деятельности и формируемым под влиянием природно-климатических условий. Его изменение обусловлено межэтническими взаимодействиями, когда элементы одной этнокультуры включаются в качестве новационной компоненты в другую этнокультуру, адаптируются в ней и либо принимаются, становясь ее составной частью, либо в ходе проверки на соответствие ценностному ядру этнической традиции отвергаются и исчезают из культуры. Однако именно в результате таких постоянных взаимодействий и обновлений мобилизуется потенциал локальных цивилизационно-культурных систем, происходит активизация этнического самосознания. И именно институциональное понимание этнокультуры позволяет фиксировать устойчивость ее форм, существующих при этом в исторической динамике. Следовательно, на современном этапе развития человечества мы можем рассматривать этнокультуру как социальный институт не только в широком (как набор правил, ценностей и норм), но и в узком смысле: этническая культура институционализована теми государственными и локальными структурами, которые несут ответственность за ее сохранение, воспроизводство и трансляцию. Сюда относятся федеральное и региональные министерства культуры, а также музеи, библиотеки, театры и т. д. В рамках институционального понимания этнической культуры актуализируется вопрос о ее взаимосвязи с другими социальными институтами: этнокультуры и национальной политики, этнокультуры и экономики (проблема коммерциализации культуры и этнотуризма), этнокультуры и семьи (как института, отчасти утратившего функции этнокультурной трансмиссии), этнокультуры и образования (как публичного канала трансляции этнокультурного знания). Кроме того, при таком подходе, актуализируется ряд «дилемм культуры», таких как, например, различие между культурным и спортивным событием (если речь идет о национальных видах спорта, таких, например, как борьба хуреш у тувинцев), о возможностях финансирования культуры (когда приоритет подчас отдается дополнительному финансированию исчезающих культур малочисленных народов), о субъектах, акторах современной этнокультурной деятельности, а также о культурных авторитетах и героях, процессах виртуализации и глобализации этнических культур. Рассматривая этническую культуру как социальный институт, мы можем анализировать его как структуру в совокупности связей с другими институтами, оценивать их взаимовлияние и со-функционирование в обществе.

Таким образом, мы приходим к выводу, что именно этнокультура в современности институционализована, т. к. есть структуры, которые ее воспроизводят, есть субъекты (акторы) с активной деятельностной позицией, а также она выполняет те функции, которые определяют социальную структуру именно как институт (функция консолидации этноса, трансляции, аксиологическая, гносеологическая и др.). Рассмотрение этнокультуры как социального института позволяет отследить структурные и функциональные трансформации этнических культур и специфики их взаимодействия с другими социальными институтами современности.

Список литературы / References

- Анжиганова, Л. В. (2019). Актеры как агенты ревитализации духовности этноса. *Наследие Михаила Кильчичакова в культуре народов России*. Абакан. С. 124-130.
- Anzhiganova, L. V. (2019). Actors as agents of ethnos spirituality revitalization. In *The legacy of Mikhail Kilchichakov in the culture of the peoples of Russia*. Abakan. pp. 124-130. (In Russ.)
- Арсентьева, Е. А. (2020). Детский театр как особый социальный институт культуры. *Студенческий*. № 39-2 (125). С. 6-8.
- Arsentieva, E. A. (2020). Children's theater as a special social institution of culture. *Student*. no. 39-2 (125). pp. 6-8. (In Russ.)
- Балакшин, А. С. (2006). Социальные институты культуры в системе гражданского общества. *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*. 2006. № 19. С. 74-76.
- Balakshin, A. S. (2006). Social institutions of culture in the system of civil society. *Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport*. 2006. no. 19. pp. 74-76. (In Russ.)
- Бердникова, А. Ю. (2019). Социальный институт культуры: понятие, процесс формирования, признаки, структура, функции. *Молодой ученый*. № 17(255). С. 191-193.
- Berdnikova, A. Yu. (2019). Social institution of culture: concept, formation process, signs, structure, functions. *Young scientist*. no. 17(255). pp. 191-193. (In Russ.)
- Борисов, А. Б. (2003). *Большой экономический словарь*. М. Книжный мир.
- Borisov, A. B. (2003). *Big Economic Dictionary*. Moscow. (In Russ.)
- Вакулич, Н. Р. (2010). Адаптивная роль социальных институтов культуры в процессе межкультурных коммуникаций. *Образование в современном мире*. Саратов. Изд-во Саратовского университета. Вып. 5. С. 91-96.
- Vakulich, N. R. (2010). The adaptive role of social institutions of culture in the process of intercultural communications. In *Education in the modern world*. Saratov. Vol. 5. pp. 91-96. (In Russ.)

Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. М. Прогресс.
Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. Moscow. (In Russ.)

Евсеенко, С. В., Шукин, Е. Ю. (2014). Кластер как институциональное явление. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. № 1. С. 120-123.
Evseenko, S. V., Schukin, E. Yu. (2014). Cluster as an institutional phenomenon. *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. no. 1. pp. 120-123. (In Russ.)

Егорова, О. В. (2019). Трансформация социальных институтов культуры на селе с советского периода до современности. *Вестник Чувашского университета*. № 4. С. 73-83.
Egorova, O. V. (2019). Transformation of social institutions of culture in the countryside from the Soviet period to the present. *Bulletin of the Chuvash University*. no. 4. pp. 73-83. (In Russ.)

Епанчинцева, И. А. (2019). Место и функции культуры в обществе сквозь призму социальных институтов. *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации*. Новосибирск. Новосибирский государственный педагогический университет. С. 322-323.

Epanchintseva, I. A. (2019). The place and functions of culture in society through the prism of social institutions. In *Youth of the XXI century: education, science, innovations*. Novosibirsk. pp. 322-323. (In Russ.)

Иванов, С. М. (2021). Культура как мультифункциональный социальный институт в турбулентном обществе. *VIII Дыльновские чтения «Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика»*. Саратов. Изд-во «Саратовский источник». С. 35-38.

Ivanov, S. M. (2021). Culture as a multifunctional social institution in a turbulent society. In *VIII Dylnov readings "Modern society in conditions of social uncertainty: theory and practice"*. Saratov. pp. 35-38. (In Russ.)

Коркия, Э. Д. (2018). Культура как социальный институт информационной эпохи. *Ценностное многообразие современной культуры*. Западный. Научно-исследовательский центр «Антровита». С. 5-25.

Korkia, E. D. (2018). Culture as a social institution of the information age. In *Value diversity of modern culture*. Zapadniy. pp. 5-25. (In Russ.)

Лопатина, Н. В. (2012). Культура и семья: взаимодействие социальных институтов в условиях информатизации. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. № 2(46). С. 47-52.

Lopatina, N. V. (2012). Culture and family: interaction of social institutions in the context of informatization. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. no. 2(46). pp. 47-52. (In Russ.)

Лубский, А. В. (2014). Неинституционализм. *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь*. Отв. ред. А. О. Чубарьян. М. С. 133-135.

Lubsky, A. V. (2014). Neoinstitutionalism. In Chubaryan, A. O. (ed.) *Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary*. Moscow. pp. 133-135. (In Russ.)

Норт, Д. (1997). Институциональные изменения: рамки анализа. *Вопросы экономики*. № 3. С. 6-17.

North, D. (1997). Institutional Change: A Framework for Analysis. *Voprosy Ekonomiki*. no. 3. pp. 6-17. (In Russ.)

Парсонс, Т. (2002). *О структуре социального действия*. М. Академический проспект.

Parsons, T. (2002). *The Structure of Social Action*. Moscow. (In Russ.)

Петров, И. Ф. (2018). Учреждение культуры как социальный институт, концентрирующий единство интересов общества и личности. *Colloquium-journal*. № 7-5(18). С. 72-74.

Petrov, I. F. (2018). Cultural institution as a social institution, concentrating the unity of the interests of society and the individual. *Colloquium-journal*. no. 7-5(18). pp. 72-74. (In Russ.)

Петрунина, Л. Я. (1991). *Музей изобразительных искусств как социальный институт художественной культуры*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.

Petrunina, L. Ya. (1991). *The Museum of Fine Arts as a Social Institute of Artistic Culture*. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences. Moscow. (In Russ.)

Сапотько, П. М. (2015). Кластеры культуры как социальный институт. *Материалы докладов 48 международной научно-технической конференции преподавателей и студентов, посвященной 50-летию университета*. Витебск. Витебский государственный технологический университет. С. 68-70.

Sapotko, P. M. (2015). Clusters of culture as a social institution. In *Materials of reports of the 48th international scientific and technical conference of teachers and students dedicated to the 50th anniversary of the university*. Vitebsk. pp. 68-70. (In Russ.)

Старыгина, А. М. (2014). Образование как социальный институт и феномен культуры: социокультурный анализ. [Электронный ресурс]. *Инженерный вестник Дона*. № 3(30). URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2542 (дата обращения: 15.04.2022).

Sarygina, A. M. (2014). Education as a social institution and cultural phenomenon: a sociocultural analysis. [Online]. *Don Engineering Gazette*. no. 3(30). Available at: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2542 (Accessed: 15 April 2022). (In Russ.)

Теория культуры. (2008). Под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб. Питер.

Ikonnikova, S. N., Bolshakov, V. P. (eds.). (2008). *Theory of culture*. St. Petersburg. (In Russ.)

Толмачева, Е. Н. (2015). Социальные институты культуры. *Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. Т. 1. С. 56-59.

Tolmacheva, E. N. (2015). Social institutions of culture. In *Proceedings of the Bratsk State University. Series: Economics and Management*. Vol. 1. pp. 56-59. (In Russ.)

Трофимова, Ю. С. (2021). Роль социальных институтов культуры в формировании гражданской идентичности детей посредством изобразительного искусства. *Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества. XXVI Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки)*. Нижний Новгород. Изд-во «Перо». С. 338-341.

Trofimova, Yu. S. (2021). The role of social institutions of culture in the formation of children's civic identity through fine arts. In *Harmonization of interethnic relations in a global society. XXVI Nizhny Novgorod session of young scientists (humanities)*. Nizhny Novgorod. pp. 338-341. (In Russ.)

Федотова, Л. Н. (2012). Институты культуры и реклама в России: социальные трансформации и участие граждан. [Электронный ресурс]. *Медиаскоп: электронный научный журнал*. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1074> (дата обращения: 15.04.2022).

Fedotova, L. N. (2012). Cultural institutions and advertising in Russia: social transformations and citizen participation. [Online]. *Mediascope: electronic scientific journal*. no. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1074> (Accessed: 15 April 2022). (In Russ.)

Шаванс, Б. (2003). Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах. *Вопросы экономики*. № 6. С. 4-19.

Chavans, B. (2003). Types and levels of rules in organizations, institutions and systems. *Voprosy Ekonomiki*. no. 6. pp. 4-19. (In Russ.)

Commons, J. (1990). *Institutional Economics. 1st Place in Political Economy*. New Brunswick; London. Transactions Publishers. Vol. 2.

Malinovski, B. (1931). Culture. In *Encyclopedia of the Social Sciences*. Macmillan. Vol. 4. pp. 621-646.

Сведения об авторе / Information about the author

Светлана Александровна Мадюкова – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sveiv7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3295-1778>.

Статья поступила в редакцию: 01.05.2022

После доработки: 10.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Madyukova Svetlana – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of Department of Social and Legal Research, of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: sveiv7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3295-1778>.

The article was received on: 01.05.2022

After revision: 10.06.2022

Accepted for publication: 20.06.2022

ОБЗОР

УДК 101.8:304.2

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В. В. Петров, Е. М. Лбова, О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vvpetrov@mail.nsu.ru; kate.lbova@gmail.com; olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор актуальных выступлений участников II Всероссийской научной конференции с международным участием «От идеи – к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде», которая состоялась в Новосибирском Академгородке 28–29 марта 2022 г. Показано, что цифровизация затрагивает все сферы социального пространства, создавая предпосылки для развития междисциплинарного взаимодействия в рамках естественно-научных и социогуманитарных исследований.

Ключевые слова: цифровизация, личность, общество, междисциплинарные практики.

Для цитирования: Петров, В. В., Лбова, Е. М., Персидская, О. А. (2022). Междисциплинарное взаимодействие в условиях цифровизации научно-образовательного пространства. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 2. С. 93-102. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.93-102

INTERDISCIPLINARY INTERACTION IN DIGITALIZATION CONDITIONS OF THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE

V. V. Petrov, E. M. Lbova, O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vvpetrov@mail.nsu.ru; kate.lbova@gmail.com; olga_alekseevna@mail.ru

Abstract. The article includes an overview of papers presented at the II All-Russian Scientific Conference with international participation «From Idea to Practice: Socio-Humanitarian Knowledge in the Digital Environment», which took place in Novosibirsk Akademgorodok on March 28–29, 2022. It is shown that the digitalization that affects all spheres of social space, creates the prerequisites for development of the interdisciplinary interaction in the framework of natural science and socio-humanitarian research.

Keywords: digitalization, personality, society, interdisciplinary practices.

For citation: Petrov, V. V., Lbova, E. M., Persidskaya, O. A. (2022). Interdisciplinary Interaction in Digitalization Conditions of the Scientific and Educational Space. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no 2. pp. 93-102. DOI: 10.47850/RL.2022.3.2.93-102

Переход социума на новую ступень развития, произошедший на рубеже XX–XXI вв., привел к взрывному росту информационно-коммуникационных технологий. Интенсивная цифровизация всех сфер общественной жизни коренным образом изменила систему производства и трансляции фундаментального знания, а также предъявила новые

требования к внедрению результатов научных исследований. Изменения в данной сфере диктуются, в первую очередь, структурно-организационными сдвигами в современной экономике, определяющими вектор формирования рынка труда на глобальном и региональном уровнях. Под воздействием цифровизации происходит трансформация социального пространства, которое расширяется за счет постоянных взаимодействий субъектов, невзирая на географические границы. Формирование социального виртуального пространства порождает ряд актуальных проблем, к числу которых относят необходимость поиска новых методов «безопасной коммуникации» между субъектами, представляющими различные социальные группы, выявление инструментария для классификации групп и их взаимодействий между реальным и виртуальным социальными пространствами, необходимость выработки теоретической базы и т. д. Внедрение новых технологий позволяет говорить как об изменениях содержания транслируемых знаний и способах их приобретения, так и о переменах во всей архитектуре системы науки и образования. С развитием инструментов искусственного интеллекта (ИИ), Big Data и др., качественно меняется ее институциональная основа [Петров, 2019, с. 2706]. В таких условиях особое значение приобретает взаимопересечение и взаимопроникновение точного, естественно-научного и социально-гуманитарного направлений развития фундаментального и прикладного знания.

Сегодня данные процессы только разворачиваются, однако уже можно выделить ряд тенденций, отражающих основные направления изменений: стремительное расширение научно-образовательного пространства, его фрагментацию и индивидуализацию, в то же время наблюдается дальнейшая коммерциализация сферы производства фундаментального и прикладного знания.

28–29 марта 2022 г. в Новосибирском Академгородке состоялась Вторая Всероссийская научная конференция с международным участием «От идеи – к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде», которая прошла в смешанном формате с использованием дистанционных технологий. Организаторами конференции выступили Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Институт философии и права Новосибирского государственного университета, Новосибирское отделение Российского философского общества и Ресурсный центр социокультурных исследований ИФПР СО РАН. Идея организации конференции данной тематики возникла в 2021 г. [Петров и др., 2021, с. 129], заложив основу традиции ежегодных встреч для обмена мнениями исследователей в области философии, социологии, педагогики, экономики, права и др., представляющих академические институты, вузы, независимые исследовательские организации, органы управления наукой и образованием по широкому кругу вопросов, касающихся генезиса и функционирования цифрового общества, перспектив развития социогуманитарного и естественно-научного знания и формирования предпосылок для сотрудничества и проведения междисциплинарных исследований.

География участников конференции в 2022 г. охватила более 20 городов из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья (Новосибирск, Минск, Париж, Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Владивосток, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Пятигорск, Рязань, Сургут, Севастополь, Таганрог, Томск, Чебоксары и др.).

Работа конференции началась с Пленарного заседания (председатель – ст. науч. сотр. ИФПР СО РАН, канд. филос. наук, доц. Владимир Валерьевич Петров), которое открыл директор ИФП НГУ, вед. науч. сотр. ИФПР СО РАН (г. Новосибирск), д-р филос. наук, проф.

Владимир Серафимович Диев. В докладе «Организационная культура российского университета в условиях цифровизации» он обозначил, что эффективность организационной культуры в условиях цифровизации зависит от политических, экономических, социально-демографических и технологических факторов. Им было обосновано, что сформированная, управляемая, постоянно совершенствуемая и гибко меняющаяся организационная культура является конкурентным преимуществом университета. Заведующий кафедрой философских учений Белорусского государственного технического университета (г. Минск), д-р филос. наук, проф. Александр Иванович Лойко в выступлении «Философия и технологии цифровых экосистем» обратился к теме технауки в социальном пространстве и обозначил культурные особенности ее функционирования. Вед. науч. сотр. ИФПР СО РАН (г. Новосибирск), д-р филос. наук, проф. Сергей Алевтинович Смирнов представил доклад «К вопросу об истоках цифрового соблазна». Он продемонстрировал, что именно редукция человека к разным частным определениям толкает его на соблазн, поскольку именно редуцированный человек, сведенный к разным функциям, испытывает страх не сбыться и потому склонен поддаться соблазну не быть и тем самым перекладывает всю ответственность на умные технологии. Проф. университета Декарта (Париж V), д-р психол. наук, доц. Светлана Васильевна Радченко-Драяр в докладе «Forecasts and Challenges of the Inclusion of Artificial Intelligence in the Organization of Socio-Political Governance» представила результаты анализа прогнозов и вызовов, связанных с применением искусственного интеллекта в организации общественно-политического управления, где выделила реальные и вероятные причины и последствия его применения в деятельности человека. Сотрудник Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток), канд. экон. наук Наталия Валентиновна Воеводина в выступлении «Digital humanities как технология, интеллект или культура?» сфокусировала внимание на том, что рациональность и инерционность экономики могут выступать в качестве атрибутов сознания в экономических отношениях, социуме, инновациях и культуре. Заведующий кафедрой социологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), д-р филос. наук, проф. Наталья Сергеевна Ладынец в выступлении на тему «Искусственный интеллект: ресурсы и риски применения в формировании новой бизнес-среды» отметила, что искусственный интеллект порождает пул новых социальных проблем, как в самих компаниях, так и в их взаимодействии с социумом, связанных, прежде всего, с обеспечением прогнозирования и безопасности, контролем новых идей, а также с технологической переподготовкой персонала и закреплением новых навыков руководства бизнесом.

Ст. науч. сотр. ИФПР СО РАН, доц. кафедры социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, канд. филос. наук, доц. Владимир Валерьевич Петров в выступлении «Трансформация социального пространства в цифровом обществе» обозначил, что поскольку время фиксирует процессы структурирования социума, то постоянные изменения в виртуальном пространстве являются причинами качественных изменений в реальной действительности.

В рамках конференции была организована работа укрупненных секций по основным направлениям работы.

На секционном заседании «Научное знание и технологии в цифровой среде» (председатель – Екатерина Михайловна Лбова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИФПР СО РАН) участники обсудили широкий спектр как общетеоретических проблем, связанных с теорией информации, так и вопросов, имеющих сугубо практическую направленность.

Доклад д-р. филос. наук, доц. Новосибирского государственного университета Н. В. Головки (г. Новосибирск) «Научная онтология и теория информации» был посвящен современным попыткам дать теоретико-информационную трактовку объектов, описываемых физической теорией на основе идей, заложенных Л. Брютлюэном в 1950-е гг.

Д. А. Мисюров, канд. полит. наук, доц. кафедры истории, философии и социальных наук Московского государственного университета геодезии и картографии (г. Москва), представил доклад «Диалектика мира и цифровой среды: моделирование с помощью диалектических диалогических схем и диалектических формул на основе двоичного счисления», в котором предложил эволюционно-революционные модели развития мира и цифровой среды с выделением цифровой практики и цифровой теории. Особую роль докладчик отдал диалектическим алгоритмам, сделав акцент на их ключевом значении в соотношении технологичности и идеологичности.

Аспирант Института философии и права Новосибирского государственного университета Е. Б. Черезова (г. Новосибирск) выступила с рассмотрением проблем сверхдетерминации и причинной замкнутости физического в моделях ментальной причинности Дж. Лоу. Проанализировав три модели, приведенные Дж. Лоу, докладчик предложила применение ослабленного принципа замкнутости физического для преодоления аргументов, допускающего трактовку синхронической и диахронической форм ментальной причинности как необходимых.

Т. В. Щеклачева, сотрудник Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск), представила на Конференции доклад, в котором попыталась проанализировать проблему трансформации понятия «адаптация» в связи с его заимствованием из естественных наук в область гуманитарных исследований.

А. А. Шавлохова, канд. филос. наук, сотр. кафедры философии, культуры и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород), в докладе сделала акцент на методах, с помощью которых можно показать способы реконструирования личностью образов будущего в цифровом пространстве. А. А. Шавлохова выделила определенную корреляцию между принципами социального конструкционизма, включающими визуальную составляющую и языковые сентенции, с помощью которых личность описывает свое будущее, и семиосферу, в которой присутствует возможность формирования цифровой репрезентации личности.

Ст. науч. сотр. Института философии и права СО РАН, канд. ист. наук Е. М. Лбова (г. Новосибирск) в рамках выступления рассмотрела специфику научной коммуникации в современном цифровом обществе. По мнению докладчика, появление научных социальных сетей и развитие средств, обеспечивающих виртуальное общение, приводят к стиранию границ между формальной и неформальной коммуникацией, создавая условия для новых теоретико-методологических оснований научного поиска.

Работа секции продолжилась выступлением д-р экон. наук Е. В. Ширинкиной (г. Сургут, Сургутский государственный университет) «Формирование дизайн-мышления в цифровой среде», обозначившей новые инструменты и возможности, которые предоставили современные технологии компаниям, занимающимся разработкой промышленного дизайна. Особое внимание докладчик уделила «дизайн-мышлению» и этапам его формирования в бизнесе, обозначив особую задачу современного дизайна, состоящую в том, чтобы «быть не только красивым и комфортным, но и честным».

Также тему художественных способностей человека затронула в своем докладе «О влиянии конвергентных технологий на формирование творческих способностей и художественного вкуса человека» А. Г. Горбачева (канд. филос. наук, г. Новосибирск, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»). Помимо обозначения основных тенденций, связанных с развитием конвергентных технологий, докладчик высказала опасения относительно будущего традиционного изобразительного искусства в цифровом обществе. По мнению А. Г. Горбачевой уже сегодня ряд произведений искусства создается при помощи ИИ, формируя определенный вкус на визуальные образы и все дальше отдаляя человека от участия в процессе творчества. Так, постепенно яркие работы, созданные машинами, приведут к возможной безработице среди творческой интеллигенции и «заставят исчезнуть признанные произведения искусства».

Теме личного бренда врача в повышении общественного доверия к системе здравоохранения был посвящен доклад Ю. А. Дибровой, ассистента лаборатории цифровой антропологии медицинских систем Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск). В выступлении Ю. А. Диброва рассмотрела составные компоненты и способы продвижения личного бренда врача. По мнению исследователя, доверие пациентов является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на удовлетворенность всей системой здравоохранения в целом, поэтому вопрос разработки и продвижения личного бренда врача, как положительного образа квалифицированного специалиста в области медицины, является одной из приоритетных задач современного российского цифрового общества.

С темой здравоохранения был связан доклад мл. науч. сотр. Сибирского государственного медицинского университета О. С. Кузуб «Принцип автономности и мобильное здравоохранение» (г. Томск), посвященный рассмотрению типов инструментов mHealth, осуществляющих сбор показателей состояния человека и позволяющих отслеживать и фиксировать данные о здоровье, тем самым способствуя развитию автономии личности в современном цифровом обществе.

В докладе «Вопрос Тьюринга в новой редакции: может ли техническое устройство быть «умным» и что это значит?» А. И. Пестунова, канд. физ.-мат. наук, заведующий кафедрой информационных технологий Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (г. Новосибирск), было сформулировано несколько определений «умного» устройства, включающего в себя «автономное умное устройство» и «интерактивное умное устройство». Эта дифференциация, по мнению докладчика, позволит в дальнейшем проводить гуманитарную экспертизу трансформации человека при взаимодействии с подобными «умными» устройствами, как в контексте человеко-машинного интерфейса, так и концепции жизненного аутсорсинга.

Е. В. Рожков (асп. УрГЭУ, г. Екатеринбург) в докладе «Разработка искусственного интеллекта в Перми» рассмотрел особенности процесса создания и внедрения ИИ в России на примере проектов распространения цифровых технологий в Пермском крае. Студент Казанского государственного энергетического университета С. С. Рахматуллин вместе с А. К. Умурзаковым и М. Д. Елфутиным (г. Казань) представили на конференции доклад на тему «Перспективы внедрения искусственного интеллекта в отрасль электроэнергетики», в котором на основе анализа актуальных источников литературы предприняли попытку рассмотрения перспективных направлений внедрения ИИ в электроэнергетическую отрасль.

Перспективам преодоления этических ограничений в работе искусственного интеллекта посвятила свое выступление В. И. Алейникова, студентка Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск). Особое внимание докладчик уделила результатам эксперимента И. Солейман и К. Деннисон, которые показали, что языковые модели «GPT-3» могут вести себя этично при точной настройке с соответствующим набором данных, что приближает современное общество к решению этических проблем языковых моделей. В. В. Макаров, студент Московского физико-технического института (г. Долгопрудный), представил на конференции результаты практической работы по применению нейронных сетей в исследованиях на полиграфе. По мнению докладчика, традиционная методика анализа результатов полиграфического исследования, базирующаяся на физиологических показателях испытуемого и аналитической работе полиграфолога, нуждается в корректировке, которую может обеспечить параллельное применение нейронных сетей при исследовании на полиграфе. Результаты экспериментов показали, что использование машинного обучения для автоматизации работы полиграфолога с архитектурами нейронных сетей из библиотеки scikit-learn с применением VotingClassifier и трансформера повышает эффективность анализа полиграмм, осуществляет согласование по признакам, уменьшает количество ошибочных выводов по ответам испытуемого. Доклад Н. В. Киселева «Исследование, анализ систем и алгоритмов в реабилитационном устройстве велосипедного типа» (г. Йошкар-Ола) затрагивал темы анализа электроприводов с обратной связью и применения биологической обратной связи, а также осветил методики реабилитации для всех групп людей с поражением нижних конечностей.

В рамках работы секции «Общество в условиях цифровизации» (председатель – Персидская Ольга Алексеевна, мл. науч. сотр. ИФПР СО РАН) участники конференции обратились к вопросам развития цифровых технологий и специфике общественных взаимодействий в условиях интенсивной виртуализации современного социума. Работу секции открыл доклад «Вызовы и риски цифровых технологий» Цзо Ци (г. Москва), в котором он рассмотрел риски цифровых технологий, связанные с ростом и изменением структуры безработицы, усугублением социального неравенства, внезапными и сложно прогнозируемыми мутациями социальных институтов. В заключении он подчеркнул, что безопасное обеспечение продвижения цифровых технологий возможно только при условии избегания рисков и своевременного корректирования трансформирующих воздействий.

А. С. Зайкова (г. Новосибирск) обратилась к теме цифрового воспитания детей и подростков, обозначив различные стили родительства, сформировавшиеся в современный период. Она охарактеризовала то, как проявляют себя в областях традиционного и цифрового воспитания авторитарные, авторитетные и разрешающие родители, а также «родители-вертолеты» и «родители-бульдозеры».

Т. К. Скрипкина (г. Новосибирск) показала, каким образом трансформировались читательские и зрительские стратегии аудитории российских медиа после начала Covid-19: так, пандемия привела к трансформации практик приобретения медиапродуктов, формированию новых критериев выбора медиаконтента, а также к изменениям временных затрат, которые различные представители аудитории готовы посвятить его потреблению. Эти изменения докладчик связала с обилием противоречивой информации, потребностью в достоверных сведениях о заболевании и вакцинации, а также с такими социально-экономическими изменениями, как массовый переход на удаленную работу и снижение уровня доходов у некоторых сегментов аудитории медиа.

Канд. юрид. наук К. М. Паронян (г. Таганрог) посвятил свое исследование определению степени и форм внедрения искусственного интеллекта в государственно-правовую жизнь. Он заострил внимание на том, что включение искусственного интеллекта в те сферы, где необходимо оценивать личность и мотивы действий человека, невозможно. В этой связи, по мнению Карэна Мартиновича, использование ИИ должно носить вспомогательный характер, а принятие любых правотворческих и правоприменительных решений следует осуществлять только человеку.

Е. Н. Коробкина (г. Симферополь) обратилась к теме «Умного города», рассмотрев ее с эτικο-философской точки зрения через риски создания цифрового общества. Она показала необходимость понимания управления как синергетической модели соуправления правительства и гражданского общества в динамических самоорганизующихся системах.

Канд. экон. наук А. В. Алешина и канд. экон. наук А. Л. Булгаков (г. Москва) рассказали о практиках преподавания обществознания в школе в условиях цифровой среды. На примере ряда кейсов из собственной преподавательской деятельности авторы доказали, что активное использование существующих информационных технологий при подготовке к уроку обществознания в школе позволяет повысить заинтересованность школьников в изучаемом предмете и дает им возможность получить практические знания для использования в будущем в различных хозяйственных ситуациях.

На основе проведенного исследования взаимосвязей значимости ценности терпимости со значимостью других ценностей молодых людей, а также с направленностью их личности, канд. психол. наук А. М. Лесин (г. Рязань) обосновал необходимость развития терпимости в условиях цифровизации и виртуализации общения. Он аргументировал, что терпимость может быть ресурсом и средством, а в необходимый момент обеспечить связь с миром непосредственного общения и деятельностного взаимодействия с другими людьми и окружающей средой.

Д-р филос. наук Е. А. Ерохина (г. Новосибирск) поделилась опытом общественной экспертизы развития народов Севера на примере институтов позднесоветского общества. Исследователь обратилась к материалам, посвященным деятельности Региональной

межведомственной комиссии по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера, учрежденной в 1981 г. Опыт такой экспертизы важен в контексте оценки роли, которую играла национальная политика в сложной динамике интеграционных и дезинтеграционных процессов позднего СССР.

Доклад О. А. Василюхой (г. Екатеринбург) касался проведенного в г. Екатеринбурге исследования на тему «Самопрезентация молодежи в социальных сетях». По его результатам самопрезентация молодых людей в социальных сетях направлена на то, чтобы сформировать свой имидж таким же, как в реальной жизни. Автор показала, что, по мнению опрошенных, в настоящее время важно транслировать образ «настоящего себя» в социальных сетях, в том числе с помощью фотографий в формате «селфи», которые являются наиболее приоритетным способом самопрезентации среди молодежи.

О. А. Персидская (г. Новосибирск) также обратилась к результатам социологического исследования, проведенного сотрудниками ИФПР СО РАН, которое показало, что интернет и сетевые социальные медиа являются для некоторых представителей современного юношества зоной, практически полностью свободной от темы этничности. Она сделала вывод, что такая ситуация может быть связана с проявлением кризисных тенденций, связанных с этнической идентичностью молодых людей, что влияет в том числе и на снижение частоты и качества проявления этнических феноменов в интернет-пространстве.

Канд. филос. наук С. А. Мадюкова (г. Новосибирск) в выступлении связала такие темы, как этнокультурный неотрадиционализм и практики преподавания на цифровом образовательном портале «Российская электронная школа». Она заострила внимание на некоторых проблемных моментах, связанных с диспропорцией актуальных тем, посвященных религии, культуре и традициям разных народов Российской Федерации, и показала, как их подача может быть скорректирована для более адекватного отображения социокультурного ландшафта страны.

А. В. Шеваренкова (г. Санкт-Петербург) актуализировала проблематику ограничения свободы журналистов в Интернете. Она рассмотрела анонимность как наиболее перспективную, с точки зрения практического применения, возможность для сохранения права на свободу слова и возможные риски деанонимизации. Одновременно она зафиксировала увеличение разрыва между требованиями к представителям непруденциальных профессий по сравнению с представителями пруденциальных профессий.

В. А. Прокофьева (г. Казань) обосновала верность выдвинутой ею теории о том, что китайский язык ввиду своей специфики является наиболее подходящим иностранным языком для изучения людьми с нарушением слуха. Кроме того, она показала эффективность применения нейролингвистического подхода в обучении китайскому языку представителей глухого сообщества.

Канд. пед. наук Т. Н. Семенова (г. Чебоксары) раскрыла проблему, связанную с обучением детей поколения «Альфа» (этот термин предложил М. МакКриндл для характеристики поколения, рожденного после 2010 г. и подверженного максимальному воздействию цифровых технологий на жизнь). Она сделала вывод, что педагоги таких детей должны вдохновляться культурой инноваций и трансформировать традиционные подходы в обучении; для вовлечения аудитории в образовательный процесс им необходимы жизненные примеры, яркие демонстрации и захватывающие внимание технологии.

И. И. Дятлов (г. Новосибирск) представил доклад на тему «Моральные проблемы безопасности в цифровую эпоху», подготовленный с использованием актуальных зарубежных социально-философских концепций. Дискуссию среди участников секции вызвал тезис о необходимости переосмысления границ ответственности и пределов безопасности современного ученого, результаты исследований которого могут быть использованы, например, в разработке оружия.

Перечисленные доклады вызвали неподдельный интерес участников и, сопровождаясь большим количеством вопросов, привели к оживленным дискуссиям, что свидетельствует о чрезвычайной актуальности проблем, затронутых в работе конференции. Доклады участников будут опубликованы в сборнике научных трудов.

Список литературы / References

Петров, В. В. (2019). Виртуальная реальность: дистанционное образование в информационном обществе. *Профессиональное образование в современном мире*. Т. 9. № 2. С. 2702-2709. DOI: 10.15372/PEMW20190207

Petrov, V. V. (2019). Virtual Reality: Distance Education in the Information Society. *Professional Education in the Modern World*. Vol. 9. no. 2. pp. 2702-2709. DOI: 10.15372/PEMW20190207 (in Russ.)

Петров, В. В., Аблажей, А. М., Лбова, Е. М., Персидская, О. А. (2021). Социогуманитарное знание в цифровой среде. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 1. С. 129-135. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.129-136

Petrov, V. V., Ablazhey, A. M., Lbova, E. M., Persidskaya, O. A. (2021). Socio-Humanitarian Knowledge in the Digital Environment. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 1. pp. 129-135. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.129-136 (in Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

Лбова Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: kate.lbova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5095>

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2022

После доработки: 01.06.2022

Принята к публикации: 10.06.2022

Petrov Vladimir Valerievich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Social and Legal Research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

Lbova Ekaterina Mickhailovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Social and Legal Research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8; e-mail: kate.lbova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5095>

Persidskaya Olga Alekseevna – Junior Researcher of the Department of Social and Legal Research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

The paper was submitted: 15.05.2022

Received after reworking: 01.06.2022

Accepted for publication: 10.06.2022